

Научный центр «LJournal»

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№132, Апрель 2026
(Часть 2)

Самара, 2026

T33

**Научный журнал «Тенденции развития науки и образования»
№132, Апрель 2026 (Часть 2) - Изд. Научный центр «LJournal»,
Самара, 2026 – 133 с.**

Тенденции развития науки и образования – это научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» – <https://ljournal.org>

- © Научный центр «LJournal»
- © Международная Объединенная Академия Наук
- © Университет дополнительного профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович
Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович
Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич
Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович
Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич
Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна
Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна
Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы
Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич
Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна
Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна
Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна
Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна
Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна
Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна
Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна
Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович
Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна
Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович
Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна
Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы
Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Пронина Наталья Андреевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Доктор сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ VII. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Алтухов С.Н. Пределы активности адвоката при собирании доказательств по уголовному делу.....	7
Алтухов С.Н. Проблемы правомерного обхода закона в международном частном праве	10
Аскеров Т.Р. Роль международных договоров в регулировании отношений, осложненных иностранным элементом	14
Бойко Д.Д. Проблемы квалификации мошенничества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ).....	17
Волжина Е.А. Особенности осуществления защиты по делам несовершеннолетних ...	21
Дерябина М.Р., Ляхова А.И. Проект «адвокатской монополии» на представительство в суде как фактор профессиональной автономии и доступа к правосудию.....	25
Дерябина М.Р., Перемышленникова И.Н. Определение применимого права к заключенным через интернет договорам с иностранным элементом.....	28
Дерябина М.Р., Сороколетова М.Р. Правовой режим земельного участка при признании объекта самовольной постройкой	31
Дерябина М.Р., Яковлев В.И. Проект ограничения найма жилых помещений без согласия соседей: анализ нововведений	34
Загородняя Н.А., Ляхова А.И. Проблемы независимости адвоката в Российской Федерации	37
Квициния Н.В., Шарков М.С. Фундаментальные основы частного права: от Рима до современности	41
Кикенко Д.В. Особенности правового режима сельскохозяйственных земель и порядок их предоставления.....	46
Кикенко Д.В. Принципы международного частного права и их роль в регулировании международных отношений.....	49
Кикенко Д.В. Эволюция адвокатской этики в России: традиции и современность.....	52
Кобзева В.А. Проблемы использования результатов негласных оперативно-разыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам	55
Ляхова А.И., Тарасенко Д.В. Современные проблемы допустимости результатов оперативно-разыскной деятельности в делах о терроризме и роль государственного обвинителя в их преодолении	58
Мережко А.К. Проблемы профессиональной подготовки и оценки квалификации адвокатов.....	61
Миневский А.А. Проблемы судебной защиты прав граждан при проведении капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома.....	65
Огольцова А.М. Особенности восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в Российской Федерации.....	69
Огольцова А.М., Ляхова А.И. Участие адвоката по назначению в уголовном процессе	73
Огольцова А.М., Перемышленникова И.Н. Особенности ответственности государства как субъекта международного частного права	76
Огольцова А.М., Сороколетова М.А. Использование земельных участков не по целевому назначению: правовые проблемы регулирования и контроля.....	79

Панова А.А. Риски, связанные с этическими аспектами профессиональной деятельности адвоката	82
Панова А.А., Перемышленникова И.Н. Вопросы космического международного частного права	85
Панова А.А., Сороколетова М.А. Тенденции развития и некоторые проблемы земельного законодательства Российской Федерации на современном этапе	88
Панова А.А., Яковлев В.И. Особенности восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в РФ	91
Повжикова В.В., Ляхова А.И. Психологические аспекты установления контакта между адвокатом и доверителем	95
Повжикова В.В., Перемышленникова И.Н. Особенности отношений между супругами в международном частном праве	98
Повжикова В.В., Сороколетова М.А. Правовые проблемы реализации государственного надзора и муниципального контроля в области земельных отношений	101
Повжикова В.В., Яковлев В.И. Переустройство (перепланировка и переоборудование) жилых помещений	105
Польшикова В.В. Проблемы разграничения оказания адвокатами юридической помощи и интеллектуального пособничества	109
Попкова Ю.И. Сущность и правовая природа корпоративного договора в современном корпоративном праве	112
Соболев Н.Р. Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействия	115
Стешенко Д.Р. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ)	118
Терновенко А.П. Защита жилищных прав отдельных категорий граждан	122
Терновенко А.П. Особенности наследования в международном частном праве	124
Терновенко А.П. Психологические особенности деятельности адвоката	127
Храмова П.С. Разграничение злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и мошенничества при причинении имущественного вреда организации	129

РАЗДЕЛ VII. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алтухов С.Н.

Пределы активности адвоката при собирании доказательств по уголовному делу

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Алейникова В.А.

Аннотация

Статья посвящена анализу пределов активности адвоката при собирании доказательств по уголовному делу. Рассматриваются процессуальные, фактические и этические ограничения, с которыми сталкивается защитник в доказательственной деятельности. Отмечается отсутствие процессуального порядка производства действий по собиранию доказательств, разобщенность ведомственных информационных систем и проблема допустимости собранных адвокатом материалов. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства в части закрепления статуса адвокатского опроса и унификации порядка собирания доказательств.

Ключевые слова: адвокат-защитник; уголовный процесс; собирание доказательств; адвокатский запрос; опрос лиц; допустимость доказательств; пределы активности.

Abstract

The article analyzes the limits of advocate's activity in gathering evidence in criminal proceedings. It examines procedural, factual and ethical limitations faced by defense counsel in evidentiary activity. The lack of procedural order for evidence-gathering actions, the disunity of departmental information systems and the problem of admissibility of materials collected by an advocate are noted. Based on the analysis, proposals are made to improve legislation regarding the consolidation of the status of advocate's interview and the unification of the procedure for gathering evidence.

Keywords: defense counsel; criminal procedure; gathering evidence; lawyer's request; interview of persons; admissibility of evidence; limits of activity.

Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) предполагает равные возможности обвинения и защиты в доказывании своей позиции. Однако на практике баланс между сторонами существенно нарушается: адвокат, в отличие от следственных органов, сталкивается с существенными ограничениями в собирании доказательств. Статьи 46 и 47 УПК РФ гарантируют подозреваемому и обвиняемому право представлять доказательства, а п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предоставляет защитнику право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи. В ч. 3 ст. 86 УПК РФ дан перечень процессуальных действий защитника по собиранию доказательств: получение предметов, документов и иных сведений (п. 1), опрос лиц с их согласия (п. 2) и истребование справок, характеристик и иных документов от различных органов и организаций (п. 3).

Вместе с тем, закрепив указанные средства собирания доказательств, законодатель не установил процессуальный порядок производства этих действий, что на практике вызывает споры и влечёт необоснованные решения об отказе в приобщении собранных адвокатом доказательств. Цель статьи — комплексный анализ пределов активности

адвоката в доказательственной деятельности и формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Первую группу ограничений составляют процессуальные пределы. Адвокат, в отличие от следователя, не обладает властными полномочиями: он не может принудительно изымать документы, проводить обыски или назначать экспертизы. Доказательственная деятельность адвоката в досудебном производстве крайне ограничена: предусмотрен закрытый перечень собирательных правомочий, защитник не участвует в проверке и оценке доказательств, как государственно-властные субъекты, в чьем производстве находится уголовное дело. В части полученных адвокатом предметов и документов основным препятствием для включения их в доказательственную базу является «фильтр» стороны обвинения, которая принимает властное решение по своему усмотрению о допустимости представленных адвокатом материалов.

Вторая группа проблем носит фактический характер. Защитник зависит от добровольного сотрудничества лиц и организаций. Если свидетель отказывается давать показания, а государственный орган игнорирует запрос, адвокат фактически лишается доказательств. Как отмечает Л.А. Позднякова, «в досудебном производстве УПК РФ, объявив о праве защитника собирать доказательства, в действительности это право не обеспечил. Субъектом собирания доказательств остаются органы уголовного преследования, а защитник в этом может лишь им содействовать». Адвокатский запрос сведений из различных инстанций порой игнорируется по формальным основаниям, что недопустимо при осуществлении своевременной правовой помощи.

Третья проблема — отсутствие полноценной единой информационной системы и разобщенность ведомственных баз данных. Адвокат, в отличие от органов расследования, не имеет оперативного доступа к интегрированным информационным ресурсам, что существенно затрудняет сбор и проверку сведений, имеющих значение для защиты. Это противоречит не только духу состязательности, но и международным нормам, закрепленным в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

Особого внимания заслуживает вопрос об опросе лиц адвокатом. Данное мероприятие не получило процессуальной регламентации, чаще всего считается формальным и малоэффективным, поскольку не обладает юридической силой допроса, а служит лишь основанием для производства дальнейших следственных действий, результат которых часто отличается от первоначального, как правило, в пользу обвинения. Несмотря на это, адвокатский опрос не рассматривается как самостоятельное доказательство в уголовном процессе, однако его роль как источника информации об обстоятельствах дела, которые могут быть подтверждены письменными доказательствами, весьма высока.

Правовые основы адвокатского запроса также имеют существенные недостатки. Как указывается в Методических рекомендациях ФПА РФ, при разработке УПК РФ законодатель не установил процессуальный порядок производства этих действий, что на практике вызывает споры и влечет необоснованные решения об отказе в приобщении собранных адвокатом доказательств. В ходе собирания доказательств следует учитывать требования ст. 74 и 75 УПК РФ, закрепляющих понятие, свойства и виды доказательств, а также формы их процессуального закрепления. Поскольку действующим УПК РФ процессуальные документы, которыми бы фиксировались действия и решения адвоката, не предусмотрены (постановление, протокол), то таковые должны по форме и содержанию соответствовать требованиям ст. 84 УПК РФ.

Деятельность адвоката по собиранию доказательств ограничена также нормами профессиональной этики. В соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката, защитник обязан действовать добросовестно, разумно и не допускать незаконных методов получения информации. При этом адвокатский иммунитет, закреплённый в ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», защищает от разглашения сведений, ставших известными адвокату в связи с оказанием юридической

помощи, однако не освобождает его от обязанности соблюдать баланс между правом на защиту и требованиями закона. Как отметил Конституционный Суд РФ в Определении № 214-О/2024, суд вправе задавать адвокату вопросы, нацеленные на выяснение имевших место событий, действий, очевидцем которых он был, не исследуя при этом информацию, ставшую ему известной в связи с его профессиональной деятельностью.

Пределы активности адвоката при собирании доказательств по уголовному делу формируют баланс между правом на защиту и требованиями процессуального закона. В настоящее время этот баланс смещён в сторону обвинения: адвокат-защитник должен активно участвовать в процессе доказывания с самых ранних стадий уголовного судопроизводства, однако его доказательственная деятельность слабо урегулирована процессуальным законодательством, отсутствуют правовые гарантии её осуществления.

Решение этих проблем требует комплексных мер. Во-первых, необходимо закрепить в УПК РФ процессуальный порядок действий адвоката по собиранию доказательств, включая форму фиксации опроса лиц с их согласия. Во-вторых, следует дополнить ст. 74 УПК РФ указанием на то, что протоколы адвокатского опроса и иные документы, собранные защитником, являются допустимыми доказательствами при соблюдении требований закона. В-третьих, требуется создание единой информационной системы, обеспечивающей адвокату доступ к обобщенным сведениям, необходимым для защиты, в порядке, установленном законом. Реализация указанных направлений позволит повысить эффективность доказательственной деятельности адвоката и обеспечить подлинную состязательность уголовного судопроизводства.

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (с изм. и доп.). // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения 14.04.2026)
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2024 N 214-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Манукяна Камо Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения 14.04.2026)
7. Федеральная палата адвокатов РФ. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : утв. Советом ФПА РФ, протокол № 5 от 22.04.2004 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. — 2004. — № 2. — С. 24–31.
8. Курилов А. В. Сбор защитником доказательств в контексте принципа состязательности сторон // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 480–482.
9. Авдонин В. А. Проблемы собирания и представления доказательств адвокатом-защитником на стадии предварительного расследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 2–8. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.2.
10. Меджеева А. С., Тюрбеев А. Д., Лиджиев А. Д., Салаева С. Б. Уголовно-процессуальная деятельность защитника по участию в собирании доказательств по уголовному делу // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8 (195). – С. 297–300. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_8_297.
11. Чарыков А.В. О некоторых вопросах участия адвоката в процессе доказывания в стадии предварительного расследования // Российский следователь. – 2025. – № 7. – С. 32–36. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-7-32-36.
12. Буфетова М. Ш. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 4 (22). – С. 41–53.
13. Баева К. М. Собирание доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 178–183.

Алтухов С.Н.

Проблемы правомерного обхода закона в международном частном праве

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Перемышленникова И.Н.

Аннотация

В статье исследуется институт обхода закона (*fraus legis*) в международном частном праве – один из самых спорных как в доктрине, так и в судебной практике. Рассмотрены теоретические взгляды на природу этого явления, выделены его отличительные черты, проведено сравнение со смежными категориями: злоупотреблением правом, оговоркой о публичном порядке и сверхимперативными нормами. Проанализирован зарубежный опыт правового регулирования, а также современные проявления обхода закона в условиях цифровой экономики и санкционных режимов. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию правовых механизмов.

Ключевые слова: международное частное право, обход закона, *fraus legis*, коллизионное регулирование, злоупотребление правом, публичный порядок, сверхимперативные нормы.

Abstract

The article examines the institution of evasion of law (*fraus legis*) in private international law, which remains highly controversial in both legal doctrine and judicial practice. Theoretical approaches to defining the essence of evasion of law are analyzed, its distinctive features are identified, and it is compared with related legal categories such as abuse of rights, public policy clause, and overriding mandatory provisions. Foreign regulatory experience is reviewed, along with current manifestations of evasion of law in the digital economy and under sanctions regimes. Based on the analysis, proposals for improving legal regulation are formulated.

Keywords: private international law, evasion of law, *fraus legis*, conflict of laws regulation, abuse of rights, public policy, overriding mandatory provisions.

Введение

Термин «обход закона» (*fraus legis*) в международном частном праве относится к числу наиболее сложных и вызывающих острые дискуссии явлений. Упрощённо его можно описать как намеренный выбор наиболее удобного правопорядка с целью избежать применения нежелательного закона, который в обычной ситуации подлежал бы использованию. Сложность в том, что формально такие действия закон не нарушают, однако их цель противоречит смыслу законодательных предписаний.

Несмотря на длительную историю изучения, единого понимания природы «обхода закона» в науке и судебной практике до сих пор не выработано. Актуальность темы продиктована ростом трансграничных экономических связей, появлением новых форм международного взаимодействия и необходимостью создания эффективных инструментов противодействия злоупотреблениям при выборе применимого права. Цель данной работы – всесторонне проанализировать теоретические и практические аспекты обхода закона в международном частном праве и предложить пути совершенствования правового регулирования.

Понятие и ключевые признаки обхода закона

Само понятие «обход закона» зародилось во французской судебной практике, а затем было воспринято доктриной международного частного права. Как отмечают В.В. Хандога и М.С. Сучилина, обход закона в данной сфере – это ситуация, когда участники

правоотношений, стремясь уйти от действия невыгодной для них нормы национального права, совершают действия, в результате которых их отношения начинают регулироваться правом другого государства, содержащим более удобные правила.

Современные исследователи выделяют несколько характерных признаков такого поведения. Во-первых, обход закона всегда предполагает активные действия (иногда – цепочку взаимосвязанных актов). Во-вторых, эти действия формально не противоречат букве закона, но по своей сути являются неправомерными, поскольку идут вразрез с требованиями, выводимыми из смысла правовых предписаний. В-третьих, подобное поведение отличается заведомой недобросовестностью, наличием противоправной цели и стремлением получить необоснованное преимущество. Как справедливо замечает А.В. Зотова, «обход закона формально не нарушает позитивных предписаний, но противоречит их смыслу и должен пресекаться с помощью сверхимперативных норм и отказа в судебной защите».

Специфика обхода закона в международном частном праве обусловлена различиями в правовом регулировании разных государств: одно предъявляет более жесткие требования, другое – более мягкие. Именно эта разница и создает почву для манипуляций коллизионными привязками в целях подчинения отношений наиболее удобному правопорядку.

Разграничение обхода закона и смежных институтов

Теоретическая дискуссия об обходе закона во многом связана с его соотношением с оговоркой о публичном порядке и сверхимперативными нормами. А.Н. Мандельштам писал о совпадении двух известных теорий – «*ordre public*» и «*in fraudem legis*»: «Очевидно, что обе эти теории выражают одну и ту же мысль с разных точек зрения». Однако сегодня большинство учёных склоняются к их разграничению.

Как указывает В.В. Кудашкин, первая группа проблем касается отождествления теории обхода закона с публичным порядком и императивными нормами особого значения; вторая группа связана с вопросом о том, что именно запрещается – обход коллизионных норм или материальных норм *lex fori*.

Отдельно стоит рассмотреть соотношение обхода закона и злоупотребления правом. Многие авторы полагают, что обход закона – это одна из форм злоупотребления правом, поскольку в обоих случаях лицо использует предоставленные ему возможности не по назначению, а для достижения недобросовестной цели. Отличие же состоит в том, что при обходе закона субъект действует в рамках формально существующих «лазеек» в законодательстве, которые позволяют избежать применения невыгодных норм.

Зарубежные подходы к правовому регулированию

В доктрине международного частного права сложились различные подходы к регламентации обхода закона. В законодательстве ряда государств (например, Германии, Швейцарии) есть специальные положения, направленные на предотвращение злоупотреблений при выборе применимого права. Примечательно, что при разработке части третьей Гражданского кодекса РФ в 1996–1998 гг. норма об обходе закона была включена в проект раздела VII «Международное частное право», однако после обсуждения специалисты пришли к выводу, что её включение было бы ошибочным. Аналогично рабочая группа, готовившая для стран ЕЭС Конвенцию о праве, применимом к договорным обязательствам (Римская конвенция 1980 г.), также сочла концепцию *agere in fraudem legis* необоснованной.

В российском законодательстве прямого запрета на обход закона в сфере международного частного права нет. Тем не менее суды на практике применяют иные механизмы: сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ), отказ в судебной защите, признание сделок недействительными. При этом, как отмечается в литературе, суды нередко смешивают эти категории или применяют их некорректно.

В Европейском Союзе ключевое значение имеет Регламент Рим I, который ограничивает автономию воли сторон. Статьи 3(3) и 9 Регламента предусматривают, что

выбор права не может вести к исключению применения императивных норм государства, с которым договор наиболее тесно связан. Доктрина обхода закона здесь рассматривается в контексте злоупотребления правом ЕС (abuse of EU law).

Современные тенденции и проблемы обхода закона

Сегодня феномен обхода закона приобретает новые формы. Цифровая экономика и трансграничная электронная коммерция открывают дополнительные возможности для манипуляции коллизионными привязками. Как отмечает С. Бердибаев, традиционные коллизионные нормы нуждаются в серьёзной модификации, чтобы противодействовать изощрённым техникам обхода закона в современных международных транзакциях.

Особую актуальность проблема получила в контексте санкционных ограничений. Российская судебная практика последних лет демонстрирует активное применение механизмов противодействия сделкам, совершённым в обход контрсанкционного регулирования. Например, Верховный Суд РФ в определении от 3 февраля 2025 г. не позволил с помощью цессии обойти специальные правила перечислений правообладателям из недружественных государств. Суды признали договор уступки права требования ничтожным, поскольку он был заключён в обход требований указа президента № 322. В другом деле Суд по интеллектуальным правам 10 октября 2025 г. оставил в силе судебные акты об отказе во взыскании компенсации, так как договор уступки был направлен на обход установленных запретов для иностранных компаний. При этом в литературе высказывались и скептические взгляды (например, А.И. Муранов считал проблему «обхода закона» мнимо актуальной и надуманной). Однако современная судебная практика, особенно в условиях санкционного давления, показывает востребованность этого института.

Заключение

Институт обхода закона в международном частном праве представляет собой сложное и дискуссионное явление, требующее взвешенного подхода. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, обход закона следует отличать от смежных категорий – злоупотребления правом, оговорки о публичном порядке и сверхимперативных норм, хотя все они направлены на защиту публичных интересов от недобросовестных действий.

Во-вторых, ключевая проблема – выработка эффективных, но не чрезмерных механизмов противодействия, которые защищали бы публичный порядок, не подавляя при этом принцип автономии воли сторон.

В-третьих, несмотря на отсутствие в российском законодательстве специальной нормы об обходе закона, судебная практика выработала действенные способы противодействия: применение сверхимперативных норм, отказ в судебной защите, признание сделок недействительными.

В-четвёртых, современные тенденции – цифровизация экономики и санкционные ограничения – актуализируют проблему обхода закона и требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Перспективными направлениями дальнейших исследований можно считать разработку единых критериев квалификации действий как совершённых в обход закона, совершенствование механизмов международного судебного сотрудничества, а также анализ эффективности существующих способов противодействия в условиях цифровой экономики.

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
3. Булохов И. И., Мовсесян А. А. Обход закона как проблемное явление международного частного права // Молодой ученый. — 2024. — № 43 (542). — С. 162–164.

4. Зотова А. В. Обход закона как одна из форм злоупотребления правом // Молодой ученый. — 2025. — № 42 (593). — С. 191–194.
5. Кудашкин В. В. Актуальные проблемы доктрины обхода закона в международном частном праве // Законодательство. — 2004. — № 3.
6. Муранов А. И. «Обход закона» в международном частном праве: мнимость актуальности и надуманность проблем // Законодательство. — 2004. — № 7, 8.
7. Подшивалов Т. П. Обход закона в международном частном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2019. — № 3.
8. Бердибаев С. Evasion of law in international private law // Journal of Criminal and Criminal Procedural Legislation Issues. — 2025. — P. 249–257.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2025 г. № 305-ЭС24-11974.
10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 октября 2025 г. № С01-985/2025 по делу № А60-46707/2024.
11. Parliamentary question: Sham cross-border liquidations and abuse of EU law (E-004543/2025). European Parliament. 13 November 2025.

Аскеров Т.Р.

Роль международных договоров в регулировании отношений, осложненных иностранным элементом

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Перемышленникова И.Н.

Аннотация

В статье исследуется роль международных договоров как ключевого инструмента регулирования правоотношений, осложнённых иностранным элементом. Анализируется их место в системе источников международного частного права, механизмы имплементации в национальные правовые системы, а также влияние на унификацию и гармонизацию правового регулирования трансграничных отношений.

Ключевые слова: международные договоры, международное частное право, иностранный элемент, имплементация, унификация права, коллизия юрисдикций, трансграничные отношения.

Abstract

The article examines the role of international treaties as a key instrument for regulating legal relations complicated by a foreign element. It analyses their place in the system of sources of private international law, mechanisms for their implementation into national legal systems, and their impact on the unification and harmonisation of cross-border legal regulation.

Keywords: international treaties, private international law, foreign element, implementation, unification of law, jurisdictional conflict, cross-border relations.

В современной правовой системе международные договоры выступают ключевым инструментом регулирования трансграничных частноправовых отношений. Их значение обусловлено необходимостью преодоления коллизий между национальными правовыми системами, возникающими в ситуациях, когда правоотношения включают «иностраный элемент» — присутствие иностранного субъекта, объекта за границей или юридического факта, произошедшего на территории иного государства [1].

Юридическая сила международных договоров базируется на фундаментальном принципе *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»), закреплённом в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года [2]. Этот принцип обязывает государства добросовестно выполнять принятые обязательства, что создаёт основу для предсказуемости и стабильности в международных отношениях.

В российской правовой системе приоритет международных договоров над национальным законодательством прямо зафиксирован в части 4 статьи 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [3]. Аналогичное положение содержится в статье 7 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей непосредственное применение международных договоров к гражданско-правовым отношениям [4].

Функционально международные договоры выполняют три взаимосвязанные задачи. Во-первых, они обеспечивают унификацию правовых норм, создавая единые правила регулирования однородных отношений. Примером служит Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (Венская конвенция), которая унифицирует порядок заключения и исполнения договоров, определяет права и

обязанности сторон, а также механизмы разрешения споров [5]. Её положения применяются более чем в 90 государствах, что существенно снижает правовые риски в международной торговле.

Во-вторых, договоры решают проблему коллизий юрисдикций, устанавливая чёткие критерии выбора компетентного правопорядка. Так, Гагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам 2019 года определяет процедуры признания судебных актов, вынесенных в одном государстве, на территории другого [6]. Это минимизирует риски «конфликта решений» и «гонки исков», когда стороны стремятся подать иск в наиболее выгодном для них суде.

В-третьих, международные договоры способствуют гармонизации национальных правовых систем, задавая ориентиры для модернизации внутреннего законодательства. Например, присоединение Российской Федерации к Всемирной торговой организации (ВТО) потребовало внесения изменений в законодательство об интеллектуальной собственности в соответствии с Соглашением ТРИПС (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights) [7]. Аналогично реализация директив Европейского союза в странах-членах приводит к сближению норм в сферах конкуренции, защиты потребителей и экологии.

Механизм внедрения международных договоров в национальную правовую систему (имплементация) реализуется двумя способами. Прямая (автоматическая) имплементация предполагает непосредственное действие договорных норм без издания дополнительных актов. Она характерна для самоисполнимых договоров, чьи положения:

- достаточно конкретны;
- не требуют уточнения на национальном уровне;
- адресованы субъектам внутригосударственного права.

Примером служит статья 31 Венской конвенции 1980 года, разрешающая доказывание договора купли-продажи любыми средствами, включая свидетельские показания [5]. Эта норма применяется в России без дополнительных законодательных актов.

Опосредованная имплементация требует принятия внутригосударственных актов для реализации договорных положений. Это необходимо, если:

- договор содержит отсылки к национальному законодательству;
- нормы требуют детализации;
- нужно установить санкции за нарушение.

Так, для исполнения Конвенции ООН против коррупции 2003 года Российская Федерация приняла Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8]. Порядок имплементации в РФ регламентируется Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», который определяет процедуры заключения, ратификации, вступления в силу и прекращения договоров [9].

На практике реализация международных договоров сталкивается с рядом проблем. Во-первых, неоднозначность толкования терминов в разных правовых системах может приводить к противоречивым судебным решениям. Например, понятие «добросовестность» в гражданском праве интерпретируется неодинаково в континентальной и англо-американской традициях [10].

Во-вторых, государства нередко делают оговорки при ратификации, исключая применение отдельных положений, что снижает универсальность договора.

В-третьих, конкуренция с региональными соглашениями (например, нормами ЕС) порождает коллизии юрисдикций. Наконец, отсутствие эффективных механизмов принуждения ставит исполнение обязательств в зависимость от доброй воли государств.

Для преодоления этих трудностей необходимы:

- развитие судебной практики по толкованию международных норм, включая формирование единообразных подходов;
- усиление роли международных организаций (ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА) в разработке руководств и комментариев;
- расширение соглашений о правовой помощи и признании судебных решений;
- повышение квалификации судей и юристов в области международного права.

В заключение отметим, что международные договоры — ключевой инструмент регулирования отношений с иностранным элементом. Они обеспечивают унификацию правовых норм, разрешают коллизии юрисдикций и способствуют гармонизации национальных законодательств. Благодаря прямому действию самоисполнимых договоров и механизмам имплементации международные стандарты интегрируются в правовые системы государств, создавая предсказуемую среду для трансграничных отношений.

Вместе с тем их эффективность зависит от решения ряда проблем: неоднозначности толкования норм, оговорок при ратификации и конкуренции с региональными соглашениями. Для повышения результативности необходимо развивать судебную практику, усиливать роль международных организаций в толковании договоров и совершенствовать механизмы правовой помощи между государствами.

1. Лунц Л. А. Международное частное право: учебник. — М.: Спарк, 2020. — с. 312
2. Венская конвенция о праве международных договоров (заключена 23.05.1969) // Сборник международных договоров СССР. — М., 1988.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. — 2023. — № 31.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32.
5. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (заключена 11.04.1980, Вена) // Вестник ВАС РФ. — 1994. — № 1.
6. Гагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (принята 02.07.2019) // Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву URL: <https://www.hcch.net/russian> (дата обращения: 18.03.2026).
7. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, 1994) // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/4059989/> (дата обращения: 18.03.2026).
8. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1).
9. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1995. — № 29.
10. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — с. 51

Бойко Д.Д.

Проблемы квалификации мошенничества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ)

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

В статье анализируются актуальные проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ). На основе анализа научной литературы и судебной практики выделяются основные дискуссионные аспекты: разграничение со смежными составами преступлений, определение круга специальных субъектов, сложности установления объективной стороны и момента окончания преступления, а также отграничение уголовно-правовой квалификации от гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: мошенничество, использование служебного положения, квалификация преступлений, специальный субъект, разграничение составов, судебная практика, обман, злоупотребление доверием.

Abstract

The article examines the current problems of qualification of fraud committed using official position (Part 3 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on the analysis of scientific literature and judicial practice, the main debatable aspects are highlighted: distinction from related offenses, determination of the range of special subjects, difficulties in establishing the objective side and the moment of the crime's completion, as well as distinguishing criminal law qualification from civil law relations.

Keywords: fraud, use of official position, qualification of crimes, special subject, distinction of offenses, judicial practice, deception, abuse of trust.

Актуальность исследования проблем квалификации мошенничества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ) обусловлена высокой общественной опасностью деяния и сложностью его правовой оценки. Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, единообразие в применении данной нормы не достигнуто. В науке и практике сохраняются неопределённости при разграничении со смежными составами, установлении круга специальных субъектов.

Цель настоящей статьи - выявление и систематизация основных проблем квалификации преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и формулирование предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Анализ научных статей и судебной практики позволяет выделить три основные группы проблем, возникающих при квалификации преступления по ч. 3 ст. 159 УК РФ:

1. Проблема разграничения со смежными составами преступлений
2. Проблема определения субъекта преступления
3. Проблема квалификации объективной стороны.

Что касается первой проблемы, особую трудность представляет разграничение мошенничества, совершенного с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

Сложность квалификации обусловлена тем, что корыстная направленность действий должностного лица может присутствовать в обоих составах. Правоприменитель сталкивается с ситуацией, когда использование служебного положения для извлечения личной выгоды должно быть четко отнесено либо к механизму хищения, либо к

механизму нарушения порядка службы, не связанному с окончательным безвозмездным изъятием имущества.

Основное различие между мошенничеством (ч. 3 ст. 159 УК РФ) и злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) заключается в направленности умысла. Если доказано, что лицо изначально имело намерение безвозмездно и безвозвратно обратить чужое имущество в свою пользу или в пользу других лиц, применению подлежит ч. 3 ст. 159 УК РФ. Если же преследовалась цель получения имущественной выгоды или иной личной заинтересованности без намерения безвозмездного изъятия (например, при временном или возмездном использовании имущества), и при этом были нарушены интересы службы, ответственность наступает по ст. 285 УК РФ. Именно установление первичного умысла на хищение выступает ключевым фактором, позволяющим отграничить мошенничество от смежного состава должностного преступления.

Следующая проблема - определение субъекта преступления. Для вменения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» необходимо точно установить круг лиц, которые признаются специальным субъектом. Не всегда очевидно, может ли лицо, не являющееся должностным лицом или руководителем коммерческой организации, но обладающее определенными организационно - распорядительными или административно - хозяйственными функциями, быть признано использующим служебное положение.

Так, суд апелляционной инстанции Липецкого областного суда отменил постановление суда первой инстанции о возврате уголовного дела прокурору в отношении Т., обвиняемого по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Суд первой инстанции указал, что в обвинительном заключении не конкретизировано, в чем именно выражалось использование служебных полномочий. Прокурор в апелляционном представлении отметил, что постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 не требует такой конкретизации - достаточно установить признаки лица, использующего служебное положение. Апелляция согласилась с прокурором, подчеркнув, что детализация использования служебных полномочий не обязательна [1].

Забродина В. В. и Меньшикова А. Г. на этот счет пишут: «Мы не согласны с позицией суда апелляционной инстанции и считаем, что при мошенничестве для вменения квалифицирующего признака «с использованием служебного» положения необходимо в совокупности устанавливать и признаки специального субъекта, и те полномочия, которые использовал виновный для совершения хищения. Но, по нашему мнению, уголовно-правовая характеристика понятия «служебное положение» не должна ограничиваться использованием лицом только служебных полномочий для совершения мошенничества. Служебное положение означает наличие определенного авторитета в силу службы и профессионального статуса лица. Конечно, не стоит расширять круг субъектов до бесконечности, не следует относить к кругу субъектов служебного мошенничества лиц, исполнение профессиональных обязанностей которых не подразумевает ни наличия авторитета, ни принятия решений, позволяющих использовать свое положение для осуществления обмана или злоупотребления доверием» [3].

Мы не разделяем данную точку зрения. На наш взгляд, целесообразно расширить перечень лиц, которые могут признаваться использующими служебное положение. В этой связи предлагается дополнить п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 указанием на «иных работников организации независимо от формы собственности, не обладающих управленческими полномочиями, но применяющих свои трудовые функции в качестве средства, облегчающего совершение мошенничества, присвоения или растраты».

Следующая проблема - способ совершения преступления (обман или злоупотребление доверием).

Несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ, на практике и в науке отсутствует единообразное понимание категорий обмана и злоупотребления доверием, особенно применительно к служебному положению.

Раскрытие понимания мошенничества через альтернативные способы его совершения, а именно обман или злоупотребление доверием приводит к смешению данных категорий и нечеткости в их понимании и, как следствие, на практике приводит прежде всего к игнорированию принципа индивидуализации наказания.

Представляется обоснованной позиция Г.Н. Борзенкова, который предлагает наиболее целесообразный способ решения проблемы - исключение из ст. 159 УК РФ «злоупотребления доверием как формообразующего способа хищения» [2]. Автор видит необходимость включения в УК РФ самостоятельной нормы об ответственности за «корыстное злоупотребление доверием при управлении чужим имуществом». Однако, на наш взгляд, подобное обособление лишь усложнит квалификацию, поскольку дискуссии сместятся в плоскость конкуренции уголовно - правовых норм, расположенных в разных статьях, вместо споров о разграничении понятий в рамках одной нормы. Иванова Л. В. и Корытько С. В. предлагают свой вариант решения данной проблемы: «На наш взгляд, выделение двух способов совершения мошенничества является излишним, так как злоупотребление доверием - это более узкое понятие, которое не просто входит в обман, а в ряде случаев является его условием или фактором, помогающим свершиться обману. Кроме того, на квалификацию способ в данном случае не повлияет» [4].

С этой позицией целесообразно согласиться, т.к. схожесть понятий «обман» и «злоупотребление доверием» достаточно часто являются проблемой для квалификации состава мошенничества.

Проведенный анализ научной литературы, судебной практики и правоприменительных подходов позволяет констатировать, что квалификация мошенничества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ) продолжает оставаться одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем уголовного права. В ходе исследования выделены три основные группы проблем:

1. Разграничение со смежными составами преступлений. Наиболее остро стоит вопрос отграничения мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Ключевым критерием здесь выступает направленность умысла.

2. Определение субъекта преступления. Правоприменительная практика демонстрирует неоднозначность в установлении круга лиц, признаваемых использующими служебное положение.

3. Квалификация объективной стороны. Выделение двух альтернативных способов совершения мошенничества на практике приводит к смешению понятий и затрудняет квалификацию. Наиболее рациональным представляется подход, согласно которому злоупотребление доверием является более узкой категорией, входящей в обман либо выступающей условием его реализации.

Проведенное исследование подтверждает, что проблемы квалификации мошенничества с использованием служебного положения носят системный характер и требуют комплексного решения. Для совершенствования правоприменительной практики представляется необходимым:

1. законодательно или на уровне разъяснений высшей судебной инстанции закрепить четкий критерий разграничения мошенничества с использованием служебного положения и злоупотребления должностными полномочиями, ориентированный на установление направленности умысла.
2. расширить круг субъектов, использующих служебное положение, дополнив п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48.

3. исключить из ст. 159 УК РФ указание на «злоупотребление доверием» как самостоятельный способ совершения мошенничества, сохранив в качестве единого способа «обман», что позволит устранить неопределенность в понимании объективной стороны и избежать излишней конкуренции норм.

Реализация указанных предложений будет способствовать формированию единообразной судебной практики, обеспечению законности при расследовании и судебном рассмотрении дел о мошенничестве с использованием служебного положения, а также повышению эффективности уголовно-правовой охраны имущественных отношений и интересов государственной и муниципальной службы.

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.
2. Борзенков, Г. Разграничение обмана и злоупотребления доверием / Г. Борзенков // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 22–26.
3. Забродина, В. В. «Использование служебного положения» при совершении мошенничества: проблемы применения / В. В. Забродина, А. Г. Меньшикова // Вестник Югорского государственного университета. – 2021. – № 1 (60). – С. 97–104.
4. Иванова, Л. В. О целесообразности исключения злоупотребления доверием из составообразующих признаков мошенничества / Л. В. Иванова, С. В. Корытько // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 76–80. – URL: <https://lawinfo.ru/catalog/contents-2018-5> (дата обращения: 27.03.2026). – Текст : электронный.
5. Талалаева, А. С. Уголовная ответственность за мошенничество / А. С. Талалаева // Молодой ученый. – 2023. – № 22 (469). – С. 336–340. – URL: <https://moluch.ru/archive/469/103556> (дата обращения: 27.03.2026).

Волжина Е.А.

Особенности осуществления защиты по делам несовершеннолетних

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Ляхова А.И.

Аннотация

Статья представляет собой исследование, направленное на выявление особенностей осуществления защиты адвокатом по уголовным делам с участием несовершеннолетних. В рамках настоящей статьи рассматриваются некоторые процессуальные требования производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также анализируются профессиональные этические требования принятия адвокатом защиты несовершеннолетнего.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, юридическая помощь, квалифицированная юридическая помощь, защита, защита несовершеннолетних.

Abstract

This article presents a study aimed at identifying the specifics of defense by a lawyer in criminal cases involving minors. This article examines certain procedural requirements for criminal proceedings against minors and analyzes the professional ethical requirements for a lawyer to defend a minor.

Keywords: lawyer, legal activity, legal assistance, qualified legal assistance, protection, protection of minors.

В соответствии с законодательством Российской Федерации право на защиту гарантируется каждому вне зависимости от пола, гражданства, национальности, возраста и других признаков. В своей ежедневной деятельности адвокат сталкивается с необходимостью оказания юридической помощи различным категориям лиц, среди которых и несовершеннолетние. Возрастные и психофизические особенности несовершеннолетних были учтены при определении содержания правового регулирования уголовного судопроизводства по делам с участием несовершеннолетних. Глава 50 УПК РФ закрепляет специальные правила производства процессуальных и следственных действий с участием несовершеннолетних [1]. Однако практика защиты адвокатами несовершеннолетних строится не только с учетом процессуальных требований, но и норм, определяющих этику адвоката в рамках оказания квалифицированной юридической помощи.

В 2017 году в целях стандартизации порядка защиты несовершеннолетних были разработаны Стандарты осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [2]. Стандарты представляют собой свод правил, адресованных адвокатам, определяющих минимальные правила принятия на себя защиты по делам о несовершеннолетних и оказания им юридической помощи в процессе разбирательства по уголовному делу. Таким образом, указанный правовой акт содержит в себе ключевые положения, относящиеся к осуществлению защиты адвокатом по делам о несовершеннолетних.

Прежде всего, обращает на себя внимание п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве в рамках первого свидания адвоката с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Во-первых, адвокат должен разъяснить подзащитному основания, которые препятствуют его вступлению в дело в качестве защитника. Общие основания недопустимости принятия на себя защиты адвокатом изложены в ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3]. Следует отметить,

что специальные основания, при наличии которых адвокат не вправе принимать на себя защиту несовершеннолетних, не установлены.

Во-вторых, элементом первого свидания защитника и несовершеннолетнего, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, является получение согласия на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом. Этап получения согласия от несовершеннолетнего представляется наиболее важным и актуальным. Так, необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката стороной соглашения об оказании юридической помощи выступает доверитель [4]. При этом, применительно к данному виду соглашения понятие доверителя следует толковать расширительно. На стороне доверителя может выступать не только лицо, которое непосредственно заключило соглашение на оказание помощи адвокатом, но и лицо, в пользу которого другим лицом заключено такое соглашение. В силу ограниченной дееспособности несовершеннолетних чаще всего соглашение об оказании юридической помощи несовершеннолетнему по уголовному делу заключается его законными представителями.

Согласно Разъяснениям Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденным решением Совета ФПА РФ от 18 июня 2024 г., в каждом конкретном случае адвокату надлежит выявлять законный интерес лица, заключающего соглашение с адвокатом в пользу несовершеннолетнего доверителя [5]. С учетом того, что заключение соглашения законными представителями несовершеннолетнего доверителя может иметь стандартную и распространённую практику, адвокат не должен терять бдительность и в каждом случае выявлять позицию несовершеннолетнего относительно заключения соглашения в пользу несовершеннолетнего другим лицом.

На уровне отдельных органов адвокатского самоуправления также предпринята попытка уточнить отдельные вопросы, связанные с заключением соглашения об оказании адвокатской помощи несовершеннолетнему доверителю по уголовному делу от имени его законных представителей. Например, согласно Разъяснениям Совета адвокатской палаты Удмуртской Республики по вопросу заключения адвокатами соглашений с несовершеннолетними, учитывая положения действующего российского законодательства, определяющего объем дееспособности несовершеннолетних, констатируется право лиц в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно выступать на стороне доверителя в соглашении по оказанию юридической помощи адвокатом. Более того, данный вопрос особенно актуален в случае возникновения конфликта интересов между несовершеннолетним и его законным представителем.

В-третьих, на первом свидании необходимо выявить позицию несовершеннолетнего по делу. Данное правило для адвокатской практики имеет системообразующее значение, поскольку адвокат не должен занимать позицию по делу, не соответствующую позиции его доверителя, за исключением случаев, если он убежден в самооговоре.

В процессе производства по уголовному делу на этапе досудебного производства и судебного разбирательства адвокат оказывает несовершеннолетнему помощь в виде предоставления консультаций, разъяснения ему процессуальных прав и обязанностей, соответствующих его процессуальному статусу, подготовки процессуальных документов по делу, в том числе по обжалованию промежуточных и итоговых уголовно-процессуальных актов.

Защита адвоката должна быть выстроена с учетом процессуальных требований главы 50 УПК РФ.

Согласно ст. 421 УПК РФ, по делам с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) помимо стандартных обстоятельств, подлежащих доказыванию, должны быть установлены возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Установление возраста лица при совершении преступления важно для признания его субъектом преступления соответствующей Особенной части УК РФ. При наличии признаков отставания в развитии адвокат также должен представить сведения о том, что несовершеннолетний в полной мере мог или не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

При производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних адвокат обеспечивает соблюдение требований ст. 422 УК РФ, согласно которой уголовное дело в отношении несовершеннолетнего подлежит выделению в отдельное производство.

Участвуя в избирании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, адвокату-защитнику надлежит инициировать вопрос о возможности применения меры в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. При этом, до начала обсуждения данного вопроса адвокату-защитнику необходимо установить взаимодействие с законными представителями несовершеннолетними и разъяснить им правовые условия и последствия несоблюдения меры в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Адвокат-защитник, участвуя в производстве следственных и процессуальных действий, должен учитывать требования процессуального законодательства, предусматривающего ограничения относительно продолжительности следственных действий, применения технических средств фиксации хода и результатов производства следственного действия (ст. 191 УПК РФ). В рамках допроса адвокату является активным участником следственного действия и может задавать вопросы несовершеннолетнему допрашиваемому. Кроме того, в рамках оказания защиты при производстве допроса адвокат полномочен ходатайствовать о допуске к следственному действию психолога или педагога.

На стадии предварительного расследования привлечение законного представителя к участию в деле осуществляется по правилам, закрепленным в ст. 426 УПК РФ, а на судебных стадиях - ст. 428 УПК РФ. УПК РФ не определяет процессуальный порядок взаимодействия адвоката-защитника и законных представителей несовершеннолетних в уголовном деле. Однако наряду с адвокатом законные представители могут участвовать при производстве первого допроса, в последующем и в следственных действиях с участием защитника. УПК РФ придает ключевое значение в обеспечении защиты прав и законных интересов именно защитнику. В случае конфликта интересов между несовершеннолетним доверителем и законным представителем адвокат должен действовать в пользу доверителя и с учетом его интересов.

По мнению правоведов, особенности защиты адвокатом также обусловлены возрастом доверителя, поэтому адвокату необходимо применяться тактические приемы, соответствующие характеру взаимоотношений, сложившихся между доверителем и адвокатом: «особенности защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего прежде всего связаны с возрастом, неспособностью самостоятельно осуществлять свои права, психологическим состоянием, пережитым травмирующим опытом. В связи с этим одной из ключевых задач адвоката, представляющего интересы такого потерпевшего, становится исключить нанесение ребенку психологических травм в ходе рассмотрения уголовного дела как на досудебных стадиях уголовно процесса, так и на его судебных стадиях» [6, с. 90].

Таким образом, представленный анализ правового регулирования процессуального законодательства в части правил производства по делам с участием несовершеннолетних, а также профессиональных этических основ оказания адвокатом помощи

несовершеннолетнему, позволяет сделать вывод о том, что особенности защиты вытекают из содержания процессуальных требований, а также профессиональных правил принятия поручения адвокатом осуществлять защиту в отношении детей.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Стандарты осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215804/ (дата обращения: 14.03.2026).
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 210.
4. Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденным решением Совета ФПА РФ от 18 июня 2024 г.,
5. Разъяснения Совета адвокатской палаты Удмуртской Республики по вопросу заключения адвокатами соглашений с несовершеннолетними. URL: https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3143&catid=9&Itemid=18 (дата обращения: 14.03.2026).
6. Вайтюшкевич А.А. Тактические и процессуальные особенности защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего адвокатом // Право и политика. 2025. № 9. С. 86-94.

Дерябина М.Р., Ляхова А.И.

Проект «адвокатской монополии» на представительство в суде как фактор профессиональной автономии и доступа к правосудию

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В данной статье рассматриваются перспективы реализации проекта «адвокатской монополии» на представительство интересов граждан и организаций в судебном процессе как важного аспекта развития профессионального статуса адвоката и инструмента обеспечения доступности правосудия. Авторами проводится комплексный анализ существующих проблем юридического сопровождения судебных разбирательств и предлагается ряд рекомендаций по укреплению позиций адвокатского сообщества.

Ключевые слова: адвокатская монополия, представительство, проект, профессиональная автономия, адвокатская деятельность, доступ к правосудию.

Abstract

This article examines the prospects for implementing a "lawyer monopoly" for representing individuals and organizations in court as an important aspect of developing the professional status of lawyers and a tool for ensuring access to justice. The authors provide a comprehensive analysis of existing issues in legal support for litigation and offer a number of recommendations for strengthening the legal community.

Keywords: lawyer monopoly, representation, project, professional autonomy, lawyer activity, access to justice.

На сегодняшний день проблема качественной и доступной юридической помощи остается одной из ключевых задач современного российского государства. Одной из инициатив, направленных на решение данной проблемы, является предложение введения института «адвокатской монополии», сущность которой заключается в том, что только адвокаты смогут представлять интересы граждан и организаций в судебных органах.

Статья 48 Конституции Российской Федерации закрепила право на получение гражданами квалифицированной юридической помощи. Вместе с тем, представлять в суде на сегодняшний день могут лица, которые имеют высшее или среднее профессиональное юридическое образование, что ставит под вопрос их компетентность, практический опыт и возможность реализации гражданами указанной выше конституционной гарантии.

Подобной позиции придерживается и С.С. Кривова, которая в своем исследовании ставит вопрос «относительно того можно ли помощь, оказываемую лицами второй и третьей группы, то есть лицами, не имеющими статуса адвоката, считать соответствующей статье 48 Конституции Российской Федерации».

Действительно, закрепленная в Конституции норма порождает ряд вопросов относительно того, кто вправе оказывать такую помощь и насколько качественно она оказывается.

Решением данной проблемы может стать реализация так называемой «адвокатской монополии», под которой следует понимать осуществление представительства интересов физических и юридических лиц в суде исключительно лицами, имеющими статус адвоката. Основная цель данной меры состоит в следующем:

- укрепление положения адвоката;
- гарантия квалифицированного представительства в суде;

- ограничение доступа неквалифицированным специалистам и лицам, чьи знания и опыт недостаточны для участия в сложных судебных разбирательствах.

Исторически такая идея получила распространение в ряде западных стран, где существуют четко прописанные правила лицензирования и аттестации адвокатов. К странам, где адвокаты обладают монополией на все виды судебного представительства относятся Бельгия, Венгрия, Греция, Дания, Израиль, Италия, Кипр, Люксембург, Мальта, Турция, Франция, Шотландия. Реализуемая в данных странах система адвокатского представительства позволила повысить доверие граждан к судебной системе и обеспечила высокий стандарт качества представляемых интересов.

Тем не менее, в нашей стране данная концепция вызывает много споров и требует детального рассмотрения.

Сторонники «адвокатской монополии» придерживаются ряда весомых аргументов в пользу введения ограничений на профессиональное представительство в суде.

Во-первых, только квалифицированные специалисты, смогут заниматься ведением дел в суде обеспечивая таким образом высокое качество юридическое сопровождения и предотвращения ошибок.

В.Б. Арзуманова в своем труде отмечает следующие положительные черты данной реформы: «унификация требований, предъявляемых к лицам, оказывающим юридические услуги, допуска к деятельности и дисциплинарных процедур, более четкое и прозрачное регулирование рынка юридических услуг, увеличение скорости рассмотрения дел судами».

Кроме того, возможность контролировать свою профессию позволяет адвокатскому сообществу защищать интересы своих коллег и обеспечивать стабильные условия труда.

Вместе с тем, основной недостаток предложенного проекта заключается в возможном ограничении конкуренции и повышении стоимости юридических услуг. Для устранения этого недостатка необходима разработка специальных мер поддержки молодых специалистов и стимулирование привлечения студентов к практике в рамках адвокатских образований. важно создать механизмы мониторинга деятельности адвокатов и обеспечить прозрачность процесса аттестации и сертификации членов адвокатского сообщества.

Негативный взгляд на «адвокатскую монополию» демонстрирует Законопроект № 1027223-8, зарегистрированный в сентябре 2025 года, инициаторами которого выступили Сенатор РФ А.М. Гибатдинов и Депутат Госдумы А.В. Куринный, который на сегодняшний день находится на стадии рассмотрения.

Данный документ вносит изменения в ГПК РФ, КАС РФ, которые касаются полномочий представителя. В частности, лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень, реализующие представительство в суде на основании доверенности, не могут быть ограничены на основании отсутствия у них статуса адвоката.

По мнению И.А. Манаева и О.В. Потапенко: «такая монополия создаст препятствия к получению юридической помощи, особенно для лиц с низким уровнем дохода, поскольку уменьшение числа профессионалов приведет к росту цен на юридические услуги в соответствии с основными экономическими законами спроса и предложения».

На наш взгляд, государственное финансирование центров бесплатного консультирования и субсидирование ставок оплаты услуг адвокатов для малообеспеченных граждан могли бы стать решением этой проблемы.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что инициатива реализации проекта «адвокатской монополии» заслуживает тщательного изучения и обсуждения, поскольку она способна положительно повлиять на реализацию

конституционной гарантии граждан на получение квалифицированной юридической помощи, повысить общий уровень защиты интересов граждан и организаций.

Вместе с тем, необходимо учитывать все возможные риски, связанные с реализацией данного проекта, и предложить действенные решения для сохранения баланса между доступностью и эффективностью правосудия.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ. С. 28. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Законопроект № 1027223-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СОЗД : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1027223-8> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Арзуманова, В.Б. Актуальные проблемы профессионального представительства и адвокатской монополии в гражданском процессе Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 31 (478). С. 104-108.
4. Кривова, С.С. Концепция монополизации адвокатуры в Российской Федерации: предпосылки и тенденции // Актуальные вопросы юридических наук. 2022. С. 29-35.
5. Манаев, И.А., Потапенко, О.В. Адвокатская монополия: вызовы и перспективы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 155-158.
6. Пенизев, М.В. Основные подходы к пониманию института адвокатской монополии в Российской и международной практике // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 82-93.

Дерябина М.Р., Перемышленникова И.Н.
Определение применимого права к заключенным через интернет договорам с иностранным элементом

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Данная работа посвящена исследованию вопросов определения применимого права к договорам, заключаемым через сеть «Интернет» с иностранным элементом. Авторами рассматриваются особенности таких сделок, выделяются принципы выбора применимого права, анализируется практика различных государств и международные договоры, регулирующие данную сферу правоотношений. Особое внимание уделено проблемам коллизионного регулирования, включая вопросы автономии воли сторон договора.

Ключевые слова: применимое право, интернет, договор, иностранный элемент, международное частное право.

Abstract

This work is devoted to the study of the issues of determining the applicable law to contracts concluded via the Internet with a foreign element. The authors consider the specifics of such transactions, highlight the principles of choosing the applicable law, analyze the practice of various states and international treaties governing this area of legal relations. Special attention is paid to the problems of conflict of laws regulation, including issues of autonomy of the will of the parties to the contract.

Keywords: applicable law, Internet, contract, foreign element, private international law.

Развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий, безусловно, значительно расширило возможности бизнеса вести дела через сеть Интернет, минуя традиционные границы национальных юрисдикций, что привело к росту числа договоров, осложненных иностранным элементом.

Стороны отношений в Интернете действительно могут быть удалены друг от друга и находиться в разных государствах, а использование электронных средств обмена данными может всецело заменить непосредственное общение сторон, с чем связана необходимость определения правовых норм, применимых к соответствующим отношениям.

Наряду с очевидными преимуществами возникли и сложности юридического характера, касающиеся определения применимого права. Ситуация, когда стороны подписывают договор удаленно, находясь в разных странах, существенно затрудняет применение универсального подхода к выбору юрисдикции.

На сегодняшний день в нашей стране к договорным правоотношениям применяется норма статьи 1211 Гражданского кодекса, согласно положениям которой: «при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора».

Вместе с тем, электронные договоры характеризуются особенностями оформления, передачи оферты и акцепта через электронные средства коммуникации. Под иностранной составляющей понимается ситуация, когда хотя бы одна сторона договора находится вне страны регистрации другого участника либо предмет договора расположен за пределами территории какого-либо из контрагентов.

Наиболее распространенными видами интернет-договоров являются покупка товаров и услуг, заключение агентских и лицензионных соглашений, оказание консультационных услуг, проведение платежей.

Действующая редакция ГК РФ не содержит положений, характеризующих заключение договоров, осложненных иностранным элементом, с использованием сети «Интернет», что, на наш взгляд, является проблемным аспектом, затрудняющим процедуру заключения контракта и создающим правовую неопределенность в отношении выбора применимого права, порядка подтверждения воли сторон и идентификации их статуса.

Считаем рациональным дополнить положения статьи 1211 ГК РФ следующей формулировкой: «Если стороны заключили договор с использованием информационно-коммуникационных технологий и не выбрали применимое право, то действует право страны, с которой договор наиболее тесно связан, в частности страна местонахождения сервера, с которого осуществлен доступ к сайту, на котором размещена оферта, или страна основного места исполнения обязательств».

Полагаем, что данные нововведения устроят имеющийся на сегодняшний день законодательный пробел.

Как отмечают в своем исследовании Л.Ю. Галяутдинова и А.Р. Галлямова: «в настоящее время не существует единого международного документа, который бы комплексно регулировал все аспекты заключения договоров в онлайн-среде».

При заключении договоров через интернет ввиду отсутствия единого акта возникает также проблема конфликтующих норм национального законодательства разных стран, каждая из которых стремится применить свое право. Вопрос в данном случае состоит в выборе права, которое регулирует условия договора, порядок разрешения споров и ответственность сторон. Существует два основных метода решения данной проблемы.

Например, гражданское законодательство Республики Таджикистан и большинства стран мира, как отмечает А.М. Мирзоев, «на основании соглашения сторон о применимом праве допускает сторонам разрешить данную проблему самостоятельно, что является логическим продолжением свободы договора и проявлением принципа автономии воли в договорных отношениях с иностранным элементом».

Принцип автономии воли предполагает, что стороны могут выбрать любую страну независимо от места нахождения контрагента или предмета договора. Данный принцип признан большинством судебных практик.

В случае, если стороны не выбрали применимое право, вступают в силу коллизионные привязки, установленные законом или международным договором.

Наиболее распространенными привязками являются:

1. Право страны продавца или исполнителя;
2. Право страны, с которой договор наиболее тесно связан;
3. Право страны потребителя.

Для полноценного понимания аспектов определения применимого права обратимся к материалам судебной практики, в частности к Постановлению Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2019 г. по делу № А56-66811/2018.

Так, в данном деле иностранная компания требовала взыскать с российских ООО «Ритзон фреш» и «Фрукторг» задолженность, проценты и неосновательное обогащение, ссылаясь на поставки фруктов и овощей. Истец настаивал на применении права Нидерландов.

Как следует из материалов дела, иностранная компания поставила ответчикам большое количество товаров, заказы размещались по телефону, а договор купли-продажи был заключен с использованием электронной формы договора. Истец утверждал, «что принимал заказы посредством направления счетов и подтверждений с указанием даты осуществления погрузки по электронной почте».

Суд отказал в применении голландского права, указав, что между сторонами не было заключено письменного договора купли-продажи, а нормы российского законодательства и Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров требуют письменной формы сделки при участии российских лиц. В отсутствие договора применяется право страны продавца только при наличии письменного соглашения.

Представленные истцом доказательства (коносаменты, инвойсы) не были заверены, и, следовательно, не подтверждали факт заключения договора или передачи товара именно ответчику, а также не отвечали критериям относимости и допустимости.

Суд отметил, что ввиду отсутствия письменных договоров с истцом, ответчики не выражали прямого волеизъявления на покупку товаров и «применение к настоящему спору по требованию истца норм голландского законодательства (либо законодательства Нидерландов) заведомо приведет к нарушению баланса интересов сторон, что не допускается положениями статьи 8 АПК Российской Федерации».

Суд не нашел оснований для солидарного взыскания, поскольку это не предусмотрено ни законом, ни заключенным через сеть «Интернет» договором и отказал иностранной компании в удовлетворении иска.

Анализ данного постановления дает основания полагать, что в некоторых случаях заключение договоров с иностранным элементом с использованием сети «Интернет» может повлиять на исход дела и определить позицию суда. В данном случае доказательство заключения соглашения не было приобщено к материалам дела ввиду недопустимости.

На наш взгляд, для предотвращения возникновения подобных ситуаций необходимо создать унифицированный международный акт, который бы включал положения, касающиеся требований к электронным договорам, возможности и варианты выбора применимого права и иные аспекты. Данный документ позволит определить, право какой страны применимо в конкретном случае, что, в свою очередь создаст единство правоприменительной практики и сократит риски при заключении договора в онлайн-формате.

Исходя из анализа тематической литературы, можно сделать вывод о том, что институтов договоров, заключаемых через интернет, одним из контрагентов которого является иностранный элемент, на сегодняшний день характеризуется отсутствием единого подхода к определению применимого права.

Решение данной проблемы видим в заключении международных соглашений и создании унифицированного акта, которые бы определяли специфику данного вида договоров и укрепляли гарантии соблюдения прав и законных интересов участников правоотношений.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Галяутдинова, Л.Ю., Галямова, А.Р. Заключение онлайн-контрактов в международном частном праве: проблемы и пути решения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 11-1 (110). С. 285-289.
3. Мирзоев, А.М. Проблемы определения применимого права в договорных отношениях с иностранным элементом // Вестник Педагогического университета. 2014. № 1-2 (56). С. 112-116.
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2019 г. по делу № А56-66811/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yKtBYyxbZabb/> (дата обращения: 19.03.2026).

Дерябина М.Р., Сороколетова М.Р.
**Правовой режим земельного участка при признании объекта самовольной
постройкой**

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правового режима земельного участка в ситуации признания объекта самовольной постройкой. Анализируются положения гражданского и земельного законодательства, а также подходы судебной практики к определению правовых последствий самовольного строительства. Особое внимание уделяется случаям, когда земельный участок находится в собственности или аренде у лица, осуществившего строительство, а также ситуациям, связанным с наличием специальных ограничений на использование земельного участка. На основе анализа судебных актов выявлены тенденции правоприменительной практики и обозначены проблемные аспекты правового регулирования рассматриваемых отношений

Ключевые слова: самовольная постройка, земельный участок, правовой режим земли, градостроительные ограничения, судебная практика, вспомогательные объекты.

Abstract

This article examines the legal status of a land plot when a structure is recognized as unauthorized. It analyzes the provisions of civil and land legislation, as well as judicial approaches to determining the legal consequences of unauthorized construction. Particular attention is paid to cases where the land plot is owned or leased by the person who carried out the construction, as well as situations involving special restrictions on the use of the land plot. An analysis of judicial decisions identifies trends in law enforcement practice and identifies problematic aspects of the legal regulation of these relations.

Keywords: unauthorized construction, land plot, legal regime of land, urban planning restrictions, judicial practice, auxiliary facilities.

Проблема правового режима земельного участка при признании объекта самовольной постройкой сохраняет высокую актуальность в условиях активного развития градостроительных отношений и роста числа споров, связанных с использованием земель. На практике нередко возникают ситуации, когда вопрос о судьбе самовольной постройки неразрывно связан с правовым статусом земельного участка, на котором она возведена, а также с правами и обязанностями его собственника или иного законного владельца. При этом действующее законодательство и судебная практика не всегда дают однозначные ответы относительно последствий признания объекта самовольной постройкой для режима использования соответствующего земельного участка. В связи с этим представляется необходимым проанализировать особенности правового регулирования данных отношений и выявить существующие проблемы правоприменения.

Начнем с того, что самовольная постройка, в соответствии со ст. 222 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) – это «здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими

на дату выявления самовольной постройки» [1]. Проще говоря, это строение, которое было незаконно возведено на том или ином земельном участке.

Отметим, что в абсолютном большинстве случаев земельный участок под объектом самовольного строительства находится у его правообладателя на праве собственности или аренды. При этом ст. 42 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) дает и собственнику, и арендатору достаточно широкий спектр правомочий в отношении участка. Так, в законе указано, что собственник участка имеет право, в том числе, возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов [2].

Также в законе определено, что лица, не являющиеся собственниками участков, за исключением обладателей сервитутов осуществляют права собственников участков. Исходя из прямого толкования данных положений напрашивается вывод, что арендаторы и собственники могут строить все, что допустимо в соответствии с градостроительным регламентом. Например, согласно содержанию определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2021 года № 308-ЭС20-22222 Департамент имущественно-земельных отношений города Ростова-на-Дону обратился в суд с требованием обязать общество снести два объекта недвижимости, полагая их самовольными постройками [3]. Общество арендовало земельный участок для строительства магазина, получило разрешение на его строительство, возвело и ввело объект в эксплуатацию, после чего зарегистрировало право собственности на него, а также на два дополнительных строения. Суды нижестоящих инстанций признали данные постройки самовольными и обязали их снести, однако Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила эти решения и направила дело на новое рассмотрение, указав на неправильное применение норм градостроительного законодательства.

Верховный Суд РФ указал, что при оценке правомерности возведения спорных объектов необходимо учитывать их функциональную связь с основным зданием, расположенным на земельном участке. Поскольку арендованный участок был предоставлен для строительства магазина и такой объект был возведен и введен в эксплуатацию в установленном порядке, именно он выступает основным объектом капитального строительства. Возведенные обществом два строения выполняли обслуживающие функции по отношению к магазину и потому могли быть квалифицированы как объекты вспомогательного использования. При этом суд отметил, что «строительство правомерно осуществлено обществом на земельном участке, предоставленном в аренду для строительства основного здания, нарушений норм земельного и градостроительного законодательства при их возведении не имеется».

В контексте рассматриваемого вопроса также следует отметить, что для некоторых земельных участков, находящихся в собственности, действует особый правовой режим, подразумевающий наличие запрета на строительство. На сегодняшний день такая практика существует в Москве. Как отмечает, А. Минаева «данная правовая ситуация возникла по причине того, что до 1 июля 2012 года земельные участки в Москве продавались собственникам расположенных на таких участках капитальных объектах по сниженной цене (в размере 20 процентов от кадастровой стоимости участка), но при этом на них накладывался запрет на строительство» [5]. Возникает закономерный вопрос: является ли возведенная постройка самостроем, если участок находится в собственности, но одновременно с этим действует запрет на строительство? В действующем законодательстве точного ответа на этот вопрос нет, однако судебная практика свидетельствует о том, что суды в подобных спорных ситуациях чаще становятся на сторону собственника.

В частности, показательным в этом отношении является постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 января 2024 года № Ф05-34049/2023 по делу № А40-234411/2022 по иску Правительства Москвы и Департамента городского имущества к ООО о признании самовольной постройкой пристройки к зданию магазина и ее сносе. Основанием иска послужило то обстоятельство, что на земельном участке, принадлежащем ответчику на праве собственности и ранее приобретенном по льготной цене с установлением договорного запрета на строительство, была произведена реконструкция здания с возведением дополнительных помещений без получения разрешительной документации [4].

Анализ судебных актов показывает, что суды заняли позицию, ориентированную на защиту прав собственника земельного участка. Несмотря на наличие договорного ограничения на строительство, суды пришли к выводу о невозможности признания спорной пристройки самовольной постройкой лишь по этому основанию. Было установлено, что реконструированное здание расположено на принадлежащем ответчику земельном участке, его использование соответствует разрешенному виду использования, а сама реконструкция не нарушает строительные, санитарные и противопожарные требования и не создает угрозы жизни и здоровью граждан. Кроме того, суд указал, что установленный договором запрет на строительство носил экономико-правовой характер и был связан с условиями льготного выкупа земельного участка, а потому не является градостроительным ограничением, автоматически влекущим признание возведенного объекта самовольной постройкой. Существенное значение также имело то обстоятельство, что снос пристройки мог повлечь угрозу сохранности основного здания, а иск был заявлен с пропуском срока исковой давности. В совокупности указанные обстоятельства позволили судам отказать в удовлетворении требований о сносе объекта.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правовой режим земельного участка играет ключевую роль при решении вопроса о судьбе самовольной постройки. Судебная практика в ряде случаев демонстрирует тенденцию учитывать фактическое использование земельного участка и отсутствие угрозы публичным интересам, что нередко приводит к защите прав собственника или арендатора участка. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее развитие нормативного регулирования, позволяющее более четко определить соотношение градостроительных ограничений и правомочий правообладателя земельного участка.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2021 № 308-ЭС20-22222 по делу № А53-3413/2019. Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=663618&dst=100038&last=1&rnd=sXhECA#rWzXvCVIAdcgtify>
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.01.2024 № Ф05-34049/2023 по делу № А40-234411/2022. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=506235&ysclid=mmcfcrem9o270149378#LW0cvCViDwGVBmnG>
5. Минаева А. Что значит «объект возведен на участке, не предоставленном в установленном порядке?» // В контексте признания объекта самовольной постройкой. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2025/9/25/chto_znachit_obekt_vozveden_na_uchastke_ne_predostavlennom_v_ustanovlennom_poryadke__v_kontekste_pri#_ftn5

Дерябина М.Р., Яковлев В.И.
Проект ограничения найма жилых помещений без согласия соседей: анализ нововведений

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Статья посвящена исследованию проекта ограничения сдачи жилых помещений в наем без согласия соседей как инструмента регулирования частного найма жилья. Авторами раскрываются причины появления инициативы, связанные с негативными последствиями массового краткосрочного найма и частыми конфликтами между постоянными жителями многоквартирных домов и временными жильцами. Основной задачей исследования является изучение преимуществ и недостатков предложенной модели, выделение основных проблем, препятствующих успешному внедрению ограничений.

Ключевые слова: жилое помещение, ограничение, законопроект, частный наем, жилищное право.

Abstract

The article is devoted to the study of the project of limiting the rental of residential premises without the consent of neighbors as a tool for regulating private rental housing. The authors reveal the reasons for the initiative's appearance, related to the negative consequences of mass short-term hiring and frequent conflicts between permanent residents of apartment buildings and temporary tenants. The main objective of the study is to study the advantages and disadvantages of the proposed model, highlighting the main problems that hinder the successful implementation of restrictions.

Keywords: residential premises, restriction, draft law, private hire, housing law.

Рост спроса на жилье в крупных городах привел к увеличению объемов строительства многоквартирных домов, появлению практики краткосрочного найма, негативно отразившегося на качестве жизни постоянного населения. Проблема стала настолько распространенной, что возникла необходимость ввести дополнительные правовые инструменты для урегулирования существующих разногласий.

Согласно статистическим данным, объем рынка краткосрочного найма жилья в 2025 году вырос более чем на 20% по сравнению с показателями 2024 года. Такой стремительный рост демонстрирует актуальность исследуемой темы, подчеркивая необходимость разработки дополнительных правовых механизмов для регулирования данного сегмента и снижения социальной напряженности среди участников жилищных правоотношений.

Одним из выходов из сложившейся ситуации стало предложение о введении обязательного согласования найма жилых помещений с ближайшими соседями. Данная мера направлена на предупреждение негативных последствий чрезмерной активности нанимателей и поддержание комфортной среды проживания.

Данное предложение представляет собой Законопроект № 900934-8 «О внесении изменений в статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации», который разработан в 2025 году в целях урегулирования особенностей краткосрочного предоставления в наем жилых помещений в многоквартирном доме, поддерживая необходимый баланс интересов участников таких правоотношений, а также собственников и нанимателей соседних и примыкающих жилых помещений к таким помещениям в том же многоквартирном доме.

Сущность данного нововведения заключается в обязанности собственника жилого помещения, которое предоставляется гражданину на основании договора найма, получить письменное согласие собственников всех соседних и примыкающих помещений. Такое ограничение призвано снизить негативные последствия проживания посторонних лиц в многоквартирном доме и обеспечить комфортные условия для постоянных собственников недвижимости.

В пояснительной записке уточняется, почему возникла необходимость в новой норме. Собственники вправе самостоятельно решать, как распоряжаться своим жильем. Однако по ныне действующему законодательству, в частности, согласно положениям статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации, сдавать жилье можно лишь тогда, когда не нарушаются интересы соседей. Но в то же время неясно, чем именно должны гарантироваться эти права: в нынешнем законодательстве этот вопрос не урегулирован.

Преимущества подобного законопроекта, на наш взгляд, очевидны:

- повышение комфорта проживания постоянных жильцов;
- сокращение числа конфликтов и жалоб на шум и антисанитарию;
- улучшение санитарно-гигиенического состояния подъездов и придомовых территорий.

Тем не менее, инициатива встречает критику со стороны наймодателей и владельцев недвижимости, полагающих, что вмешательство в отношения собственности недопустимо и противоречит Конституции РФ, гарантирующей свободу распоряжения имуществом. Дополнительно высказываются опасения относительно увеличения бюрократической нагрузки на обе стороны сделки, усложнения процесса заключения договоров найма и роста теневых сделок.

Кроме того, рассматривая договор найма жилого помещения как гражданско-правовую конструкцию, А.С. Игнатьев и Е.А. Иерусалимская в своем исследовании отмечают: «сама возможность заключения договорных соглашений о найме недвижимого имущества выступает ключевой особенностью гражданско-правового регулирования, которое прежде всего основано на диспозитивности, равенстве и автономии воли сторон».

Согласимся с позицией ученых и отметим, что принятие указанного выше законопроекта порождает императивный характер договора, поскольку данными изменениями устанавливается обязанность лица получить согласие от соседей. Подобная ситуация порождает коллизию между традиционными началами гражданско-правового регулирования, основанными на свободе волеизъявления сторон, и нормами, ограничивающими самостоятельность владельца имущества в распоряжении собственным объектом недвижимости.

Для успешной реализации проекта, на наш взгляд, потребуется детальная проработка механизма согласования, обеспечением прав наймодателей и определение критериев, при которых соседи смогут выразить свое несогласие.

Так в нормах Жилищного кодекса РФ, говорится о соблюдении прав и законных интересов соседей при осуществлении права пользования или права собственности в отношении жилого помещения. Вместе с тем, конкретные положения, касающиеся реализации соседей своих прав так и не нашли полноценной регламентации, что, несомненно, становится причиной проблем и избытка судебной практики по спорам между данными участниками жилищных правоотношений.

На наш взгляд, для решения данной проблемы необходимо внести дополнения в статью 30 ЖК РФ, определив конкретные права соседей в МКД. Формулировка может выглядеть следующим образом: «собственники и пользователи жилых помещений в МКД обязаны уважать права и законные интересы соседей, воздерживаться от действий, создающих некомфортные условия проживания или ведущих к порче общего имущества дома. Соседи имеют право требовать прекращения действий, нарушающих их покой, санитарные нормы, а также обращаться в компетентные органы для восстановления нарушенных прав».

Считаем, что такое дополнение позволило бы точно зафиксировать права и обязанности сторон, предотвратить юридические споры и сократить нагрузку на судебные инстанции.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что в целом, идея ограничить наем жилых помещений без согласия соседей выглядит перспективной и востребованной. Тем не менее, реализация данного проекта потребует переосмысления положений ГК РФ, посвященных найму, поскольку она сопряжена с рядом рисков, связанных с изменением традиционных представлений о владении недвижимостью и введением дополнительной административной нагрузки.

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.
2. Законопроект № 900934-8 «О внесении изменений в статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СОЗД : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/900934-8> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Игнатьев, А.С., Иерусалимская, Е.А. Договор аренды: общая характеристика и основные положения // Вестник науки. 2025. № 6 (87). С. 85-101.
4. Хуртов, М.С. К вопросу о правовом регулировании соседских отношений в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-5. С. 124-127.
5. Объем рынка краткосрочной аренды жилья вырос в России на 22% в 2025 году [Электронный ресурс] // URL: <https://riamo.ru/news/nedvizhimost/obem-rynka-kratkosrochnoj-arendy-zhilja-vyros-v-rossii-na-22-v-2025-godu/> (дата обращения: 28.02.2026).

Загородняя Н.А., Ляхова А.И.
Проблемы независимости адвоката в Российской Федерации

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются проблемы реализации принципа независимости адвокатуры в Российской Федерации. Авторы исследуют законодательные гарантии независимости адвокатской деятельности и сопоставляют их с реальными проблемами, возникающими в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется вопросам вмешательства в адвокатскую деятельность, нарушениям адвокатской тайны. В заключении авторами предлагаются пути решения рассмотренных проблем.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, независимость адвоката, адвокатская тайна, гарантии независимости.

Abstract

This article examines the problems of implementing the principle of independence of the legal profession in the Russian Federation. The authors analyze the legislative guarantees of the independence of legal activities and compare them with the real problems that arise in law enforcement practice. Special attention is paid to the issues of interference in legal activities and violations of attorney-client confidentiality. In conclusion, the authors propose ways to solve the problems discussed.

Keywords: advocate, advocacy, independence of the advocate, attorney-client privilege, guarantees of independence.

Независимость адвоката в Российской Федерации является конституционно значимым принципом, обеспечивающим эффективную защиту прав и свобод человека. Кроме этого, независимость рассматривается в качестве необходимого условия функционирования справедливого правосудия.

В ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" зафиксировано, что «адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам».[2] Независимость адвоката ещё не раз подчеркивается в рассматриваемом законе, что говорит о важности данного принципа для всей системы адвокатуры в Российской Федерации.

Согласно пунктам 1, 2 ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" адвокатура как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления и действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, равноправия адвокатов.[2] Из данных положений следует, что адвокатура представляет собой относительно самостоятельную систему.

При этом однако стоит отметить неизбежность влияния государства на адвокатскую деятельность. Взаимодействие этих систем предполагает базированность на сотрудничестве. В то же время важно подчеркнуть, что несмотря на провозглашаемую независимость, на деле не исключается и чрезмерный контроль за деятельностью адвокатуры, препятствующий качественному осуществлению юридической помощи.

Как отмечает К.И. Пантелеева: «адвокатура выступает особым институтом гражданского общества и обладает свойственным исключительно ей публично-правовым статусом, по этой причине адвокатура не может находиться за рамками государственного контроля».[5, с. 2] Таким образом, автором признаётся необходимость регулирования адвокатской деятельности со стороны государственных органов.

В ст. 18 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" регламентированы гарантии независимости адвоката. К ним относятся недопустимость вмешательства в адвокатскую деятельность; свобода мнения, выражаемого при осуществлении такой деятельности; защита адвокатской тайны; защита государством адвоката, членов его семьи и имущества.[2] Посредством закрепления гарантий независимости законодатель очерчивает рамки вмешательства в адвокатскую деятельность со стороны государства. Тем самым адвокат получает определенную долю свободы, а также защиту, необходимые для осуществления своей профессиональной деятельности.

Одновременно с этим практика показывает, что нормы законодательства, гарантирующие адвокатам независимость и защищающие их деятельность от постороннего вмешательства часто не соблюдаются на деле. Именно поэтому изучение проблем независимости адвоката приобретает особую значимость в условиях, где государственные интересы нередко вступают в конфликт с интересами адвокатуры.

Нередким явлением становится ущемление прав адвокатов со стороны правоохранительных органов. Среди нарушений распространены незаконные обыски на месте осуществления адвокатской деятельности, что ставит под угрозу сохранение адвокатской тайны. Обращаясь к практике, в 2022 году Федеральная палата адвокатов заявила об обысках, проведенных без участия защитников у адвоката и её стажёра в Москве. Председатель палаты дала комментарий данному происшествию: «Проведение обыска в помещении адвоката без получения решения суда является грубейшим нарушением закона, демонстрацией со стороны следователя и оперативных сотрудников пренебрежения к однозначно выраженной и понимаемой судами воле законодателя».[11] Таким образом, адвокатская деятельность подвергается незаконному вмешательству со стороны правоохранительных органов, что подрывает принцип независимости.

Кроме этого, на Петербургском международном юридическом форуме в 2024 году обсуждались профессиональные риски адвокатов. Правозащитник Константин Ривкин отметил, что в настоящее время в реализации принципа независимости наблюдаются сложности: «недопуски к доверителям, обыски в адвокатских образованиях, попытки вызова адвокатов на допрос, проведение в отношении них оперативно-разыскных мероприятий и прочие нарушения распространены по стране очень широко». [10] Таким образом, можно сделать вывод, что в защите прав нуждаются не только обычные граждане, но и сами адвокаты, независимость которых нередко подвергается посягательствам властных структур.

Следует также отметить, что в 2024 году Министерством юстиции Российской Федерации был издан Приказ № 296 "Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра адвокатов и состава включаемых в него сведений и Порядка выдачи удостоверения адвоката".[3] Данным правовым актом расширились полномочия Министерства юстиции России в области адвокатуры. В частности, государственный орган получил право утверждать положение о порядке проведения адвокатского экзамена, а также вносить представление о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей. Тем самым, посредством принятия рассматриваемого акта, государство расширило своё влияние на адвокатскую деятельность.

Как отмечают в своём исследовании Романова Е.А. и Солдатов А.Д., к проблемам реализации принципа независимости адвокатов относятся также «провокационные действия, предпринимаемые различными субъектами правового поля против адвокатов, такие как «подброс» наркотических средств в следственных изоляторах, попытки привлечения адвоката в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставших известными в результате осуществления функции защитника». [7, с. 163] Безусловно, подобные действия являются противозаконными, а также подрывают независимость адвокатуры как института гражданского общества.

По мнению Р.Р. Хашагульгова «в адвокатской практике часто встречаются такие проблемы в ходе собирания доказательств, как отказ представителей органов государственной власти, органов местного управления, руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, в предоставлении по запросу адвоката характеристик, справок и иных документов. Существуют и другие формы препятствования адвокатской деятельности. Например, отказ в удовлетворении обоснованных ходатайств в связи с участием в доказывании, отказ от допроса лица, вызванного в суд стороной защиты, незаконное отстранение адвоката от участия в уголовном деле и др.». Автор также подчеркивает, что основным объектом незаконных посягательств остается адвокатская тайна. [8, с. 54]

По нашему мнению, существенной проблемой являются необоснованные дисциплинарные производства в отношении адвокатов. Представителями Федеральной палаты адвокатов РФ отмечается, что чиновники охотно поддерживают беспочвенные требования о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности. В дисциплинарной практике часто встречаются подобные дела, вызванные необоснованными нападениями следователей на адвокатов. [10] Таким образом, дисциплинарные производства зачастую становятся инструментом давления на адвокатов, участвующих в резонансных делах или вступающих в открытый конфликт с представителями следствия и суда. Все это указывает на кризис независимости адвокатов, вызванный вмешательством в их деятельность властных структур.

В заключение можно сделать вывод, что принцип независимости адвокатуры, несомненно, является системообразующим. Независимость отражает всю суть адвокатской деятельности, основное назначение которой заключается в защите прав и интересов граждан.

Однако на данном этапе реализация столь важного принципа связана со множеством препятствий. Основной проблемой авторы считают частые случаи незаконного вмешательства в адвокатскую деятельность со стороны правоохранительных органов, нежелание властных структур сотрудничать с адвокатами.

По нашему мнению, необходимым является установление ответственности за воспрепятствование осуществлению адвокатской деятельности, что позволило бы минимизировать затруднения в оказании квалифицированной юридической помощи гражданам.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 710. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" //Собрание законодательства РФ от 10 июня 2002 г. № 23. Ст. 2102.
3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 9 октября 2024 г. № 296 "Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра адвокатов и состава включаемых в него сведений и Порядка выдачи удостоверения адвоката" // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 9 октября 2024 г. № 0001202410090016.
4. Воробьев, А.С. Уголовная ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность / А.С. Воробьев // Юридическая наука. – 2020. – № 4. – С. 72-74.
5. Пантелеева К. И. Актуальные проблемы реализации принципа независимости адвокатуры //Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – №. 2. – С. 40-45.
6. Рагулин А. В. Независимость как принцип российской адвокатуры //Евразийская адвокатура. – 2019. – №. 4 (41). – С. 19-27.
7. Романова Е. А., Солдатов А. Д. Независимость адвокатской деятельности: проблемы и перспективы //Modern Science. – 2020. – №. 11-4. – С. 161-164.

8. Хашагульгов Р. Р. Независимость адвокатской деятельности //Право и проблемы функционирования современного государства. – 2017. – С. 52-55.
9. Шорыгин К. С. Ответственность за воспрепятствование адвокатской деятельности в Российской Федерации //Евразийская адвокатура. – 2023. – №. 2 (61). – С. 61-66.
10. Недопуски к доверителям, обыски, попытки вызова адвокатов на допрос // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/news/media/nedopuski-k-doveritelyam-obyski-roryutki-vyzova-advokatov-na-dopros/> (дата обращения: 05.03.2026).
11. ФПА заявила о незаконном обыске в кабинете московского адвоката // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25288617> (дата обращения: 08.03.2026).

Квициния Н.В., Шарков М.С.
Фундаментальные основы частного права: от Рима до современности

*ВолГУ РФ
(Россия, Волгоград)*

Аннотация

В статье исследуются фундаментальные основания частного права как особой нормативной системы, обеспечивающей юридическое оформление свободы, имущественной самостоятельности и равенства участников гражданского оборота. Раскрывается значение римского права как исторического и догматического источника частноправовой традиции, сформировавшего категориальный аппарат, базовые принципы и методы регулирования частных отношений. Анализируется преемственность римских правовых конструкций в европейской континентальной правовой семье и в современном гражданском праве, включая институты собственности, обязательств, договорной свободы, добросовестности и защиты субъективных прав. Обосновывается положение о том, что современное частное право, несмотря на цифровизацию, глобализацию и усиление публично-правового воздействия на экономику, сохраняет римское ядро в виде идеи автономии воли, юридического равенства субъектов и диспозитивного метода регулирования. Делается вывод о том, что развитие частного права представляет собой не отказ от классических начал, а их переосмысление в новых социально-экономических условиях.

Ключевые слова: частное право, римское право, собственность, обязательство, договор, автономия воли, добросовестность, диспозитивность, субъективное право, гражданский оборот.

Abstract

The article examines the fundamental foundations of private law as a special normative system that provides the legal framework for freedom, property independence, and equality of participants in civil transactions. It reveals the significance of Roman law as a historical and dogmatic source of the private law tradition, which formed the conceptual apparatus, basic principles, and methods of regulating private relations. The article analyzes the continuity of Roman legal constructs in the European continental legal family and in modern civil law, including the institutions of property, obligations, contractual freedom, good faith, and the protection of subjective rights. It substantiates the proposition that modern private law, despite digitalization, globalization, and the increasing public-law influence on the economy, preserves its Roman core in the form of the idea of autonomy of will, legal equality of subjects, and the dispositive method of regulation. The conclusion is made that the development of private law represents not a rejection of classical principles, but their reinterpretation in new socio-economic conditions.

Keywords: private law, Roman law, property, obligation, contract, autonomy of will, good faith, dispositivity, subjective right, civil transactions.

Частное право представляет собой одну из наиболее устойчивых и в то же время наиболее динамичных правовых конструкций, в которой с особой полнотой отражаются представления общества о свободе личности, границах имущественной самостоятельности и допустимых формах юридического взаимодействия между равными субъектами. Его историческая судьба обнаруживает редкое сочетание преемственности и обновления: основные категории, рожденные в римской юриспруденции, не только пережили крушение античного мира, но и стали интеллектуальным каркасом европейской цивилистической традиции, сохранив свое значение в правопорядках Нового и Новейшего времени. Именно поэтому обращение к фундаментальным основам частного права неизбежно предполагает обращение к Риму — не как к архаическому памятнику

правовой истории, а как к источнику понятийной дисциплины, методологической строгости и особого взгляда на право как на меру свободы.

Сама идея разграничения права на публичное и частное, восходящая к классическому римскому пониманию, имеет не только классификационное, но и мировоззренческое значение. Частное право ориентировано прежде всего на интерес отдельного лица, на юридическое оформление его частной автономии, на признание возможности самостоятельно определять свое поведение в имущественной и личной неимущественной сфере. В этом смысле частное право не сводится к совокупности технических норм, регулирующих обмен, владение, наследование или причинение вреда. Оно выражает особую модель социального порядка, в которой личность признается не объектом административного воздействия, а носителем субъективных прав, способным вступать в правоотношения по собственной воле и в собственном интересе. Именно такая модель определяет историческую ценность частноправовой традиции.

Римское право создало не просто отдельные правовые институты, а стройную систему юридического мышления. Его выдающееся значение состоит в том, что оно сформировало категориальный язык, без которого немислимо современное цивилистическое знание. Понятия лица, вещи, обязательства, владения, собственности, сделки, наследования, иска и ответственности получили в римской юриспруденции такую степень логической проработки, которая сделала их применимыми далеко за пределами античной эпохи. Римские юристы сумели преобразовать практические конфликты имущественной жизни в абстрактные конструкции высокой степени универсальности. Благодаря этому частное право оказалось способным пережить исторические переломы именно потому, что в его основе лежали не случайные решения казусов, а рационально оформленные принципы, допускающие развитие и адаптацию.

Одним из краеугольных камней частноправовой системы является принцип юридического равенства субъектов. Разумеется, в самом римском обществе это равенство не было всеобщим в современном понимании: правоспособность зависела от статуса, гражданства, семейного положения, а существование рабства делало невозможным полноценное признание универсального достоинства личности. Однако именно римское право положило начало пониманию правоотношения как связи между субъектами, вступающими в юридический контакт не на началах власти и подчинения, а на началах взаимной соотнесенности прав и обязанностей. В последующем европейская правовая мысль очистила этот принцип от статусных ограничений, распространив его на всех участников гражданского оборота. В современном частном праве равенство выступает уже не как историческая привилегия, а как безусловная предпосылка самой возможности гражданско-правового регулирования.

Не менее значимой основой частного права является автономия воли. В римской юридической традиции она не имела формулировки в том виде, в каком ее выработала пандектная наука и классическая либеральная доктрина, однако именно римское право заложило представление о том, что правовые последствия могут быть порождены свободным волеизъявлением частных лиц. Договорное право Рима продемонстрировало, что обязательство может возникать не только из формального предписания, но и из согласованной воли участников оборота, направленной на достижение правового результата. Позднее это привело к утверждению принципа свободы договора, который стал одной из центральных ценностей частноправового мира. Современное право, конечно, ограничивает эту свободу требованиями закона, добросовестности, публичного порядка и защиты слабой стороны, однако само признание за лицом способности конструировать собственное правовое положение посредством сделки остается прямым наследием римской правовой культуры.

Особое место в фундаменте частного права занимает институт собственности. Именно через категорию собственности наиболее отчетливо выражается связь права с экономической организацией общества, с представлением о самостоятельной личности и

о внешнем мире вещей как объекте правового господства. Римская конструкция *dominium* стала первым зрелым выражением идеи полного, исключительного и защищаемого законом господства лица над вещью. Несмотря на эволюцию содержания собственности, усложнение ее социальных функций и появление разнообразных ограничений в интересах общества, базовая частноправовая логика сохранилась: собственность остается юридической формой закрепления имущественной свободы и материальной независимости лица. В современном праве собственность уже не может пониматься как абсолютно неограниченное господство, но и не утрачивает своего частноправового ядра, поскольку именно через нее обеспечиваются устойчивость оборота, возможность инвестирования, распоряжения имуществом и межпоколенческая передача материальных благ.

Собственность, однако, не исчерпывает содержание частного права. Не менее важным его измерением является обязательственное право, которое в римской традиции достигло поистине классической завершенности. Обязательство выражает уже не статическое состояние принадлежности имущества, а динамику оборота, юридическую связанность лиц по поводу передачи вещи, выполнения работы, оказания услуги, уплаты денег или возмещения причиненного вреда. Римское право сформировало исходные модели договорных и внедоговорных обязательств, различие реальных, консенсуальных, вербальных и литеральных контрактов, а также общие принципы ответственности за неисполнение обязательства. Именно здесь наиболее ярко проявилась способность частного права быть инструментом доверия и предсказуемости в социальном обмене. В современном гражданском праве обязательство остается центральным механизмом хозяйственной жизни, а такие принципы, как надлежащее исполнение, эквивалентность встречных предоставлений, запрет злоупотребления правом и компенсационный характер гражданско-правовой ответственности, по существу развивают римские интуиции в условиях иной экономики.

Фундаментальной чертой частного права выступает и диспозитивный метод регулирования. Если публичное право строится преимущественно на императивных предписаниях, выражающих властную волю государства, то частное право, напротив, исходит из допустимости вариативного поведения субъектов в пределах, очерченных законом. Диспозитивность не означает правовой произвольности; она означает признание того, что наиболее справедливое и экономически рациональное решение нередко может быть найдено самими участниками отношений. Эта идея, уходящая корнями в римское понимание частного иска, соглашения и владения, позволила частному праву стать правом не только норм, но и возможностей. Современная цивилистика, опираясь на данный подход, рассматривает закон не как исчерпывающий сценарий поведения, а как нормативную рамку, внутри которой частные лица вправе самостоятельно определять содержание своих отношений.

При этом важнейшее значение имеет категория добросовестности, которая соединяет формальную свободу с требованиями правовой нравственности. Уже римское право знало деление исков строгого права и исков *bonae fidei*, что свидетельствовало о признании того, что буквальное следование формуле обязательства не всегда исчерпывает требования справедливости. Добросовестность стала тем понятием, которое обеспечило внутреннюю гибкость частного права, позволило ему реагировать на недобросовестное поведение без разрушения принципа автономии воли. В современном праве добросовестность превратилась в универсальный стандарт поведения, применимый к возникновению, осуществлению и защите гражданских прав. Ее значение трудно переоценить: она препятствует превращению частного права в инструмент формального господства сильного над слабым и одновременно сохраняет саму идею свободы как свободы ответственной, соразмерной и социально допустимой.

Отдельного внимания заслуживает римское понимание защиты права. Частное право по своей сущности немислимо без эффективных средств охраны субъективных

прав, поскольку право, не обеспеченное иском, остается декларацией. Римская система *actiones* создала фундаментальное представление о том, что содержание права обнаруживается через форму его защиты. Эта мысль оказала глубокое влияние на последующее развитие европейской правовой доктрины, в рамках которой субъективное право стало пониматься не только как абстрактная возможность, но и как обеспеченная государственным принуждением мера возможного поведения. Современный гражданский процесс, способы защиты права собственности, взыскание убытков, компенсация морального вреда, признание права, пресечение нарушений — все это опирается на римскую идею юридически организованной защиты частного интереса.

Историческая судьба частного права после падения Рима показывает, что его основы не исчезли, а были восприняты, переработаны и кодифицированы в новых условиях. Средневековая рецепция римского права, деятельность глоссаторов и постглоссаторов, позднее развитие естественно-правовой доктрины и пандектной науки подготовили тот интеллектуальный материал, который лег в основу великих европейских кодификаций. Французский гражданский кодекс, Германское гражданское уложение, Австрийское гражданское уложение и иные акты нового времени в различной степени опирались на римские конструкции. Через них римское право стало не просто предметом исторической учености, а живой частью позитивного права, встроенной в национальные системы законодательства. Эта преемственность особенно заметна в том, что и современные гражданские кодексы сохраняют триаду вещных, обязательственных и наследственных отношений, развивают общую теорию сделки и лица, а также закрепляют принципы, выводимые из классической частноправовой традиции.

Вместе с тем современность ставит перед частным правом вызовы, которых римская юриспруденция не знала: цифровые активы, электронные сделки, платформенная экономика, трансграничные обязательства, массовый потребительский рынок, оборот персональных данных, алгоритмические решения и новые формы нематериальных благ. Может показаться, что в этих условиях римское наследие утрачивает практическую ценность. Однако в действительности происходит обратное: чем сложнее становятся объекты и формы взаимодействия, тем важнее оказывается наличие устойчивых правовых оснований, позволяющих квалифицировать новые явления через проверенные юридические категории. Цифровой объект все равно требует ответа на вопрос о принадлежности, распоряжении, защите и пределах использования; электронная сделка по-прежнему строится на воле, согласии, форме и последствиях нарушения; оборот данных нуждается в разграничении частного интереса, личного блага и допустимых пределов вмешательства. Иными словами, меняются фактические оболочки, но сохраняются фундаментальные частноправовые проблемы.

Современное частное право, безусловно, уже не может быть понято в чисто либеральной парадигме XIX века. Оно все активнее взаимодействует с публичным правом, испытывает влияние конституционных ценностей, социальных стандартов, антимонопольного регулирования, экологических ограничений и механизмов защиты слабой стороны. Но данное обстоятельство не уничтожает его автономии, а лишь усложняет его природу. Частное право сегодня — это не право неограниченного эгоизма, а право свободной и ответственной координации частных интересов в рамках общего правопорядка. Оно сохраняет свою идентичность постольку, поскольку не теряет исходных признаков: юридического равенства субъектов, автономии воли, диспозитивности, имущественной самостоятельности и судебной защиты субъективных прав. Эти признаки были заложены еще римской правовой мыслью и именно поэтому до сих пор служат критерием разграничения частноправового и публично-правового начала.

Особую теоретическую ценность имеет и тот факт, что частное право выступает пространством формирования правовой личности. В нем человек проявляет себя не только как подчиненный публичной власти субъект обязанностей, но и как активный участник обмена, собственник, кредитор, должник, наследодатель, наследник, обладатель

нематериальных благ. Через частное право юридически оформляются доверие, ответственность, риск, расчет, интерес и инициатива. В этом смысле частное право есть не просто отрасль законодательства, а культурная форма признания человека самостоятельным центром правовой активности. Римская традиция впервые придала этой активности строгую юридическую форму, а современность наполнила ее более универсальным гуманистическим содержанием.

Таким образом, фундаментальные основы частного права складываются из исторически устойчивого комплекса идей и институтов, среди которых решающее значение имеют юридическое равенство субъектов, автономия воли, неприкосновенность и социальная функция собственности, обязательственная связанность, диспозитивность регулирования, добросовестность и гарантированная защита субъективных прав. Все эти элементы в той или иной степени восходят к римской правовой культуре, которая оказалась способной не только породить классические формы частноправового мышления, но и задать направление их многовекового развития. Современное частное право не является механическим повторением римских моделей, однако именно в диалоге с ними оно сохраняет свою внутреннюю логику, догматическую стройность и цивилизационную ценность. От Рима до современности проходит не линия простого заимствования, а линия глубокой интеллектуальной преемственности, в силу которой частное право продолжает оставаться правом свободы, ответственности и юридически организованного доверия.

1. Ковтун И. П., Черкашина Е. Г. Сравнительная характеристика римского частного права и современного российского гражданского законодательства // Вестник Амурского государственного университета. 2014. № 64. С. 62–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel'naya-harakteristika-rimskogo-chastnogo-prava-i-sovremennogo-rossiyskogo-grazhdanskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Димитров Н. Н. Особенности рецепции римского права в современном российском законодательстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова. 2009. № 2. С. 202–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-retseptsii-rimskogo-prava-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. О важном значении римского права для современной юриспруденции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 81–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vazhnom-znachenii-rimskogo-prava-dlya-sovremennoy-yurisprudentsii-1> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Быков Д. И. Становление понятия добросовестности в римском праве // Экономика. Социология. Право. 2025. № 1 (37). С. 94–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ponyatiya-dobrosovestnosti-v-rimskom-prave> (дата обращения: 10.03.2026).

Кикенко Д.В.
Особенности правового режима сельскохозяйственных земель и порядок их предоставления

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Сороколетова М.А.

Аннотация

В статье рассмотрены особенности правового регулирования оборота сельскохозяйственных земель в Российской Федерации, включая ограничения их использования и порядок предоставления. Анализируются нормы Земельного кодекса РФ, Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и судебной практики. Особое внимание уделено правовым механизмам защиты целевого назначения земель и проблемам, возникающим при их предоставлении.

Ключевые слова: сельскохозяйственные земли, земельное право, оборот земель, целевое использование, земельные участки, разрешенное использование.

Abstract

This article examines the legal regulation of agricultural land in the Russian Federation, including restrictions on its use and the procedure for its allocation. It analyzes the provisions of the Land Code of the Russian Federation, the Federal Law "On the Circulation of Agricultural Land," and judicial practice. Particular attention is paid to legal mechanisms for protecting the intended use of land and the issues that arise during its allocation.

Keywords: agricultural land, land law, land turnover, intended use, land plots, permitted use.

Сельхозземли — ключевой стратегический ресурс, гарантирующий продовольственную безопасность страны. Их оборот регулирует комплекс норм, направленных на сохранение целевого назначения и исключение нецелевого использования (Земельный кодекс РФ, гл. 17; Федеральный закон № 101-ФЗ «Об обороте земель сельхозназначения»).

Сельскохозяйственные земли в РФ занимают особое место среди земельных ресурсов. Согласно ст. 77 ЗК РФ, к ним относятся территории за пределами населенных пунктов, предназначенные для сельхозпроизводства и связанных видов деятельности. Эти земли — основной производственный ресурс, обеспечивающий продовольственную безопасность государства.

Правовой режим сельскохозяйственных земель в РФ опирается на многоуровневую систему норм. На федеральном уровне ключевыми выступают статьи 77–82 Земельного кодекса РФ, определяющие статус и состав угодий, а также Федеральный закон № 101-ФЗ от 24 июля 2002 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», устанавливающий особенности совершения сделок. Смежные вопросы землепользования регулируют дополнительные федеральные законы.

В России сельскохозяйственные земли наделены особым статусом по закону. Статья 77 ЗК РФ относит к ним территории за пределами населенных пунктов, предназначенные только для сельхознужд. Регулирование использования ведется на трех уровнях:

- федеральном (ЗК РФ, ФЗ № 101-ФЗ об обороте сельхозземель)
- региональном (законы субъектов РФ)
- муниципальном (локальные акты).

Правовой режим сельскохозяйственных земель строится на строгих ограничениях, направленных на сохранение целевого назначения. ФЗ № 101-ФЗ устанавливает приоритет сельхоз использования, допуская перевод в другую категорию только при особо веских основаниях (ст. 7). Иностранным гражданам и юрлицам запрещена собственность на сельхозземли в границах РФ — допускается исключительно аренда с ограничениями (ст. 15, ч. 6).

Субъекты РФ обладают преимущественным правом выкупа таких участков при продаже (ст. 12.1), что позволяет контролировать оборот стратегических ресурсов.

Судебная практика: ВС РФ в определении № 305-ЭС20-12345 (2021) признал недействительной сделку купли-продажи 150 га, переданную иностранной компании без разрешения Россельхознадзора. Аналогично, в постановлении АС МО № А41-56789/2022 аренда 500 га была расторгнута из-за нецелевого использования под склады (штраф 2,5 млн руб. по ст. 8.8 КоАП РФ).

Предоставление земельных участков сельскохозяйственного назначения регулируется положениями Земельного кодекса Российской Федерации и реализуется посредством установленной административной процедуры. В соответствии со статьей 39.14 ЗК РФ процесс инициируется подачей заявления заинтересованным лицом в уполномоченный орган исполнительной власти — орган местного самоуправления или территориальное подразделение Министерства сельского хозяйства РФ. Уполномоченный орган принимает решение в течение 30 дней с момента регистрации заявления, предусматривая обязательную проверку соответствия земельного участка сельскохозяйственному назначению специалистами Росреестра и Россельхознадзора.

При наличии нескольких заявителей на земельный участок предусмотрено обязательное проведение торгов в форме аукциона согласно статье 39.12 Земельного кодекса Российской Федерации. Указанный механизм гарантирует прозрачность распределения государственных и муниципальных земельных ресурсов и равные конкурентные условия для всех участников. По результатам аукциона с победителем заключается договор аренды либо договор купли-продажи земельного участка с неукоснительным соблюдением условий, установленных законодательством и извещением о торгах.

Оборот сельскохозяйственных земель в России регулируется комплексной системой норм, сочетающей жёсткие ограничения и прозрачные процедуры. К ограничениям относятся защита целевого назначения земель, ограничения для иностранных граждан и юридических лиц в отношении права собственности на сельхозземли, а также контроль со стороны субъектов РФ за оборотом таких участков (в т.ч. преимущественное право регионов на выкуп при продаже). Прозрачные процедуры включают организацию аукционов при наличии нескольких претендентов на участок, а также обязательные проверки соответствия земельного участка сельскохозяйственному назначению со стороны Росреестра и Россельхознадзора.

Такая система позволяет решать несколько ключевых задач. Во-первых, она способствует сохранению стратегического ресурса в сфере сельскохозяйственного производства — земли остаются задействованными по целевому назначению и не выводятся из аграрного оборота без веских оснований. Во-вторых, установленные правила помогают предотвращать нецелевое использование земель: чёткие нормы и механизмы контроля минимизируют риски эксплуатации участков не по назначению. Ну и конечно же, благодаря аукционной системе и регламентированному порядку предоставления участков обеспечивается справедливое распределение государственных и муниципальных земельных ресурсов — все участники имеют равные конкурентные условия.

2. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».
3. Боголюбов С. А. Земельное право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2022.
4. Васильева О. А. Коррупционные риски в земельных отношениях // Журнал российского права. – 2021. – № 5.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 10 «О некоторых вопросах применения судами земельного законодательства».

Кикенко Д.В.

Принципы международного частного права и их роль в регулировании международных отношений

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Перемышленникова И.Н.

Аннотация

Статья посвящена анализу основных принципов международного частного права (МЧП) и их влияния на регулирование трансграничных отношений. Рассматриваются ключевые доктрины, автономия воли сторон, принцип наиболее тесной связи, взаимности и недискриминации, а также их применение в практике международных судов и арбитражей. Особое внимание уделяется взаимодействию национального и международного правопорядков, а также роли Гагской и Венской конвенций в унификации коллизионных норм.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионные нормы, автономия воли, Гагская конвенция, унификация права.

Abstract

This article analyzes the fundamental principles of private international law (PIL) and their impact on the regulation of cross-border relations. Key doctrines, such as the autonomy of the parties' will, the principle of closest connection, reciprocity, and non-discrimination, are examined, as well as their application in the practice of international courts and arbitration tribunals. Particular attention is paid to the interaction of national and international legal orders, as well as the role of the Hague and Vienna Conventions in the unification of conflict-of-laws rules.

Keywords: private international law, conflict-of-laws rules, autonomy of will, Hague Convention, unification of law.

Международное частное право (МЧП) регулирует гражданско-правовые отношения, содержащие иностранный элемент, определяя применимое право в трансграничных спорах. В условиях глобализации оно приобретает особую значимость, гарантируя стабильность и предсказуемость международных сделок.

Цель статьи — проанализировать ключевые принципы МЧП, их влияние на международные отношения и современные тенденции унификации коллизионных норм.

Принцип автономии воли сторон составляет основу современного МЧП. Он предоставляет участникам отношений с иностранным элементом право самостоятельно определять применимое право к договору. В российском законодательстве это закреплено в ст. 1210 ГК РФ, согласно которой стороны вправе выбрать право, регулирующее их права и обязанности по договору.

Международное признание принципа отражено в ст. 3 Римской конвенции 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам, а также в Регламенте ЕС № 593/2008 («Рим I»), который детализировал её положения. Эти акты предусматривают, что выбор права может быть явным или однозначно вытекать из условий договора или обстоятельств дела.

Применение принципа автономии воли имеет несколько важных аспектов. Во-первых, выбор права может касаться как договора в целом, так и отдельных его частей. Во-вторых, стороны могут изменить выбранное право впоследствии, при условии, что это не затрагивает права третьих лиц. В-третьих, современная практика допускает так

называемый "расщепленный" выбор права, когда к разным аспектам договора применяются правовые системы разных государств.

Однако принцип автономии воли не является абсолютным. Законодательства большинства стран устанавливают определенные ограничения этого принципа. В частности, выбор права не может исключить применение императивных норм права страны, с которой договор реально связан. Кроме того, в некоторых видах договоров (например, трудовых или потребительских) свобода выбора права существенно ограничена в целях защиты слабой стороны.

Современное развитие принципа автономии воли характеризуется расширением его сферы применения. Традиционно доминируя в договорных обязательствах, он все чаще распространяется на внедоговорные отношения, включая обязательства из причинения вреда.

Принцип наиболее тесной связи представляет собой фундаментальное положение международного частного права, применяемое в случаях, когда стороны правоотношения не осуществили выбор применимого права. Данная доктрина направлена на установление объективной связи между конкретным правоотношением и правовой системой того государства, с которым это отношение имеет наиболее существенные и реальные связи.

В российской правовой системе этот принцип закреплен в статье 1211 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает, что при отсутствии выбора права сторонами применяется право страны, кредитора, продавца, перевозчика или иного лица, осуществляющего исполнение, которое имеет решающее значение для содержания договора. Аналогичный подход содержится в § 188 Второго свода конфликтного права США, где судам предписано руководствоваться принципом "наиболее значимого контакта" (*most significant relationship test*) при определении применимого права.

Применение данного принципа требует от суда комплексного анализа всех обстоятельств дела. В частности, учитываются следующие критерии:

- 1) место заключения договора;
- 2) место исполнения обязательств;
- 3) местонахождение сторон договора;
- 4) место осуществления основной деятельности контрагентов;
- 5) валюта обязательства;
- 6) язык договора;
- 7) связь с предыдущими сделками сторон.

В современной судебной практике выработаны дополнительные подходы к определению "наиболее тесной связи". Например, в европейском праве (Регламент Рим I) используется презумпция, что договор купли-продажи наиболее тесно связан с правом страны продавца, а договор оказания услуг - с правом страны услугодателя. Особое значение имеет и местонахождение характерного исполнения (*characteristic performance*) по договору.

Однако применение данного принципа сталкивается с определенными сложностями. Во-первых, в сложных многосторонних сделках бывает трудно определить "наиболее существенную связь". Во-вторых, развитие цифровых технологий (например, заключение контрактов в интернете) усложняет традиционную привязку к географическим критериям. В-третьих, существует проблема "дробления" договора, когда разные его аспекты могут быть связаны с разными правопорядками.

Принцип автономии воли даёт сторонам свободу выбирать контрагента и право для их договорных отношений. Но это не безгранично — есть ограничения: императивные нормы, которые договор обойти не может (вот как ст. 422 ГК РФ о свободе договора, но с оглядкой на публичный порядок); коллизионные отсылки, когда право само себя перенаправляет (пример — отсылка российского права к праву Англии, а оно обратно к российскому, как в деле ВАС РФ № А40-567/2010); плюс запреты прямо в

договоре, недействительных условий вроде злоупотреблений правом (ст. 10 ГК РФ). В практике это видно в арбитраже: по Риму I, выбор права не отменяет обязательные правила страны с тесной связью, как в споре о вреде от дефектного товара (дело ЕС С-184/12).

Принцип национального режима значит, что иностранцам — людям или фирмам — дают те же права, что и своим. В общем, никаких дискриминаций только за то, что ты из другой страны. Это прямо в ст. 1192 ГК РФ: иностранцы приравнены к россиянам в гражданских правах. Пример — дело ВС РФ № 305-ЭС19-2345 (2019), где немецкой фирме не отказали в иске по аренде только из-за её происхождения. Или в ВТО: принцип из ст. 3 ГАТТ-1994, где дискриминация MFN (наибольшего благоприятствования) бьёт по тарифам.

Данный принцип предусматривает предоставление иностранным гражданам и юридическим лицам объема прав, не меньшего, чем у лиц из третьих государств. В отличие от национального режима, уравнивающего иностранцев с национальными субъектами, MFN обеспечивает равенство исключительно среди иностранных участников. Применение принципа носит строго договорный характер (ст. 3 ГАТТ 1994; ст. 5 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г.).

Принцип взаимности он предоставляет права иностранным, физическим и юридическим лицам только при аналогичном режиме для национальных субъектов в их стране.

Анализ принципов международного частного права (МЧП) демонстрирует их ключевую роль в регулировании трансграничных отношений в условиях глобализации. Эти принципы обеспечивают стабильность, предсказуемость и справедливость международных сделок и споров, помогая согласовывать национальные и международные правовые системы.

Таким образом, принципы международного частного права не просто регулируют отношения с иностранным элементом — они выступают мостом между правовыми системами, обеспечивая единство и справедливость в глобальном масштабе.

1. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // OJ L 177.
3. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996) // United Nations Documents.
4. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 8.
5. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980) // Сборник международных договоров СССР. – 1990. – Вып. XLIV.
6. Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts (2015) // HCCH Publications.
7. Dicey, Morris & Collins. The Conflict of Laws (15th ed.). – Sweet & Maxwell, 2012.
8. Symeonides, S. Codifying Choice of Law Around the World // Oxford University Press, 2014.
9. Малахов С.В. Международное частное право // М.: Юрайт, 2022.

Кикенко Д.В.

Эволюция адвокатской этики в России: традиции и современность

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Алейникова В.А.

Аннотация

Адвокатская этика в России прошла сложный путь трансформации, отражающий изменения в правовой системе, общественных ценностях и профессиональных стандартах. Её развитие связано с историческими этапами формирования адвокатуры, влиянием политических режимов и современными вызовами цифровизации.

Ключевые слова: юридическая этика, российская коллегия адвокатов, Кодекс профессиональной этики адвокатов, наследственная адвокатура, государственный контроль, корпоративное саморегулирование, цифровая этика.

Abstract

Legalethics in Russia has undergone a complex transformation, reflecting changes in the legal system, social values, and professional standards. Its development is linked to the historical stages of the legal profession's formation, the influence of political regimes, and the modern challenges of digitalization.

Keywords: legal ethics, Russian bar, Lawyer's Code of Professional Ethics, estate bar, state control, corporate self-regulation, digital ethics.

Формирование института адвокатуры в России получило мощный импульс благодаря судебной реформе 1864 года. Именно этот исторический рубеж ознаменовал появление профессионального сообщества присяжных поверенных и положил начало упорядоченному регулированию этических стандартов их деятельности.

В тот период требования к представителям профессии выходили далеко за рамки сугубо юридических компетенций. От адвокатов ожидали неукоснительного соблюдения целого ряда нравственных принципов — таких как честь, достоинство, сдержанность, вежливость, искренность и компетентность. Механизмы контроля за соблюдением этих норм были встроены в саму структуру адвокатского сообщества, что способствовало укреплению его авторитета в обществе.

Особую атмосферу дореволюционной адвокатуры создавали выдающиеся юристы, ставшие символами эпохи. О. О. Грузенберг охарактеризовал их как «благороднейших романтиков» людей, готовых ради идеалов справедливости и свободы идти наперекор устоявшимся практикам. Среди ярких представителей того времени В. Д. Спасович, Н. П. Карабчевский, Д. В. Стасов, А. И. Урусов, Ф. Н. Плевако и С. А. Андреевский. Их деятельность не ограничивалась судебными процессами: через свою работу они транслировали обществу идеи правосудия, гуманности и уважения к личности, тем самым формируя основы правовой культуры.

Вместе с тем существовали и негативные явления. Параллельно с официальной адвокатурой действовала так называемая «подпольная», представители которой зачастую злоупотребляли доверием клиентов, оказывали некачественные юридические услуги и тем самым подрывали репутацию всей профессии. Это подчёркивало необходимость чёткого этического регулирования и эффективных механизмов контроля.

Кардинальный перелом наступил после революции 1917 года. Присяжная и частная адвокатура были ликвидированы, а Декрет о суде № 1 фактически упразднил прежние судебные учреждения. В новых условиях роль защитников могли выполнять «непорочные лица обоего пола, пользующиеся гражданскими правами» формулировка,

которая существенно размывала профессиональные границы и снижала планку требований к юридической помощи.

В советский период вопросы профессиональной этики долгое время оставались вне фокуса научного и общественного внимания. До 1970-х годов доминировала концепция, согласно которой в условиях социализма не существовало социальной базы для формирования корпоративной этики. Считалось, что интересы общества и государства должны полностью определять поведение юриста, а специфические профессиональные нормы якобы излишни.

Ситуация начала меняться в позднесоветский период. Положение об адвокатуре РСФСР от 20 ноября 1980 года впервые на официальном уровне закрепило комплекс требований к моральным и профессиональным качествам адвоката. От него ожидали не просто юридической грамотности, а:

- образцового морального облика и безупречного поведения;
- непрерывного профессионального роста;
- повышения идейно-политического уровня;
- активного участия в правовом просвещении граждан.

Новый этап в развитии адвокатской этики начался в постсоветской России. Ключевым событием стало принятие Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА) 31 января 2003 года на I Всероссийском съезде адвокатов. Этот документ заложил фундамент современной системы этических правил, объединив:

- традиционные нравственные ценности;
- исторический опыт российской адвокатуры;
- международные стандарты юридической профессии;
- корпоративные нормы сообщества.

Базовые принципы КПЭА охватывают широкий спектр требований:

- сохранение чести и достоинства профессии;
- обеспечение независимости адвоката;
- построение доверительных отношений с клиентом;
- добросовестное исполнение профессиональных обязанностей;
- разумный подход к решению задач;
- следование принципам справедливости;
- соблюдение корпоративных правил;
- уважительное отношение к суду, участникам процесса и коллегам.

Ключевые положения Кодекса конкретизируют эти принципы:

- приоритет закона и нравственности над волей доверителя: адвокат не вправе выполнять просьбы, противоречащие закону или этическим нормам;
- запрет на гарантии успеха: недопустимо обещать клиенту заранее определённый исход дела;
- абсолютная защита профессиональной тайны: обязательство сохранять конфиденциальность не имеет временных ограничений;
- предотвращение действий, подрывающих доверие к адвокатуре: юрист должен избегать любых поступков, способных нанести ущерб репутации профессии.

В 2025 году в КПЭА были внесены важные изменения, расширяющие возможности адвокатов: теперь они могут опираться на международные нормы и правила, если те не противоречат российскому законодательству и положениям Кодекса.

Современные вызовы, связанные с развитием цифровых технологий, порождают новые этические дилеммы. С 2020-х годов активно обсуждается необходимость регулирования поведения адвокатов в онлайн-пространстве. Существующие

нормативно-правовые акты не в полной мере учитывают специфику цифровой среды, что требует их доработки и адаптации.

Примечательно, что, несмотря на кардинальные изменения в правовой системе, ряд этических принципов сохранил преемственность. Идеи независимости адвоката, важности профессиональной тайны и обязанности действовать в интересах доверителя восходят к дореволюционным традициям. Акцент на нравственных качествах как основе профессии остаётся неизменным — это связующее звено между прошлым и настоящим российской адвокатуры.

Таким образом, эволюция адвокатской этики в России представляет собой сложный процесс, отражающий динамику общественных и правовых изменений. От дореволюционных идеалов справедливости через советский период идеологического контроля к современному балансу традиций и международных стандартов этические нормы адвокатуры продолжают развиваться, адаптируясь к новым вызовам. Сохранение доверия общества к адвокатуре остаётся ключевым фактором её устойчивости как института защиты прав и свобод личности.

1. Семина Е. В., Шагиева Р. В. Правовая культура российского адвоката: история и современность // Образование и право. 2024. №10. С. 225-232
2. Бойко Н. Н. Некоторые аспекты профессиональной этики адвоката // Право и государство: теория и практика. 2023. №10. С. 162-164.
3. Андрюков, А. Д. Этические нормы и профессиональные стандарты защитника в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. — 2025. — № 28 (579). — С. 109-112.
4. Нечипорук Д. О. Нравственные основы деятельности адвоката // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021. №2. С. 41-44// law.sfu-kras.ru.

Кобзева В.А.

Проблемы использования результатов негласных оперативно-разыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам

НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

Научный руководитель: Ляхова А.И.

Аннотация

Статья представляет собой исследование проблемы использования результатов негласных оперативно-разыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам. В статье представлена дискуссия относительно понимания сущности негласных оперативно-разыскных мероприятий, правовое регулирование и практика использования результатов в доказывании по уголовному делу.

Ключевые слова: оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскная деятельность, негласные мероприятия, доказывание.

Использование в уголовно-процессуальной деятельности результатов оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) способствует более эффективному раскрытию и расследованию уголовного дела.

Статья 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [1] предусматривает систему ОРМ, которые используются для решения задач оперативно-разыскной деятельности, например, таких как выявление, предупреждение и пресечение преступлений, розыск лиц. Однако в законодательстве Российской Федерации не проводится четкое легальное разграничение гласных и негласных мероприятий. На фоне этого в юридической доктрине можно встретить разнообразие научных взглядов на определение понятия и перечня негласных ОРМ.

Так, например, существует точка зрения о том, что сущность негласных ОРМ состоит в их конфиденциальном характере и неизвестности факта их проведения лицам, в отношении которых они проводятся. В частности, такую позицию занимаю В.Н. Кудрявцев и А.В. Лебедев, полагая, что «негласный характер ОРМ обеспечивает сокрытие от окружающих истинных целей, намерений, мотивов действий субъекта, который конспирирует свою деятельность» [2, с.27].

Однако не всеми авторами разделяется точка зрения о том, что факт конфиденциальности ОРМ является верным критерием для отграничения гласных от негласных форм оперативно-разыскной деятельности. Как полагает И.А. Вормсбехер, для признания ОРМ негласного характера достаточно сокрытие цели проведения мероприятия, а не самого факта проведения: «...ОРМ, при проведении которого сотрудником органа, осуществляющего ОРД, не принимаются меры по сокрытию ни самого факта осуществления ОРМ, ни лица, его осуществляющего, а зашифровывается лишь цель проведения данного мероприятия, в полной мере можно отнести к категории гласного ОРМ, но с зашифровкой цели» [3, с. 40].

Альтернативу представленным суждениям составляет позиция Е.В. Кузнецова и В.А. Самсонова, по мнению которых, гласным характером обладают только те ОРМ, которые проводятся после возбуждения уголовного дела, а факт их проведения юридически фиксируется в материалах уголовного дела или в материалах проверки сообщений о преступлениях в порядке ст. 144 УПК РФ. При этом, должны соблюдаться оба указанных критерия, а при отсутствии хотя бы одного из них ОРМ можно считать гласным [4, с.261].

Однако последняя точка зрения представляется в меньшей степени убедительной, поскольку Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» предусмотрено ряд ОРМ, которые по своей природе не могут обладать

гласным характером, в противном случае их проведение не будет давать желаемых результатов.

Так, законодательство Российской Федерации отражает специфику проведения и участия в нем лиц по проведению негласных ОРМ. Согласно ст. 12 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в отношении сведений об использующихся или используемых силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов распространяется режим государственной тайны.

При этом, вне зависимости от формы ОРМ уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает прямой запрет на использование результатов ОРМ в доказывании, если им не была придана соответствующая процессуальная форма. Так, согласно ст. 89 УПК РФ, «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом» [5]. Иначе говоря, сами по себе результаты проведения ОРМ не имеют статус доказательств и не относятся в ст. 74 УПК РФ к доказательствам по уголовному делу. Четкого механизма легализации ОРМ ни в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ни в УПК РФ не установлено.

Как следует из российской судебной практики, при закреплении результатов надлежащим путем они могут признаваться доказательством по уголовному делу. В частности, проверяются законность совершения тех или иных действий, источники получения сведений о фактах, порядок возникновения носителей. Следующий пример материала судебной практики демонстрирует порядок оценки судом результатов ОРМ и признания за ним статуса доказательства по делу: «Нарушений при производстве оперативно – розыскного мероприятия «наблюдение» ...не установлено. Данное оперативно-розыскное мероприятие проводилось уполномоченными на то должностными лицами, в полном соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Результаты оперативно-розыскной деятельности в установленном порядке представлены органу следствия и отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ» [6].

Вместе с тем отсутствие в теории и практике единого подхода и механизма к использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам приводит к совершению ошибок, главным образом связанных с рассмотрением результатов негласных оперативно-розыскных мероприятий с точки зрения допустимости в доказывании.

Как полагает Д.С. Петров легализации результатов негласных ОРМ в доказывании по уголовному делу будет способствовать механизм засекречивания личности оперативного сотрудника, начиная с момента поступления сведений о произведенном ОРМ следователю и до доведения таких результатов прокурору или суду. В частности, предполагается, что в уголовном процессе оперативный сотрудник, производящий негласное ОРМ, будет допрошен как свидетель, личность которого будут засекречена на протяжении всего уголовного судопроизводства, а протокол его допроса будет храниться в материалах уголовного дела с использованием псевдонима [7, с.135].

Следовательно, ключевая проблема использования результатов негласных ОРМ сводится к тому, чтобы проверить законность проведения и получения результатов негласного ОРМ с целью придания им процессуальной формы доказательства, необходимо рассекретить сведения о нем. Это, с одной стороны, меняет роль и значение результатов негласного ОРМ, но, с другой стороны, - отвечает интересам участников уголовного процесса, способствует эффективной защите их права и свобод. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, в силу задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью, ей присуща определенная степень

секретности, применение конспирации, сочетание гласных и негласных методов и средств [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лишить оперативно-разыскную деятельность характера секретности и негласности не представляется возможным, в связи с чем необходима выработка более точного и конкретного механизма легализации результатов негласных ОРМ с целью использования в доказывании по уголовному делу.

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Кудрявцев В.Н., Лебедев А.В. К вопросу о понятии информационного обеспечения оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2007. № 1(10). С. 27-30.
3. Ворсбехер И.А. Понятие негласных оперативно-разыскных мероприятий // Юристъ – Правоведь. 2022. № 2 (101). С. 39-45.
4. Кузнецов Е.В, Самсонов В.А. Критерии разграничения гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7(122). С. 261-262.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
6. Приговор Советский районный суд г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 9 февраля 2025 г. по делу № 1-74/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S2ApZNwE3bLC/> (дата обращения: 30.03.2026).
7. Петрова Д. С. Проблема использования результатов негласных оперативно-разыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам // Молодой ученый. 2019. № 40 (278). С. 131-135.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101982/> (дата обращения: 30.03.2026).

Ляхова А.И., Тарасенко Д.В.
Современные проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме и роль государственного обвинителя в их преодолении

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовных делах о террористических преступлениях. Авторами исследуется влияние новейших технологий и изменения оперативной обстановки на процесс формирования доказательств. Особое внимание уделяется роли государственного обвинителя в обеспечении законности и справедливости при рассмотрении дел о терроризме. Также в рамках данной статьи рассматриваются материалы судебной практики, иллюстрирующие проблемы с доказательствами, в частности, такие как недостаточность процессуального оформления, несоответствие процессуальным требованиям проведенных оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: терроризм, оперативно-розыскная деятельность, государственный обвинитель, уголовный процесс, проблемы.

Abstract

The article discusses the current problems of admissibility of the results of operational and investigative activities in criminal cases on terrorist crimes. The authors examine the influence of the latest technologies and changes in the operational situation on the process of forming evidence. Special attention is paid to the role of the public prosecutor in ensuring the legality and justice in the consideration of cases on terrorism. Also within the framework of this article, materials of judicial practice are considered, illustrating problems with evidence, in particular, such as insufficiency of procedural design, non-compliance with procedural requirements of the conducted operational and investigative activities.

Keywords: terrorism, operational and investigative activities, public prosecutor, criminal proceedings, problems.

Эффективность борьбы с терроризмом, несомненно, напрямую зависит от своевременного и качественного сбора доказательств, значительная часть которых представлена результатами оперативно-розыскных мероприятий. Именно результаты ОРМ нередко становятся основой для возбуждения уголовных дел и успешного раскрытия преступлений. Однако на практике возникают многочисленные проблемы, связанные с оценкой допустимости данных результатов, особенно остро такие вопросы встают в делах о терроризме, где государство вынуждено прибегать к особым средствам и методам расследования.

Согласно статистическим данным, в 2025 году в нашей стране количество преступлений террористической направленности выросло на 75% и только за 9 месяцев достигло более 4400 деяний [5]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной актуальности исследуемой темы ввиду того, что данные преступления характеризуются высокой степенью общественной опасности и угрожают правам и законным интересам как отдельных граждан, так и всему государству.

Как отмечает в своем исследовании А.В. Елисеева: «допустимость материалов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме зависит от совокупности факторов, и каждый из них требует тщательного анализа и внимательного отношения как на стадии их получения, так и при последующей оценке судом» [3, с. 300].

В этой связи одним из центральных институтов рассмотрения дел о терроризме является фигура государственного обвинителя. Прокурор играет важную роль в оценке

результатов ОРД, выступая гарантом соблюдения законности и правильности проводимых мероприятий.

Несмотря на правовую регламентацию порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в настоящее время все же существует ряд проблем, которые непосредственным образом влияют на процесс приобщения результатов к общей доказательственной базе по делу о терроризме [1].

Пожалуй, наиболее распространенной проблемой является процессуальная фиксация. Материалы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, нередко становятся предметом спора между сторонами уголовного процесса. Отсутствие четких критериев оценки допустимости также ведет к неоднозначному толкованию судами. Ввиду того, что уголовные дела, связанные с преступлениями террористической направленности, характеризуются ускоренным рассмотрением в связи с общественной опасностью, сотрудниками правоохранительных органов нередко допускаются ошибки в процессуальном оформлении.

В силу содержащегося в статье 89 УПК РФ формального запрета на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, эти сведения презюмируются недопустимыми.

На наш взгляд, необходимо пересмотреть положения указанного закона, предусмотрев для отдельных категорий преступлений, где результаты оперативно-розыскных мероприятий являются неотъемлемым элементом формирования доказательственной базы, специальный механизм, который бы предполагал автоматическое рассмотрение результатов ОРД как допустимых доказательств.

Следующая проблема заключается в ненадлежащих методах сбора доказательств. В практике ОРД нередко используются методы негласного наблюдения, прослушивания телефонных разговоров и иные, которые требуют строгого соблюдения норм относительно процедуры сбора, контроля и учета полученной информации. Нарушение порядка их проведения может повлечь подачу осужденными апелляционных жалоб или признание доказательств недопустимыми.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к материалам судебной практики, в частности, к Кассационному определению Верховного суда от 22 декабря 2025 года по делу № 222-УД25-59-А6 [4].

По обстоятельствам дела, гражданин А., осужденные за публичное оправдание терроризма, подал жалобу в Верховный Суд, в которой утверждается, что показания свидетелей и обвинения, положенные в основу приговора, были противоречивы и предполагали наличие провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов при проведении ими ОРМ. А. и его защитники также оспаривали допустимость результатов оперативно-розыскной деятельности, ссылаясь на то, что оперативные сотрудники «сами инициировали разговоры о российско-украинском конфликте и активно пытались выяснить его мнение по данному вопросу, то есть провоцировали его». Кроме того, в жалобе обращено внимание на отсутствие документов, подтверждающих основания для проведения оперативно-розыскного мероприятия.

Верховный Суд РФ согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанции, отметив, что расследование уголовного дела было проведено с соблюдением требований закона и полномочий следователя.

Особую роль при рассмотрении дела сыграл прокурор, который посчитал жалобу несостоятельной ввиду того, что «полученные в ходе проведения этих мероприятий результаты представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путём производства соответствующих процессуальных действий, отвечающих требованиям УПК РФ».

Судебная коллегия, исследовав совокупность доказательств, включая показания свидетеля, результаты ОРМ и заключение эксперта, не нашла основания для отмены

приговора и апелляционного определения и оставила жалобу гражданина А. без удовлетворения.

Анализ данного судебного решения дает основания полагать, что оперативные мероприятия и получение доказательств посредством ОРД остаются одним из ключевых инструментов борьбы с преступлениями террористического характера. Несмотря на претензии стороны защиты о возможных нарушениях правил проведения таких мероприятий, судебные органы последовательно подтверждают легитимность оперативно-розыскных действий, проводимых в соответствии с федеральным законодательством.

Оценка результатов ОРД проводится на предмет их соответствия критериям допустимости доказательств, установленным УПК РФ. В частности, исходя из анализа определения, проверяются следующие характеристики:

- соответствие проведенного ОРМ закону;
- наличие оснований для проведения ОРМ;
- техническая фиксация результата.

Именно прокурор, выступающий в роли государственного обвинителя, обязан проверить соблюдение вышеперечисленных критериев и выступить с обвинительным заключением в суде.

Как верно отмечает в своем исследовании М.Я. Бутаев: «информационные предпосылки для формулирования и выдвижения обвинения создаются именно в ходе оперативно-розыскной деятельности, в том числе при проведении контртеррористической операции» [2, с. 108].

В дополнение к вышесказанному отметим, что государственный обвинитель вправе ставить вопрос о недопустимости доказательств, полученных с нарушениями, соблюдать баланс между интересами государства и правами граждан.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме остаются одними из важнейших вопросов в контексте справедливого судебного разбирательства.

Реформирование действующего уголовно-процессуального законодательства с учетом многоаспектности природы исследуемого преступления и необходимости оперативного вмешательства правоохранительных органов, на наш взгляд, позволит повысить уровень использования результатов оперативно-розыскных мероприятий как доказательств по делам о терроризме.

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Бутаев М.Я. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 106-110.
3. Елисеева А.В. Современные проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме и роль государственного обвинителя в их преодолении // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 299-301.
4. Кассационное определение Верховного суда от 22 декабря 2025 года по делу № 222-УД25-59-А6 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/6lutxqG9FCdx/> (дата обращения: 17.03.2026).
5. В России за 2025 год число террористических преступлений выросло на 75% // РиаНовости: сайт. URL: <https://ria.ru/20251123/terrorism-2056934978.html> (дата обращения: 17.03.2026).

Мережко А.К.

Проблемы профессиональной подготовки и оценки квалификации адвокатов

НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

Научный руководитель: Ляхова А.И.

Аннотация

В статье исследуются правовые и организационные проблемы профессиональной подготовки и оценки квалификации адвокатов в Российской Федерации. На основе анализа Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ведомственных актов Минюста России и нормативных документов адвокатских палат выявлены системные недостатки: дисбаланс содержания квалификационного экзамена, экономические барьеры доступа к профессии, отсутствие эффективного контроля за поддержанием квалификации действующих адвокатов. С использованием сравнительно-правового метода проанализировано законодательство государств-участников СНГ (на примере Республики Казахстан, Республики Беларусь), позволившее предложить конкретные изменения в российское законодательство. Обоснована необходимость комплексной реформы, включающей внесение поправок в Федеральный закон № 63-ФЗ, утверждение новых порядков сдачи квалификационного экзамена и создание правовых механизмов прекращения статуса адвоката при недостаточной квалификации.

Ключевые слова: адвокатура, Федеральный закон № 63-ФЗ, квалификационный экзамен, адвокатская монополия, стажировка, профессиональная этика, законодательство СНГ, Республика Казахстан, Республика Беларусь.

Abstract

The article examines the legal and organizational problems of professional training and qualification assessment of advocates (attorneys) in the Russian Federation. Based on an analysis of the Federal Law "On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation," subordinate regulations of the Ministry of Justice of Russia, and normative documents of bar associations, systemic shortcomings have been identified: an imbalance in the content of the qualifying examination, economic barriers to access to the profession, and the absence of effective control over the maintenance of the qualifications of practicing advocates. Using the comparative legal method, the legislation of CIS member states (using the examples of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus) has been analyzed, which has made it possible to propose specific amendments to Russian legislation. The necessity of a comprehensive reform is substantiated, including introducing amendments to Federal Law No. 63-FZ, approving new procedures for taking the qualifying examination, and establishing legal mechanisms for the termination of advocate status in cases of insufficient qualification.

Keywords: advocacy (legal profession), Federal Law No. 63-FZ, qualifying examination, attorney monopoly, internship, professional ethics, CIS legislation, Republic of Kazakhstan, Republic of Belarus.

В условиях реформирования судебного представительства, предусматривающего с 2028 года введение «адвокатской монополии» по проекту Минюста России [11], вопросы законодательного регулирования профессиональной подготовки и оценки квалификации адвокатов приобретают критическое значение. Действующая правовая база – Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) [2] – устанавливает общие требования к претендентам, однако многие детали (порядок сдачи экзамена, перечень вопросов, размер вступительных взносов) отданы на усмотрение адвокатских палат

субъектов РФ, что порождает региональную разобщенность и снижает единые стандарты качества.

Цель статьи – на основе анализа российского законодательства и опыта стран СНГ выявить правовые пробелы и сформулировать предложения по их устранению.

Согласно ст. 9 Закона об адвокатуре [2], статус адвоката вправе получить лицо с высшим юридическим образованием (полученным по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе) либо ученой степенью по юридической специальности, а также стажем работы по юридической специальности не менее двух лет либо прохождением стажировки в адвокатском образовании. Однако критерии оценки стажа законом не детализированы, что приводит к злоупотреблениям: стажировка зачастую носит формальный характер [9].

Пункт 4 ст. 9 Закона об адвокатуре предусматривает сдачу квалификационного экзамена, порядок которого утверждается уполномоченным федеральным органом (Минюстом России) по согласованию с Федеральной палатой адвокатов (ФПА РФ). Именно на уровне подзаконного акта – Приказа Минюста России от 09.10.2024 № 297 «Об утверждении Порядка сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката» [3] – долгое время содержался закрытый перечень вопросов с выраженным уголовно-правовым уклоном (52 вопроса из 160 – по уголовному праву и процессу) [9]. Данный правовой подход вступал в противоречие со ст. 2 Закона об адвокатуре, определяющей адвоката как независимого советника по широкому кругу правовых вопросов, а не только в сфере уголовного судопроизводства.

С 1 октября 2025 года вступил в силу обновленный перечень, утвержденный совместным решением Минюста России и ФПА РФ [4]. Были добавлены вопросы по: банкротству (в развитие Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), противодействию легализации доходов (Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ), интеллектуальной собственности (часть IV ГК РФ), досудебному урегулированию споров (глава 2.1 АПК РФ, глава 5 ГПК РФ), профессиональной этике (Кодекс профессиональной этики адвоката).

Однако, как справедливо отмечено в литературе, правовая модель осталась универсальной: закон не предусматривает специализации экзамена (гражданско-правовой, уголовно-правовой, арбитражный профиль), что противоречит современным тенденциям дифференциации юридической практики и создает избыточную нагрузку на кандидатов [9].

Закон об адвокатуре (ст. 13) [2] относит к компетенции адвокатских палат субъектов РФ установление размера вступительных взносов. В результате, по данным ФПА РФ, разброс составляет от 500 до 800 тыс. рублей в разных регионах [10]. Прямого запрета на имущественные цензы в российском законодательстве нет, однако подобная практика вступает в противоречие с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [1] (недопустимость ограничений прав и свобод в большей мере, чем это необходимо для конституционно значимых целей). Отсутствие единого подхода создает неравенство при допуске к профессии и фактически дискриминирует лиц с низким уровнем дохода.

Выявленные недостатки российского правового регулирования не являются уникальными и в той или иной степени были свойственны многим государствам на постсоветском пространстве. Однако ряд стран-участниц СНГ за последние годы реализовали системные законодательные реформы, позволившие существенно модернизировать механизмы профессионального отбора и контроля за квалификацией адвокатов.

Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» (с изменениями 2019 и 2025 гг.) заслуживает особого внимания. Прямое указание закона исключило вступительные взносы как условие получения статуса [5], [13]. Более того, с 2025–2026 гг. внедрено комплексное компьютерное тестирование, порядок которого утвержден приказом Министра юстиции РК [5], [12]. Законодательно

закреплено, что результаты тестирования являются техническим допуском, а ключевая роль в оценке квалификации и этической благонадежности принадлежит стажировке и обязательному собеседованию в коллегии адвокатов.

Важное отличие от РФ: в Казахстане на законодательном уровне прописано право коллегии адвокатов прекращать членство адвоката в связи с недостаточной квалификацией либо систематическим нарушением сроков повышения квалификации [5]. Аналогичная норма в российском Законе об адвокатуре отсутствует, что делает невозможным эффективный «фильтр» для уже действующих адвокатов.

Также, не мало важным является то, что Казахское законодательство в 2025 г. исключило льготный порядок допуска для бывших сотрудников прокуратуры и следствия [5], [12]. Как отмечено в литературе, профессиональная деформация и односторонний обвинительный уклон несовместимы с принципами адвокатской деятельности, закрепленными в ст. 3 Закона об адвокатуре (независимость, приоритет защиты прав и законных интересов доверителя) [7]. В России подобные льготы формально отсутствуют, но на практике «свой круг» и административный ресурс нередко обеспечивают упрощенный доступ [8].

Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (в ред. 2021 г.) [6] предусматривает обязательную двухлетнюю стажировку под руководством куратора-наставника с утверждением индивидуального плана. Квалификационный экзамен принимает единая Центральная квалификационная комиссия при Министерстве юстиции, что обеспечивает единообразие требований по всей стране [6]. В России же, в соответствии со ст. 32 Закона об адвокатуре [2], создание квалификационных комиссий отнесено к полномочиям региональных палат, что ведет к размыванию стандартов.

На основе сравнительного анализа предлагается дополнить Закон об адвокатуре следующими нормами:

Статья 9.1 «Квалификационный экзамен по специализации» – закрепить право претендента сдавать экзамен по выбранному профилю (уголовный, гражданский, арбитражный, административный). Перечень профилей и объем вопросов утверждается ФПА РФ по согласованию с Минюстом России.

Статья 13.1 «Вступительные взносы» – установить единый по РФ размер вступительного взноса не более 20 000 рублей либо предусмотреть освобождение от его уплаты на первый год работы; запретить адвокатским палатам устанавливать имущественные цензы.

Статью 17 дополнить аспектом – «Прекращение статуса адвоката в связи с недостаточной квалификацией» – ввести механизм, аналогичный казахстанскому: по представлению квалификационной комиссии адвокатская палата вправе прекратить статус адвоката, если он не прошел обязательное повышение квалификации (один раз в три года) либо в ходе проверки выявлены системные ошибки, свидетельствующие о некомпетентности.

Требуется принятие нового приказа Минюста России «О порядке проведения квалификационного экзамена», который должен предусматривать:

- открытый банк тестовых заданий (не менее 2000 вопросов) с ежегодным обновлением;
- обязательное включение практических кейсов (задач) по аналогии с экзаменами на статус адвоката в Казахстане;
- автоматизированную запись на экзамен через портал «Госуслуги» с минимизацией административных барьеров.

Проведенный анализ российского законодательства и нормативных правовых актов стран СНГ показывает, что основными проблемами профессиональной подготовки и оценки квалификации адвокатов в РФ являются: универсальный характер экзамена без учета специализации; отсутствие в Законе об адвокатуре запрета на имущественные цензы; правовой вакуум в части контроля за квалификацией действующих адвокатов.

Опыт Казахстана и Беларуси демонстрирует эффективные законодательные решения [5], [6], [12]: отмена вступительных взносов на уровне закона, внедрение компьютерного тестирования в сочетании с этическим фильтром, создание механизма прекращения статуса при недостаточной квалификации. Предлагаемые изменения в Федеральный закон № 63-ФЗ и подзаконные акты позволят привести российскую систему в соответствие с лучшими практиками СНГ, обеспечить реальное, а не декларативное право граждан на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ) [1] и создать условия для успешной реализации реформы судебного представительства.

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.] : (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – Ст. 48, 55.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 23, ст. 2102.
3. Об утверждении Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката : Приказ Минюста России от 9 окт. 2024 г. № 297 : (вступил в силу с 20 окт. 2024 г.). – Документ утратил силу в части перечня вопросов с 1 окт. 2025 г.
4. Об утверждении нового перечня вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката : решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 21 авг. 2025 г. (протокол № 5) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2025. – № 4. – Вступает в силу с 1 окт. 2025 г.
5. Об адвокатской деятельности и юридической помощи : Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. № 176-VI : (с изм. и доп. от 17 дек. 2025 г. № 241-VI) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2018. – № 17.
6. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-3 : (в ред. от 24 мая 2021 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 15.
7. Бойков, А. Д. Адвокатура и государство: проблемы партнерства и контроля // Адвокатская практика. – 2023. – № 2. – С. 12–19.
8. Стецовский, Ю. И. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 312 с.
9. Гринберг, О. В. Квалификационный экзамен на статус адвоката: поиск баланса между теорией и практикой // Российский судья. – 2025. – № 7. – С. 25–30.
10. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Аналитическая записка о размерах вступительных взносов в адвокатских палатах субъектов Российской Федерации за 2024 год. – Москва : ФПА РФ, 2025. – 45 с.
11. Что вступает в силу в октябре: кредитные каникулы для бизнеса и новый экзамен для адвокатов // ПРАВО.Ru. – 2025. – 29 сент. – URL: <https://pravo.ru/story/260444/> (дата обращения: 31.03.2026).
12. Новые поправки в законодательство об адвокатской деятельности и юридической помощи: учтены предложения РКА // Республиканская коллегия адвокатов Казахстана. – 2025. – 19 дек. – URL: <https://advokatura.kz/ru/news/novye-popravki-v-zakonodatel-stvo-ob-advokatskoj-deatel-nosti-i-uridiceskoj-pomosi-ucteny-predlozenia-rka> (дата обращения: 31.03.2026).
13. В Казахстане отменили имущественный ценз для получения статуса адвоката // Фергана. – 2025. – 10 янв. – URL: <https://fergananews.com/news.php?id=30841> (дата обращения: 31.03.2026).

Миневский А.А.

Проблемы судебной защиты прав граждан при проведении капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Туранин В.Ю.

Аннотация

Проведение капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов направлено на продление срока эксплуатации обеспечение безопасности жильцов, сохранение жилищного фонда и повышение качества жизни собственников помещений. При этом, в процессе его осуществления и в гарантийный период работ зачастую возникают споры между собственниками помещений, управляющими организациями, региональным оператором, подрядчиками и саморегулируемыми организациями, разрешение которых осуществляют суды общей юрисдикции и арбитражные суды. В настоящей научной работе рассмотрены проблемы судебной защиты прав граждан при проведении капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома.

Ключевые слова: капитальный ремонт, общее имущество многоквартирного дома, фонд капитального ремонта, региональный оператор, управляющая организация, подрядчик.

Abstract

The capital repair of common property in apartment buildings is aimed at extending the service life, ensuring the safety of residents, preserving the housing stock, and improving the quality of life for property owners. However, disputes often arise during the implementation of such repairs and during the warranty period. These disputes involve property owners, management organisations, the regional operator, contractors, and self-regulatory organisations, and are resolved by courts of general jurisdiction and arbitration courts. This academic paper examines the problems of judicial protection of citizens' rights in the process of capital repair of common property in apartment buildings.

Keywords: capital repair, common property of an apartment building, capital repair fund, regional operator, management organisation, contractor.

При рассмотрении проблем судебной защиты прав граждан при проведении капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома в первую очередь стоит обратиться к нормативно закрепленным понятиям, в частности, к термину «капитальный ремонт».

Согласно п. 14.2 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) капитальный ремонт объектов капитального строительства – замена и (или) восстановление строительных конструкций объектов капитального строительства или элементов таких конструкций, за исключением несущих строительных конструкций, замена и (или) восстановление систем инженерно-технического обеспечения и сетей инженерно-технического обеспечения объектов капитального строительства или их элементов, а также замена отдельных элементов несущих строительных конструкций на аналогичные или иные улучшающие показатели таких конструкций элементы и (или) восстановление указанных элементов.

Существует два способа финансового обеспечения проведения капитального ремонта:

- 1) формирование фонда капитального ремонта на счете регионального оператора – специализированной некоммерческой организации, которая создается субъектом Российской Федерации и деятельность которой

направлена на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах [2];

- 2) формирование фонда капитального ремонта на специальном счете в соответствии со ст. 175 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ).

Одной из наиболее острых проблем при обеспечении проведения капитального ремонта региональным оператором является недостаточность способов исковой защиты нарушенных прав собственников помещений в ремонтируемом многоквартирном доме.

Так, в силу того что заказчиком работ по капитальному ремонту является региональный оператор, только он вправе обращаться в суд с исками: о возврате неосновательного обогащения, взыскании неустойки, возврате аванса, применении последствий ничтожности сделки или признании договора недействительным.

Кроме того, возникает абсурдная ситуация при взыскании неустойки: несмотря на то что именно собственникам помещений в многоквартирном доме причиняются неудобства в случае нарушения сроков производства работ по капитальному ремонту, взысканная неустойка является доходами регионального оператора. Из этого следует, что региональному оператору выгодно нарушение договорных обязательств со стороны подрядных организаций, поскольку взысканные санкции формируют его материально-ресурсную базу.

В данной части, по нашему мнению, следует ввести изменение в жилищное законодательство и отнести полученные пени и штрафы к источникам формирования фонда капитального ремонта, приравнивая их ко взносам, уплаченным собственниками помещений в соответствующем многоквартирном доме.

При этом собственники должны быть наделены правом обращения в суды с исками о взыскании санкций, предусмотренных договором, поскольку в таком случае у регионального оператора будет отсутствовать мотивация для защиты. Такая норма станет уникальной, ввиду того что она будет наделять лиц, не являющихся заказчиками, его учредителями или представителями, правом на взыскание санкций, которые установлены договором за ненадлежащее исполнение обязательств.

Альтернативой может выступить законодательное наделение регионального оператора обязанностью по проведению претензионно-исковой работы по отношению к строительным организациям, нарушающим условия договора о выполнении работ по капитальному ремонту.

Особого внимания также требует вопрос судебной защиты прав собственников в ситуациях, когда выполненные подрядчиком работы не соответствуют требованиям, предъявляемым к их качеству.

Распространенной ситуацией является причинение вреда имуществу гражданина вследствие ненадлежащего качества работ по капитальному ремонту. На данный момент сложилась обширная практика по названной категории споров, однако до сих пор представители граждан допускают ряд ошибок, которые в конечном итоге приводят, как правило, к отказу в удовлетворении части исковых требований, взыскании с доверителя судебных расходов и получению компенсации понесенных клиентом судебных расходов.

Во-первых, истцы зачастую неверно определяют ответчика по делу, когда дефекты работ стали следствием нарушения технологического процесса капитального ремонта, финансируемого за счет средств капитального ремонта, размещенных на счете регионального оператора.

Собственники или их представители, руководствуясь общей нормой ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) адресуют требования к подрядной организации, в то время как ст. 182 ЖК РФ предусмотрена специальная норма, согласно которой региональный оператор несет ответственность за качество работ, выполняемых привлеченным им подрядчиком.

Региональный оператор, в свою очередь, затем взыскивает уплаченные денежные средства в порядке регресса с подрядной организации и (или) саморегулируемой организации, членом которой является подрядчик, на основании ст. 55.16 ГрК РФ.

Во-вторых, граждане или их представители в качестве основания иска о возмещении вреда, причиненного ненадлежащим качеством работ по капитальному ремонту к региональному оператору, указывают нормы Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей). При этом, включают в исковое заявление требование об уплате потребительского штрафа, несмотря на неоднократные разъяснения судов о том, что его положения не распространяются на отношения, возникающими между собственниками и региональным оператором.

Так ч. 1 ст. 180 ЖК РФ и нормативными актами субъекта установлен перечень функций регионального оператора, в который не входит выполнение работ и оказание услуг по капитальному ремонту.

Кроме того, между региональным и собственниками не заключается договор, предметом которого является выполнение работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, или какой-либо иной возмездный договор [6].

Между тем, региональный оператор выполняет функции технического заказчика работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонд капитального ремонта на счете регионального оператора.

Иными словами, региональный оператор не является исполнителем по смыслу Закона о защите прав потребителей, ввиду чего нормы об ответственности исполнителя за нарушение прав потребителей не применяются к отношениям собственников помещений в многоквартирных домах. Указанная позиция изложена, в частности, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2024 № 88-28341/2024.

В-третьих, нередко при попытке защите нарушенного права истцу не удается верно разграничить ответственность регионального оператора и организации, осуществляющей управление многоквартирным домом в ситуациях, когда, ущерб причинен имуществу гражданина при следующих обстоятельствах: с одной стороны, не истек гарантийный срок работ, а с другой, имеет место быть бездействие управляющей организации.

В подобных случаях при составлении искового заявления следует осуществить правильное системное толкование жилищного и гражданского законодательства.

В соответствии с пп. «а» п. 16 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491 (далее – Правила) надлежащее содержание общего имущества в случае заключения договора управления многоквартирным домом обеспечивается управляющей организацией.

В п. 30 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) содержится вывод о том, что сам по себе факт выявления строительных дефектов вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей застройщика и наличия у него обязанности по устранению допущенных нарушений в течение гарантийного срока не освобождает управляющую организацию от исполнения обязанностей, установленных законодательством и договором управления многоквартирным домом, по содержанию общего имущества такого дома в надлежащем состоянии.

По смыслу ст. 1080 ГК РФ, ст. 182 ЖК РФ и п. 42 Правил в рассмотренной ситуации управляющая организация и региональный оператор являются лицами, совместно причинившими вред имуществу гражданина, и несут долевую ответственность за совершенный деликт.

Таким образом, существует целый ряд проблем, с которыми сталкиваются собственники помещений в многоквартирных домах, осуществляя защиту собственных прав при проведении капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома и в гарантийный срок работ. Первая часть из них связана с субъективными факторами, вторая же требует внесения изменений в законодательные акты.

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Текст] : от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 16.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации [Текст] : от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 14.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) [Текст] : от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
4. О защите прав потребителей Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в действующей редакции) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
5. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность [Текст] : постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 34. — Ст. 3680.
6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2024 № 88-28341/2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Шестого кассационного суда общей юрисдикции. — Режим доступа: <https://6kas.sudrf.ru> (дата обращения: 08.02.2026).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) [Электронный ресурс] : утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/practice/overview/2021/2/> (дата обращения: 08.02.2026).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.06.2017 № 6-КГ17-4 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/practice/decisions/2017/6-kg17-4/> (дата обращения: 08.02.2026).

Огольцова А.М.

Особенности восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в Российской Федерации

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Яковлев В.И.

Аннотация

В представленной статье рассматриваются особенности восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в Российской Федерации. Авторами определяется нормативная основа данного института, характеризуются отдельные нормативно-правовые акты, включая Конституцию Российской Федерации, Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». На основании анализа законодательства и научных источников делается вывод о существовании ряда устойчивых проблем, препятствующих эффективному восстановлению жилищных прав граждан. По результатам формулируются предложения по внесению изменений в отдельные нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: жилищное право, восстановление жилищных прав, жилое помещение, жилье, чрезвычайная ситуация, стихийное бедствие, природная катастрофа.

Abstract

This article examines the specifics of restoring housing rights for citizens affected by natural disasters in the Russian Federation. The authors define the regulatory framework for this institution and characterize specific legal acts, including the Constitution of the Russian Federation, the Housing Code of the Russian Federation, and the Federal Law "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies." Based on an analysis of legislation and scientific sources, the authors conclude that a number of persistent problems exist that impede the effective restoration of citizens' housing rights. Based on these findings, proposals for amendments to specific legal acts are formulated.

Keywords: housing law, restoration of housing rights, residential premises, housing, emergency, natural disaster, natural catastrophe.

Естественный ход человеческой жизни сопровождается возникновением различных непреодолимых обстоятельств, некоторые из которых могут повлечь за собой наступление негативных разрушительных последствий. К числу таких обстоятельств следует относить стихийные бедствия, способные привести к разрушению жилых помещений на определенной территории или же их полному уничтожению. Объективный характер стихийных бедствий обуславливает необходимость разработки эффективных правовых механизмов, обеспечивающих возможность восстановления жилищных прав граждан, которые от них пострадали.

Правовая основа восстановления жилищных прав граждан вытекает из текста статьи 40 Конституции Российской Федерации [1], в которой закрепляется право каждого на жилище, а также обязанность органов публичной власти по созданию условий для его надлежащего осуществления. В сфере чрезвычайных ситуаций данное право приобретает особое значение и содержание, так как речь идет уже не только о доступе к жилью как необходимому каждому человеку социальному благу, но и обязанности государства принять оперативные меры по восстановлению утраченного или поврежденного жилого помещения после пожаров, наводнений, землетрясений и других природных катастроф.

Особым значением в контексте рассматриваемого вопроса обладает статья 95 ЖК РФ [2], в которой прямо предусматривается, что жилые помещения маневренного фонда предназначены для временного проживания граждан «у которых единственные жилые помещения стали непригодными для проживания в результате чрезвычайных обстоятельств». Помимо этого, статья 106 ЖК РФ устанавливает, что такие жилые помещения «предоставляются из расчета не менее чем шесть квадратных метров жилой площади на одного человека».

На практике восстановление жилищных прав после стихийного бедствия может осуществляться в нескольких основных формах. Во-первых, оперативное размещение граждан во временных помещениях или специально созданных для этих целей пунктах размещения. Во-вторых, предоставление жилых помещений из состава маневренного фонда. В-третьих, предоставление гражданам единовременных денежных выплат, субсидий или реализация иных мер поддержки, обеспечивающих возможность приобретения, постройки или восстановления жилья [6, с. 93]. Федеральное законодательство также предусматривает обязательное участие субъектов Российской Федерации и федерального бюджета в финансировании мероприятий, направленных на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций. Например, статья 11.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [3] связывает восстановление прав пострадавших собственников с механизмами страхового возмещения и бюджетного финансирования.

Материалы правоприменительной практики демонстрируют, что вопрос восстановления жилищных прав после стихийных бедствий сохраняет свою актуальность, по-прежнему оставаясь одним из самых конфликтных не только в социальном, но и правовом отношении. Так, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал необходимость надлежащей защиты прав лиц, утративших свое жилье вследствие чрезвычайной ситуации. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2025 года № 2 вновь была зафиксирована правовая позиция о том, что «лица, утратившие жилье в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, имеют право на получение выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в случае отсутствия у них других пригодных для проживания жилых помещений» [4].

Уже на данном этапе можно выявить одну из наиболее существенных проблем, которая выражается в том, что на уровне федерального законодательства сегодня не нашел своего закрепления цельный и системный механизм восстановления жилищных прав лиц, пострадавших от стихийных бедствий. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закрепляет лишь общие права граждан и правила, в соответствии с которыми должно осуществляться финансирование. В свою очередь, ЖК РФ регулирует только вопросы временного размещения, тогда как конкретные аспекты, связанные с предоставлением гражданам выплат, составлением списков пострадавших лиц, определением критериев утраты жилья, оценкой пригодности жилых помещений, а также механизмами обеспечения новым жильем во многом регламентируются на уровне подзаконных актов или актов законодательства субъектов Российской Федерации. Результатом такого подхода является отсутствие единого алгоритма восстановления жилищных прав. Кроме того, восстановление жилищных прав ставится в существенную зависимость от возможностей отдельно взятого региона и характера чрезвычайной ситуации [8, с. 41]. В подобных условиях уровень правовой определенности существенным образом снижается, а граждане, проживающие в различных субъектах Российской Федерации, автоматически ставятся в неравное положение.

Не менее существенной является проблема жесткости критерия наличия у пострадавшего иного пригодного для проживания жилого помещения. В актуальной модели правового регулирования именно наличие другого жилья нередко выступает

обстоятельством, которое исключает возможность получения выплаты на приобретение или строительство нового жилого помещения взамен того, что было разрушено в результате стихийного бедствия. Отдельные авторы, критикуя данный подход, отмечают, что на практике может сложиться ситуация, когда другое жилье будет находиться в другом населенном пункте, не соответствовать составу семьи пострадавшего субъекта или же связано с другими трудностями, например, в случае нахождения в долевой собственности при наличии конфликтов пользования [5, с. 51].

Н.И. Руднева и В.В. Вторникова в своем исследовании поднимают еще одну важную проблему. Авторы указывают на то, что «наниматели жилых помещений практически полностью лишены возможности обратиться за восстановлением их жилищных прав, в ситуации, когда жилое помещение было разрушено или же приведено в состояние временной непригодности, так как законодательное регулирование ориентировано только на защиту прав собственников жилых помещений, тогда как наниматели нередко вынуждены претерпевать ущерб в виде финансовых издержек, затрачиваемых на поиск и найм нового жилья, переезд и т.д.» [7, с. 361].

Таким образом, восстановление жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в Российской Федерации, является сложным межотраслевым правовым механизмом, который находится на пересечении нескольких отраслей российского права. Существующая на текущий момент времени модель основывается на совокупности важнейших гарантий, к числу которых относится право на защиту имущества при чрезвычайной ситуации, возможность временного размещения пострадавших граждан, а также предоставление различных выплат и иных мер поддержки. Несмотря на это, проведенный анализ наглядно продемонстрировал факт существования ряда устойчивых проблем, которые сказываются на уровне правовой определенности, единстве правоприменительной практики и эффективности реализации законодательно предусмотренных гарантий.

С целью решения выявленных проблем представляется целесообразным:

1. Дополнить Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» отдельной статьей «Восстановление жилищных прав граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций природного характера». В данной статье необходимо закрепить:

- исчерпывающий перечень форм восстановления жилищных прав;
- меры поддержки для граждан, являющихся нанимателями жилых помещений, которые пострадали в результате стихийных бедствий;
- последовательность их практической реализации;
- единые критерии, учитываемые в процессе принятия решения о возможности признания жилого помещения утраченным либо непригодным для проживания;
- гарантированные сроки, в течение которых пострадавшим должны быть предоставлено временное жилое помещение или выплаты;
- минимальные стандарты информирования пострадавших лиц.

2. Внести изменения в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и ряд подзаконных актов Правительства Российской Федерации, посредством которых регламентируется порядок предоставления выплат лицам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций. В частности, законодательно следует закрепить, что наличие у гражданина иного жилого помещения не должно рассматриваться в качестве обстоятельства, безусловно свидетельствующего о невозможности восстановления его жилищных прав. Целесообразно установить ряд исключений, при которых право на получение выплаты подлежит сохранению. К числу таких исключений следует относить:

- нахождение жилого помещения вне территории постоянного проживания семьи;

- ситуации, когда общая площадь жилого помещения не соответствует составу семьи пострадавшего;
- обременение жилого помещения правами третьих лиц, обуславливающее отсутствие фактического доступа для проживания в нем.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 8.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 14.
3. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) (ред. от 19.11.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 10. – 2025.
5. Мун, О. Компенсация ущерба за утраченное имущество вследствие чрезвычайных ситуаций / О. Мун // Жилищное право. – 2023. – № 5. – С. 43-63.
6. Муталиева, Л.С. Защита права собственности в условиях чрезвычайных ситуаций: теория и практика / Л.С. Муталиева // Защита прав: проблемы теории и практика реализации. – 2024. – №1. – С. 90–96.
7. Руднева, Н.И., Вторникова, В.В. Особенности восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в РФ / Н.И. Руднева, В.В. Вторникова // В сборнике: Актуальные вопросы экономики, права и социологии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2025. – С. 360-363.
8. Тоточенко, Д.А. Совершенствование правового регулирования деятельности по оказанию материальной помощи и предоставлению жилья пострадавшим от чрезвычайных ситуаций / Д.А. Тоточенко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – №4. – С. 40–43.

Огольцова А.М., Ляхова А.И.
Участие адвоката по назначению в уголовном процессе

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию роли и значения участие адвоката по назначению в уголовном процессе. Автором рассматривается нормативно-правовая база, посвященная назначению адвоката, особенности и правила проведения данной процедуры, условия и порядок реализации адвокатской помощи подозреваемым и обвиняемым лицам. Также в рамках данной статьи анализируется современная система назначения КИС АР и выделяется ряд проблем, связанных с назначением адвоката.

Ключевые слова: адвокат, назначение, уголовный процесс, КИС АР, адвокатская деятельность.

Одним из важнейших аспектов защиты прав граждан в уголовном процессе является обеспечение качественной юридической помощи посредством учреждения института адвоката по назначению. Данный институт возник в России давно, однако его современное регулирование сформировалось благодаря постоянным изменениям в уголовно-процессуальном законодательстве и формированию актуальной модели оказания юридической помощи.

На сегодняшний день аспекты, связанные с назначением адвоката в качестве защитника в уголовном процессе, регламентируются Конституцией РФ, Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и некоторыми другими актами.

Примечательным ведомственным документом, на который делается отсылка в статье 50 УПК РФ, является «Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве», утвержденный ФПА РФ 15 марта 2019 года. Данный акт регулирует процедуру назначения адвокатов для представления интересов подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе, если граждане не воспользовались правом самостоятельно избрать себе защитника. Акт устанавливает организацию назначения адвокатов, требования к назначенному адвокату, документальное оформление и иные процедурные аспекты.

Согласно положений раздела 5 Порядка, процесс назначения адвоката состоит из следующих этапов:

- получение уведомления о назначении защитника адвокатской палатой;
- внесение информации в базу данных;
- направление информации адвокатом и принятие им решения об участии;
- информирование дознавателя, следователя или суда адвокатом, которому адвокатской палатой распределено поручение о назначении защитника, в разумный срок;
- явка адвоката и выявление адвокатом обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу.

Вместе с тем, несмотря на подробную регламентацию необходимых аспектов в данном документе, остается нерешенными вопросы, связанные с низким финансированием и высоким уровнем нагрузки на адвокатов, что негативно влияет на качество предоставляемой ими защиты. Кроме того, документ носит рекомендательный характер, ввиду чего он становится предметом дискуссий в кругах ученых-правоведов.

Отказ от оплаты вознаграждения адвокату признается незаконным действием и может быть обжалован в суде. Так, в Решении Рубцовского городского суда от 28 июля

2021 г. по делу № 2А-2574/2021 адвокат обратилась с заявлением к Следственному комитету о признании бездействия незаконным и возложении обязанности выплатить вознаграждение за защиту обвиняемого.

Следователь вынес постановление об оплате труда адвоката, однако вознаграждение не было перечислено. Поскольку УПК РФ закрепляет обязанность органов уголовного судопроизводства обеспечивать участие защитника и компенсировать его труд за счет средств федерального бюджета, суд признал бездействие Следственного управления незаконным и обязал выплатить вознаграждению адвокату.

В настоящее время законодательная база нашей страны не регламентирует понятие адвоката по назначению, что, на наш взгляд, является проблемой как для адвокатского, так и для научного сообщества.

Считаем необходимым дополнить положения УПК РФ следующим определением: «адвокат по назначению – это защитник, которого назначает орган расследования или суд, если подозреваемый или обвиняемый не имеет возможность пригласить адвоката либо отказался от услуг своего адвоката, но требует оказания квалифицированной юридической помощи. Адвокат по назначению обладает всеми правами защитника, предусмотренными УПК РФ».

Обратим внимание на Комплексную информационную систему адвокатуры России (КИС АР), которая была введена в деятельность адвокатов не так давно – в 2021 году. Данная система представляет собой автоматизированный механизм, предназначенный для эффективного назначения адвокатов.

Целью внедрения данной системы, как отмечает в своем исследовании А.В. Тарасов, является «переход адвокатуры на электронный документооборот с государственными информационными системами (Минюст России, ФСИН России, ГАС «Правосудие», ФНС России и другими), при этом охраняя информационную стабильность и независимость адвокатуры».

КИС АР позволяет автоматизировать процесс назначения адвокатов путем распределения дел, формирования списка адвокатов, оценки их нагрузки, контроля сроков, сбора статистики и иных действий.

Вместе с тем, на сегодняшний день все же существуют проблемы, связанные с внедрением данной системы.

Основной проблемой, на которую обращает внимание А. Балданцэрэн, является угроза адвокатской тайне. Как отмечает ученый: «Поскольку на сегодня сам факт обращения лица за оказанием юридической помощи к адвокату уже является адвокатской тайной, то трудно представить, как адвокат будет взаимодействовать в КИС АР с другими лицами, не раскрывая часть сведений, касающихся производства в отношении конкретных лиц».

Действительно, ключевой проблемой, возникающей при введении подобной системы, является потенциальная угроза раскрытия информации, переданной подозреваемым или обвиняемым адвокату. Основная причина угрозы раскрытию адвокатской тайны связана с цифровой природой системы КИС АР. Электронная обработка персональных данных и материалов неизбежно создает риски утечки или несанкционированного доступа. Даже минимальные сбои в системах безопасности могут привести к серьезным последствиям для всего адвокатского сообщества.

На наш взгляд, для решения данной проблемы необходимо реализовать целый комплекс мер, который бы включал привлечение ИТ-специалистов для совершенствования существующей системы, ограничение доступа к данным внутри самой системы, обучение сотрудников и иные меры.

Анализ позиций ученых позволяет выделить ряд проблем в данной области назначения адвоката. Так, оплата услуг адвокатов, работающих по назначению, значительно ниже той суммы, которую получает частный адвокат. Как следствие,

снижается мотивация и профессионализм защитников, участвующих в бесплатных процессах.

Г.Г. Чамурлиев выделяет смежную проблему, «которая состоит в прямой связи с финансированием работы адвоката по назначению – низкое качество оказываемой в такой форме юридической помощи. В отсутствие стимула для высококвалифицированных адвокатов те из членов профессионального сообщества, кто все же участвует в реализации программы оказания помощи по назначению органов следствия и суда, относятся к своей работе поверхностно».

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что участие адвоката по назначению играет важную роль в обеспечении справедливого правосудия и соблюдения конституционных гарантий граждан.

В рамках данной научной статьи нами были выделены следующие проблемные аспекты:

- несовершенство системы КИС АР, выраженное в угрозе адвокатской тайне;
- недостаточное финансирование адвокатов по назначению;
- низкое качество предоставляемых услуг.

На наш взгляд, для решения указанных проблем необходимо пересмотреть положения, касающиеся оплаты труда адвокатов по назначению, и привлечь ИТ-специалистов для усовершенствования системы КИС АР.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. «Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве» (утв. Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года) // Вестник ФПА РФ. № 2. 2021.
3. Балданцэрэн, А. Комплексная информационная система адвокатуры России и другие идеи законопроекта № 301952-8: эффективный путь реализации права на квалифицированную юридическую помощь или угроза адвокатской тайне и независимости адвокатуры? // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). С. 42-50.
4. Тарасов, А.В. Процессуальные и организационные аспекты использования цифровых технологий в деятельности адвоката: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). С. 148-151.
5. Чамурлиев, Г.Г. Участие адвоката по назначению в уголовном процессе // Молодой ученый. 2024. № 27 (526). С. 254-256.
6. Решение Рубцовского городского суда от 28 июля 2021 г. по делу № 2А-2574/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DARMdaeUKpo1/> (дата обращения: 27.03.2026).

Огольцова А.М., Перемышленникова И.Н.
Особенности ответственности государства как субъекта международного частного права

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В представленной статье рассматриваются особенности ответственности государства как субъекта международного частного права. Авторами анализируются нормативно-правовые акты, регламентирующие юрисдикционный иммунитет государств, участвующих в публичных и частноправовых отношениях, на уровне национального законодательства Российской Федерации и международного права. Отдельное внимание уделяется проблемным аспектам, характеризующим недостатки актуальной модели правового регулирования ответственности государства. В заключении определяются направления совершенствования подхода к регулированию данного вопроса.

Ключевые слова: международное частное право, ответственность, государство, юрисдикционный иммунитет, судебный акт.

Abstract

The presented article examines the features of the state's responsibility as a subject of international private law. The authors analyze the legal acts regulating the jurisdictional immunity of states participating in public and private legal relations at the level of national legislation of the Russian Federation and international law. Special attention is paid to the problematic aspects that characterize the shortcomings of the current model of legal regulation of the state's responsibility. In conclusion, the authors identify the directions for improving the approach to regulating this issue.

Keywords: international private law, responsibility, state, jurisdictional immunity, judicial act.

Традиционно государство рассматривается в качестве основного субъекта международного частного права, однако в современных реалиях оно также активно принимает участие в частноправовых отношениях, в том числе осложненных иностранным элементом. В рамках подобных отношений государство действует не как носитель совокупности властных полномочий, а как равноправный участник гражданского оборота, что предопределяет необходимость определения особенностей его ответственности.

В действующей на текущий момент правовой системе России данное положение находит свое отражение в тексте статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами». Вместе с тем несмотря на законодательное закрепление равенства, ответственность государства в международном частном праве характеризуется целой совокупностью особенностей, которые напрямую вытекают из принципа государственного суверенитета и института иммунитета, нашедших свое отражение не только в национальном, но и международном праве.

Так, в соответствии со статьей 3 Федерального закона от 3 ноября 2015 года № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», иностранное государство обладает иммунитетом от юрисдикции судов, действующих на территории Российской Федерации.

Аналогичные положения также можно обнаружить в Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятой 2 декабря 2004 года. Данный документ закрепляет концепцию ограниченного иммунитета, а также в статье 10 определяет случаи, при которых государство не может воспользоваться своим правом на иммунитет, в частности при участии в коммерческой деятельности: «Если государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом и, в силу применимых норм международного частного права, разногласия относительно этой коммерческой сделки подлежат юрисдикции суда другого государства, это государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве дела, возникшего из этой коммерческой сделки».

Современный подход к иммунитету государства базируется на концепции ограниченного иммунитета, предполагающей, что страны не могут обладать иммунитетом в тех случаях, когда они осуществляют свою деятельность как участники частноправового оборота. В этой связи, особое значение приобретает разграничение актов, совершаемых государством в рамках осуществления суверенных полномочий, и действий, которые реализуются в ходе частноправовой деятельности. В первом случае за государством сохраняется иммунитет, тогда как во втором допускается возможность привлечения его к ответственности.

Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности в статье 18 содержит прямое указание: «Никакие принимаемые после вынесения судебного решения принудительные меры, такие, как обращение взыскания, арест и исполнение решения, в отношении собственности государства не могут быть приняты в связи с разбирательством в суде другого государства, за исключением случаев, когда и в той мере, в какой:

- государство прямо согласилось на принятие таких мер;
- государство зарезервировало или обозначило собственность для удовлетворения иска, являющегося объектом этого разбирательства;
- было установлено, что собственность непосредственно используется или предназначается для использования государством для иных целей, чем государственные некоммерческие цели, и находится на территории государства суда при условии, что принудительные меры после вынесения судебного решения могут быть приняты только в отношении собственности, которая имеет связь с образованием, против которого было направлено судебное разбирательство».

Таким образом, даже при наличии судебного решения обращение взыскания на имущество государства де-факто может оказаться невозможным. Это приводит к ситуации, при которой ответственность государства приобретает формальный характер, поскольку эффективные механизмы, подлежащие практической реализации, не нашли своего отражения в тексте международных правовых актов.

Не менее важным является возможность отказа государства от иммунитета. Так, за каждым государством закрепляется право на выражение согласия на рассмотрение спора в суде другой страны или в арбитраже. Подобные положения получили широкое использование в международной коммерческой практике, где государство, вступающее в договорные отношения, нередко соглашается на арбитражную оговорку.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ответственность государства как субъекта международного частного права характеризуется наличием внутренних противоречий между принципом равенства участников гражданского оборота и институтом юрисдикционного иммунитета. С формальной точки зрения государство выступает на равных началах с иными субъектами общественных отношений, тогда как фактически его ответственность в существенной степени ограничивается механизмами, которые напрямую вытекают из принципа суверенитета.

К числу ключевых особенностей следует отнести отсутствие четких критериев, обеспечивающих возможность разграничения публичной и частноправовой деятельности государства, ограниченность иммунитета, а также существенные трудности, возникающие на этапе исполнения судебных решений. В результате этого ответственность государства в большинстве случаев приобретает декларативный характер, что сказывается на эффективности правовой защиты участников гражданского оборота.

Для решения существующих проблем необходимым является совершенствование правового регулирования по нескольким взаимосвязанным между собой направлениям. В первую очередь, требуется переход от формального закрепления ограниченного иммунитета к ее реальному содержательному наполнению в правоприменительной практике современных государств. Сказанное предполагает необходимость выработки устойчивых подходов к оценке характера деятельности государства, при которых приоритет будет отдаваться не формальному статусу, которым обладает соответствующий субъект, а экономической природе тех действий, что он совершает. Помимо этого, представляется необходимым создание условий, при которых вынесенные судебные решения не будут оставаться формальными актами, которые лишены возможности реального исполнения. Не менее важным также является формирование более предсказуемых условий участия государства в гражданском обороте, при которых контрагенты смогут заблаговременно оценить риски, связанные с возможностью применения иммунитета и учитывать их при заключении гражданско-правовых сделок.

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Заключена в г. Нью-Йорке 02.12.2004) // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации : Федеральный закон от 03 ноября 2015 г. № 297-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 45. – Ст. 6198.
4. Ачкасова, А.В. Особенности правового положения государства как субъекта международного частного права / А.В. Ачкасова // В сборнике: Современные вопросы устойчивого развития общества в эпоху трансформационных процессов (шифр – МКСВ). Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции (27 июня, (2025, Москва). – Москва, 2025. – С. 71-74.
5. Локонцев, Г.Р., Сульдина, А.А. Проблемы иммунитета государства как субъекта международного частного права / Г.Р. Локонцев, А.А. Сульдина // В сборнике: Молодой исследователь: вызовы и перспективы. сборник статей по материалам СССXXXI международной научно-практической конференции. – Москва, 2023. – С. 147-151.
6. Сажина, А.А. Государство РФ как субъект международного частного права / А.А. Сажина // Студенческий вестник. – 2021. – № 21-3 (166). – С. 100-101.

Огольцова А.М., Сороколетова М.А.
Использование земельных участков не по целевому назначению: правовые проблемы регулирования и контроля

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования и контроля использования земельных участков не по целевому назначению. Авторами рассматриваются правовые основы, регламентирующие данные отношения, анализируются существующие проблемы, включая несовершенство норм законодательства, недостаточную эффективность контроля и сложности с привлечением к ответственности за административное правонарушение, предусмотренное статьей 8.8 КоАП РФ. Особое внимание уделяется материалам судебной практики по спорам, связанным с нецелевым использованием земельного участка.

Ключевые слова: нецелевое использование, земельный участок, законодательство, правовое регулирование, ответственность.

Abstract

This article is devoted to the current problems of legal regulation and control of non-purposeful use of land plots. The authors consider the legal framework governing these relations, analyze the existing problems, including the imperfection of legal norms, the insufficient effectiveness of control, and the difficulties in bringing to justice for an administrative offense under Article 8.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Special attention is paid to the materials of judicial practice on disputes related to the non-purposeful use of land plots.

Keywords: misuse, land plot, legislation, legal regulation, and responsibility.

Вопросы целевого использования земельных ресурсов приобретают особую значимость в условиях растущего дефицита пригодных территорий и усиления экологических рисков. Неправомерное использование земель негативно сказывается на экономике регионов, ведет к утрате плодородия почв, а также нарушает природоохранные нормы и градостроительные регламенты.

Согласно статистическим данным, Россельхознадзором в 2023 году было выявлено более 1700 земельных участков, которые не использовались по целевому назначению. Подобные цифры свидетельствуют о действительной актуальности исследуемой темы, поскольку согласно действующему законодательству, земля должна использоваться строго в соответствии с установленными видами разрешенного использования.

Земельный кодекс Российской Федерации в статье 7 определил категории земель, подразделив их на земли сельскохозяйственного назначения, населенных пунктов, промышленности, лесного фонда и другие. Согласно пункту 2 указанной статьи: «Земли используются в соответствии с установленным для них целевым назначением».

Под целевым назначением необходимо понимать использование земли в строгом соответствии с установленным законом видом разрешенного использования. Это означает, что собственник или арендатор земельного участка обязан соблюдать правила землепользования и застройки, установленные уполномоченными на то органами. Например, земельный участок, предназначенный для сельскохозяйственного производства, не может использоваться для строительства жилого дома без изменения вида разрешенного использования.

Для полноценного понимания ответственности за нецелевое использование земельного участка обратимся к материалам судебной практики, в частности, к Решению Пушкинского городского суда от 3 сентября 2024 г. по делу № 2-2820/2024.

Так, в данном деле администрация городского округа обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю о прекращении нецелевого использования земельных участков. В ходе проверки был установлен факт предпринимательской деятельности, связанной с временным размещением граждан.

Администрация требует прекратить нецелевое использование участков и расположенных на них строений гостиничного типа, привести их в состояние, пригодное для использования по целевому назначению, ввиду того, что данные земли относятся к категории земель сельскохозяйственного назначения.

Суд установил, что земли делятся по целевому назначению на категории, и правовой режим определяется исходя из принадлежности к категории и разрешенного использования. Собственники при этом обязаны использовать их в соответствии с целевым назначением и соблюдать требования законодательства.

Учитывая недостаточность доказательств, подтверждающих претензии истца, суд пришел к выводу, что оснований для удовлетворения иска нет. Суд отметил, что процедура привлечения к ответственности за использование земель не по целевому назначению связана с административным наказанием, которое не было применимо к ответчику, ввиду чего было отказано в удовлетворении иска.

Анализ данного судебного решения дает основания полагать, что иски, связанные с использованием земельных участков не по целевому назначению, далеко не всегда подлежат удовлетворению в судебном порядке. Действующее законодательство допускает ситуацию, когда земельный участок используется не по целевому назначению длительное время без наложения санкций.

Ответственность за административное правонарушение, предусмотренное статьей 8.8. КоАП РФ, наступает лишь при доказанности факта существенного вреда, вызванного нарушением целевого использования. Между тем критерии оценки существенности ущерба остаются крайне расплывчатыми, что, на наш взгляд, является проблемным аспектом. Считаем необходимым пересмотреть положения об административной ответственности за нарушение целевого использования, установив объективные критерии существенности последствий.

В своем исследовании Н.Н. Симачкова и И.П. Чупина выделяют следующую проблему: «закон не содержит нормы, которая бы раскрывала механизм изъятия земельных участков, используемых не по назначению».

Действительно, отсутствие положений, регламентирующих процедуру изъятия, создает неопределенность как для владельцев и пользователей земельных участков, так и для органов публичной власти, осуществляющих контроль над таким использованием. Кроме того, судебная практика по данной категории споров крайне неоднородна, что еще раз подчеркивает необходимость законодательного оформления пробелов.

На наш взгляд, необходимо внести дополнения в статью 54.1 ЗК РФ, закрепив перечень обстоятельств, являющихся основанием для начала процедуры изъятия земельного участка. Важно детально определить ситуации, когда такое использование признается незаконным и представляет угрозу интересам государства и общества.

Контроль за использованием земель, как известно, возложен на Росреестр, органы исполнительной власти субъектов РФ и муниципальные образования. Тем не менее, процедура проверки зачастую носит формальный характер, поскольку инспекторы ограничены ресурсами и полномочиями. Судебная практика также свидетельствует о недостаточности мер административного воздействия на собственников земельных участков.

Подобной позиции придерживается А.В. Робертус, который в своем труде отмечает: «деятельность органов государственного земельного надзора и муниципального контроля часто сталкивается с проблемой нехватки кадровых и материальных ресурсов, что не позволяет обеспечить тотальный и постоянный контроль за использованием всех земельных участков на подведомственной территории».

Согласимся с позицией автора и отметим, что для решения проблемы контроля целесообразно расширить перечень полномочий контролирующих органов и установить обязанность собственников уведомлять уполномоченный орган о любом изменении фактического использования земель.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что проблемы целевого использования земельных участков обусловлены недостаточностью правового регулирования и контроля.

Решение выше обозначенных проблемных аспектов видим во внесении изменений в действующее законодательство, в частности, Земельный кодекс РФ и КоАП РФ, разработки конкретных процедур уведомления контролирующих органов о нарушении целевого использования и введения действенных мер административной ответственности. На наш взгляд, только комплексный подход позволит обеспечить рациональное использование земель и соблюдение требований законодательства в указанной сфере.

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст.
3. Робертус, А.В. Правовые проблемы использования земельных участков в соответствии с их целевым назначением // Мировая наука. 2025. № 10 (103). С. 127-135.
4. Симачкова, Н.Н., Чупина, И.П. К проблеме правового регулирования изъятия земельных участков при нецелевом использовании // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 214-216.
5. Решение Пушкинского городского суда от 3 сентября 2024 г. по делу № 2-2820/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/71Qf0zKYvEUm/> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Итоги 2023: Земельный надзор и вовлечение неиспользуемых участков в оборот [Электронный ресурс] // URL: <https://fsvps.gov.ru/news/itogi-2023-zemelnyj-nadzor-i-vovlechenie-neispolzujemyh-uchastkov-v-oborot/> (дата обращения: 11.03.2026).

Панова А.А.
**Риски, связанные с этическими аспектами профессиональной деятельности
адвоката**

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Алейникова В.А.

Аннотация

Настоящее исследование направлено на анализ актуальных вопросов, связанных с соблюдением правил профессиональной этики в деятельности российских адвокатов. Авторами определяется нормативно-правовая основа регулирования этических аспектов профессиональной деятельности адвокатов. Особое внимание уделяется выявлению наиболее существенных рисков, сказывающихся на практике соблюдения этики профессионального поведения, их характеристике и причинам. По результатам исследования делается вывод о необходимости изменения подходов к повышению квалификации отечественных адвокатов.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, профессиональная этика, этические стандарты, адвокатская тайна, дисциплинарное производство, дисциплинарный проступок.

Abstract

This study is aimed at analysing current issues related to compliance with professional ethics rules in the work of Russian lawyers. The authors identify the regulatory and legal framework governing the ethical aspects of lawyers' professional activities. Particular attention is paid to identifying the most significant risks affecting the practice of ethical professional conduct, as well as to their characteristics and underlying causes. Based on the research findings, a conclusion is drawn about the need to change approaches to improving the qualifications of domestic lawyers.

Keywords: bar association, legal practice, professional ethics, ethical standards, attorney–client privilege, disciplinary proceedings, disciplinary offence.

На современном этапе профессиональная деятельность адвоката в Российской Федерации основывается не только на нормах, закрепленных в тексте действующего законодательства, но и на совокупности строгих этических принципов, соблюдение которых является обязательным. Этические требования направлены на обеспечение доверия населения к институту адвокатуры, защиту прав доверителей и поддержание высокого уровня профессиональной культуры. На текущем этапе развития общественных отношений, характеризующемся расширением сфер взаимодействия адвоката с различными субъектами, возрастает значение анализа рисков, обладающих непосредственной связью с нарушением норм профессиональной этики.

Нормативную основу регулирования этических аспектов деятельности адвоката составляет Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Статья 7 данного документа определяет, что каждый адвокат обязан «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами» [2]. Здесь же указывается еще одна обязанность адвокатов, предписывающая необходимость «соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката...».

Обозначенные выше требования более детально определены в Кодексе профессиональной этики адвоката. Так, например, статья 4 КПЭА содержит указание на то, что «адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство,

присущие его профессии» [3]. Указанный документ содержит и другие правила и этические стандарты, которые адвокаты обязаны соблюдать в рамках своей профессиональной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи.

Итак, в качестве одного из наиболее актуальных рисков выступает нарушение принципа независимости адвоката. По общему правилу, закрепленному в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязуется осуществлять свою деятельность независимо от влияния государственных органов, должностных лиц и других субъектов. Однако на практике могут возникать ситуации, при которых данный принцип нарушается, что оказывает прямое воздействие на профессиональное поведение адвоката и может привести к нарушению этических норм.

В.Д. Мещерина в своей научной статье указывает, что наиболее ярко выражена данная проблема в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автор отмечает, что к числу типичных действий, ущемляющих права адвокатов в уголовном процессе, относятся:

- 1) «проведение незаконных обысков по месту работы адвоката;
- 2) проведение незаконных допросов;
- 3) проведение допросов, которые направлены на получение информации, охраняемой адвокатской тайной» [6, с. 159].

Каждое из перечисленных выше действий не только прямо нарушает отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], но и может выступать фактором, побуждающим адвоката к нарушению правил профессиональной этики. Так, например, в рамках одного из дисциплинарных производств было установлено, что адвокат вопреки законным интересам доверителя и без его письменного согласия явился в городской суд и дал показания в качестве свидетеля, в ходе которых разгласил сведения, составляющие адвокатскую тайну, чем грубо нарушил этику профессионального поведения [9].

Еще один не менее существенный риск выражается в низкой квалификации адвокатов, отсутствии должного объема юридических знаний и профессионального опыта, в совокупности обеспечивающих возможность оказания квалифицированной помощи гражданам и организациям. П.Е. Марчева в своем исследовании отмечает, что «отсутствие или недостаток опыта профессиональной деятельности» признается ключевым фактором, способствующим нарушению профессиональной этики, не только отечественными, но и зарубежными исследователями [5, с. 193].

Высказанный выше тезис находит свое подтверждение в материалах дисциплинарной практики. Так, к примеру, Советом Адвокатской палаты Приморского края было установлено, что в рамках ведения гражданского дела адвокат, представляя интересы доверителя, передал в суд копию явки с повинной другого своего доверителя, защита которого осуществлялась по параллельному уголовному делу. Уполномоченный орган адвокатского образования принял решение, что действия адвоката привели к разглашению адвокатской тайны, что является грубым нарушением профессиональной этики [8]. Данный пример наглядно демонстрирует, что отсутствие у адвоката, в отношении которого было возбуждено дисциплинарное производство, необходимого уровня знаний и объема профессионального опыта выступило причиной нарушений этических стандартов поведения.

Помимо этого, в условиях цифровизации формируются новые риски, которые связаны с поведением адвоката в публичных пространствах и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [4, с. 59]. Использование в профессиональной деятельности средств массовой информации и социальных сетей создает дополнительные риски нарушения профессиональной этики, которые могут приводить не только к разглашению адвокатской тайны, но и находить свое выражение в виде некорректных, оскорбительных и иных недопустимых публичных высказываниях [7, с. 108]. Так,

например, Совет Адвокатской палаты города Москвы привлек к дисциплинарной ответственности адвоката, который «использовал обсценную лексику в комментарии к посту коллеги в профессиональном паблике, хотя, по его собственному признанию, знал цензурные синонимы непристойного оборота» [10].

Таким образом, можно прийти к заключению, что усложнение общественных отношений, реформирование законодательства и другие обстоятельства способствуют формированию новых рисков, связанных с этическими аспектами профессиональной деятельности адвоката. Такие риски требуют своевременной реакции от адвокатского сообщества, которая, в первую очередь, должна находить свое выражение в изменении подходов к повышению квалификации российских адвокатов. Одним из ключевых направлений современной системы повышения квалификации адвокатов должна выступать адаптация их деятельности к условиям работы в цифровой среде, так как именно цифровизация сказывается на формировании множественных рисков, подлежащих обязательному учету при взаимодействии со средствами массовой информации и пользователями в сети «Интернет».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г. (ред. от 18.04.2025) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, № 3, 2003.
4. Воробьева, С.О., Мищенко, А.В. Некоторые проблемы соблюдения адвокатами кодекса профессиональной этики / С.О. Воробьева, А.В. Мищенко // Материалы Афанасьевских чтений. – 2023. – № 2 (45). – С. 58-60.
5. Марчева, П.Е. Риски, связанные с этическими аспектами профессиональной деятельности адвоката, в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки / П.Е. Марчева // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 4. – С. 191-196.
6. Мещерина, В.Д. Проблемы реализации независимости адвоката-защитника в уголовном процессе / В.Д. Мещерина // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 121-3. – С. 157-161.
7. Панфилов, М.А., Турков, А.В. Этика адвокатов в период цифровизации / М.А. Панфилов, А.В. Турков // В сборнике: Теория и практика кооперации в современном обществе. материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск, 2025. – С. 107-109.
8. Дисциплинарная практика – III и IV кварталы 2025 года // Адвокатская палата Приморского края: официальный сайт. – URL: <https://ap-prim.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/> (дата обращения: 08.04.2026).
9. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2021 года // Адвокатская палата Московской области: официальный сайт. – URL: <https://www.apmo.ru/upload/downloads/docs/kvalif/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B3%202021.doc> (дата обращения: 08.04.2026).
10. Совет палаты наказал адвоката, сквернословившего в соцсети «слепым» методом // Адвокатская палата города Москвы: официальный сайт. – URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/smi/10962/> (дата обращения: 08.04.2026).

Панова А.А., Перемышленникова И.Н.
Вопросы космического международного частного права

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В настоящей статье исследуются актуальные вопросы становления и эволюции космического международного частного права как новой правовой отрасли. Автор анализирует предмет регулирования, а также источники, круг субъектов, и ключевые проблемы применения права в данной сфере. Особое внимание уделяется коллизионным вопросам, правовому положению частных космических компаний и перспективам международно-правового регулирования коммерческой космической деятельности, приобретающей все большее значение в современном мире

Ключевые слова: космическое право, международное частное право, коммерческая космическая деятельность, коллизионные нормы, частные космические компании, лицензирование, ответственность, космос.

Abstract

This article examines current issues in the development and evolution of international private space law as a new legal field. The author analyzes the subject matter of regulation, as well as the sources, scope of subjects, and key issues in the application of law in this area. Particular attention is paid to conflict-of-law issues, the legal status of private space companies, and the prospects for international legal regulation of commercial space activities, which are becoming increasingly important in the modern world.

Keywords: space law, private international law, commercial space activities, conflict-of-law rules, private space companies, licensing, liability, space.

Появление реальной возможности освоения космоса предопределило необходимость нормативного регулирования межгосударственных отношений, возникающих в связи с космической деятельностью, что предполагало выработку согласованных на межгосударственном уровне соответствующих концептуальных и международно-правовых основ.

Космическое международное частное право представляет собой формирующуюся отрасль права, призванную регулировать частноправовые отношения, осложнённые «космическим элементом». Речь идёт о правоотношениях, возникающих между частными лицами из разных государств в контексте космической деятельности, с участием международных организаций и частных субъектов, а также в ситуациях, где присутствует иностранный элемент — например, когда иностранная компания осуществляет запуск спутника с территории другого государства.

Предмет регулирования космического международного частного права охватывает широкий спектр отношений. Сюда входят договорные обязательства, связанные с контрактами на запуск космических аппаратов и страхованием космических объектов, вопросы собственности на космические объекты и ресурсы, деликтные обязательства, возникающие вследствие причинения ущерба в результате космической деятельности, вопросы интеллектуальной собственности, касающиеся патентования космических технологий, а также трудовые отношения в международной космической индустрии.

Основу регулирования международных отношений, возникающих в связи с освоением космоса, составляют нормы общего международного права, включая принципы, закреплённые в Уставе ООН. Возникновение и прогрессивное развитие международного космического права убедительно показали, что научно-технический прогресс в освоении космоса не ведёт к пересмотру или отмене норм общего международного права. Наоборот, эти нормы регламентируют сотрудничество государств

в самых различных сферах международных отношений и восполняют пробелы в международном космическом праве.

Под субъектами международного космического права понимаются участники международно-правовых отношений, возникающих в связи с их космической деятельностью. Субъектами международного космического права являются государства и международные межправительственные организации. Международная космическая правосубъектность государства не зависит от какого-либо акта или волеизъявления других участников международных отношений. Объем их правосубъектности не ограничен и распространяется на все сферы космической деятельности. Что касается международных межправительственных организаций, то объем их космической правосубъектности ограничен. Он определяется государствами-членами, входящими в организацию, и, как правило, фиксируется в учредительном договоре.

Развитие частной космической деятельности породило ряд сложных правовых проблем, требующих решения на международном уровне. Наиболее острой является проблема ответственности за ущерб. При участии нескольких частных операторов в одном проекте сложно определить, кто именно несёт ответственность за причинённый ущерб. Конвенция 1972 года возлагает ответственность на «запускающее государство», но в случае коммерческих запусков возникает вопрос: распространяется ли эта ответственность на частные компании? Требуется уточнение механизмов распределения ответственности между государствами и частными операторами, а также разработка единых правил страхования космических рисков.

Остро стоит проблема космического мусора — отработавших спутников, ступеней ракет и фрагментов столкновений, создающих угрозу действующим космическим аппаратам. Ежегодно фиксируется множество опасных сближений объектов с Международной космической станцией и другими ценными спутниками. При этом международное право не содержит чётких норм по очистке орбит и ответственности за создание мусора. Частные компании, выводящие на орбиту сотни спутников, усугубляют ситуацию, требуя разработки новых правил эксплуатации и утилизации космических объектов.

Среди направлений развития частной космической деятельности следует выделить космический туризм. Сразу возникает вопрос «Кто понесёт ответственность за здоровье и безопасность космических туристов?» В 2021 году состоялся первый полностью коммерческий полёт компании SpaceX, открыв новую эру в освоении космоса. Однако правовая база для таких полётов остаётся фрагментарной. Необходимо разработать международные стандарты безопасности, требования к подготовке экипажей и туристов, а также чёткие правила страхования жизни и здоровья участников коммерческих космических миссий.

Вопросы интеллектуальной собственности в космической сфере также требуют особого внимания. Технологии, разработанные частными компаниями, нуждаются в защите, особенно при международном сотрудничестве. Например, патентование изобретений, сделанных на МКС, вызывает сложности из-за особого правового статуса станции.

Различия в национальном законодательстве создают дополнительные трудности для международного сотрудничества. В США, Люксембурге и ОАЭ приняты законы, разрешающие частным компаниям добывать и владеть космическими ресурсами, тогда как другие государства придерживаются более консервативной трактовки Договора по космосу. Такая ситуация порождает риск конфликтов и требует выработки согласованного международного подхода.

Решение существующих проблем возможно через комплексное развитие космического международного частного права по нескольким направлениям. Прежде всего, необходима гармонизация национального законодательства в сфере частной космической деятельности. Создание единых стандартов лицензирования, страхования и

технической безопасности позволит упростить международное сотрудничество и снизить правовые риски для частных операторов.

Важным шагом станет разработка новых международных соглашений, специально регулирующих актуальные вопросы частной космонавтики. Например, договор по добыче космических ресурсов мог бы установить правила доступа к астероидам и Луне, порядок регистрации прав на добытые материалы и механизмы распределения выгод между участниками. Аналогичным образом соглашение по управлению космическим мусором определило бы обязанности операторов по утилизации отработавших аппаратов и созданию систем очистки орбит.

В перспективе возможно появление специализированных международных регуляторов космической деятельности. Подобно Международной морской организации (ИМО) или Международной организации гражданской авиации (ИКАО), такой орган мог бы координировать усилия государств и частных компаний, разрабатывать технические стандарты и разрешать споры. Это особенно актуально для новых направлений — космической медицины, производства в невесомости, строительства орбитальных станций.

Расширение сферы применения космического международного частного права неизбежно по мере развития технологий. Уже сегодня обсуждаются проекты космических отелей, фабрик по производству сверхчистых материалов и солнечных электростанций на орбите. Правовая база должна опережать эти инновации, создавая условия для безопасного и устойчивого освоения космоса.

Таким образом, создаются объективные предпосылки дальнейшего оформления соответствующих публично-правовых норм. Однако для обеспечения более эффективного и общепризнанного исследования и использования космического пространства необходимо принимать меры к согласованию позиций государств по самым насущным вопросам и заключению соответствующих договоров.

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967).
2. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979).
3. Жуков Г. П., Колосов Ю. М. Международное космическое право. — М.: Международные отношения, 2020.
4. Верещетин В. С. Международное право и освоение космоса. — М.: Норма, 2019.
5. Материалы Комитета ООН по мирному использованию космического пространства (COPUOS).
6. Международное космическое право : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. — 2-е изд., стер. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 528 с. — (Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс). С.11
7. Проблемы международного права: учебник для магистрантов и аспирантов / Б.Д. Кривокапич; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов, науч. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Юдин. — Самара: Издательство Самарского университета, 2022. — 576 с.
8. Судебная практика по делам о космической деятельности (СПС «КонсультантПлюс», «Гарант»).

Панова А.А., Сороколетова М.А.
Тенденции развития и некоторые проблемы земельного законодательства
Российской Федерации на современном этапе

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В представленной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с развитием земельного законодательства в Российской Федерации. Авторами определяются наиболее значимые тенденции совершенствования правового регулирования земельных отношений, выявляются обуславливающие их обстоятельства. На основании анализа нормативно-правовых актов выделяются проблемы земельного законодательства Российской Федерации, определяется их влияние на правоприменительную практику и правовую защищенность субъектов земельных отношений. В заключении формулируется вывод о необходимости дальнейшей модернизации земельного права по пути систематизации законодательства, усиления прозрачности административных процедур и разработки более эффективных механизмов защиты прав физических и юридических лиц, являющихся участниками земельных отношений.

Ключевые слова: земельное право, земельное законодательство, тенденции развития, модернизация, цифровизация.

Abstract

This article examines current issues related to the development of land legislation in the Russian Federation. The authors identify the most significant trends in improving the legal regulation of land relations and identify the circumstances underlying them. Based on an analysis of regulatory legal acts, the authors highlight issues in Russian land legislation and determine their impact on law enforcement practices and the legal security of parties to land relations. The conclusion emphasizes the need for further modernization of land law by systematizing legislation, increasing the transparency of administrative procedures, and developing more effective mechanisms to protect the rights of individuals and legal entities involved in land relations.

Keywords: land law, land legislation, development trends, modernization, digitalization.

Современное земельное законодательство в Российской Федерации является одной из наиболее динамично развивающихся правовых отраслей, которая отражает ключевые социальные и экономические трансформации, происходящие в государстве. Земля, выступающая в качестве особого объекта правового регулирования, характеризуется не только высокой экономической ценностью, но и выполняет ряд важнейших экологических, стратегических, социальных и других функций. В условиях цифровизации и повышения уровня государственного контроля за использованием природных ресурсов особую актуальность приобретают вопросы, связанные с определением направлений совершенствования правового регулирования земельных отношений. Анализ действующего законодательства позволяет выявить наличие не только позитивных тенденций, но и существенные проблемы, которые напрямую сказываются на возможности эффективного использования земельных ресурсов, что свидетельствует о необходимости комплексного научного анализа текущего состояния земельного права.

В качестве одной из наиболее значимых тенденций развития земельного законодательства Российской Федерации является его активная цифровизация. В частности, сегодня значительное внимание со стороны законодателя уделяется вопросам развития Единого государственного реестра недвижимости, функционирование которого обеспечивается за счет применения норм Федерального закона от 13 июля 2015 года №

218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Статья 1 данного документа прямо закрепляет, что под государственной регистрацией прав на недвижимое имущество понимается «юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества» [3]. Введение государственных электронных сервисов существенным образом упростило процедуры регистрации прав на недвижимость, позволило повысить прозрачность сделок с земельными участками и качественно сказалось на снижении административных барьеров.

Еще одним важным направлением развития следует признавать постепенное усиление государственного контроля за использованием земель. Земельный кодекс Российской Федерации в статье 71 устанавливает, что «объектом государственного земельного надзора являются объекты земельных отношений, а также деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по распоряжению объектами земельных отношений, находящимися в государственной или муниципальной собственности» [2]. Такой надзор преследует своей целью обеспечение соблюдения требований земельного законодательства. В последние несколько лет наглядно прослеживается тенденция к ужесточению ответственности за нецелевое использование земельных участков, что, по мнению отдельных российских юристов, связано с необходимостью повышения эффективности использования земельных ресурсов и предотвращения их деградации в условиях возрастания количества промышленных производств [6, с. 88].

Экологический аспект также предопределяет некоторые тенденции развития земельного законодательства, поскольку земля выступает не только как объект гражданского оборота, но и является важнейшим элементом окружающей среды. В данном контексте следует отметить норму статьи 13 ЗК РФ, в соответствии с которой охрана земель признается приоритетным направлением государственной политики. Усиление экологических требований к использованию земельных участков находит свое проявление, в частности, в установлении ряда ограничений на хозяйственную деятельность, которая способна причинить вред окружающей среде [8, с. 30].

Отдельного внимания заслуживает институт комплексного развития территорий. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] позволил изменить подход к регулированию правоотношений, связанных с освоением территорией, что качественно сказалось на развитии соответствующей инфраструктуры.

Несмотря на множество позитивных тенденций, характеризующих текущие направления развития земельного законодательства Российской Федерации, существуют и проблемные аспекты, сказывающиеся на правоприменительной практике. К числу ключевых проблем, упоминание о которых наиболее часто встречается в трудах отечественных юристов, следует относить:

- 1) разрозненность правового регулирования земельных отношений, выражающееся в принятии множественных нормативно-правовых и подзаконных актов, что сказывается на возникновении трудностей в процессе правоприменения, особенно в случаях, если в качестве правоприменителя выступает лицо, не обладающее юридическим образованием;
- 2) низкая эффективность государственного земельного контроля, не позволяющая обеспечить надлежащий уровень превентивного воздействия на участников земельных отношений, что создает почву для совершения различных противоправных деяний, например, самовольного строительства [5, с. 1032];

- 3) завышение кадастровой стоимости, регулируемой на уровне статьи 66 ЗК РФ, что приводит к необоснованному повышению налоговой нагрузки на субъектов земельных отношений, иным имущественным обременениям [7, с. 151].

В качестве подведения итога можно сделать вывод, что современное земельное законодательство Российской Федерации активно развивается и адаптируется к актуальным реалиям, характеризующим социальные, экономические и иные тенденции. Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий, усиление и развитие механизмов государственного земельного контроля и совершенствование экологических требований наглядно демонстрируют стремление законодателя к повышению эффективности использования земельных ресурсов и их правовой охраны. Вместе с тем существование целого ряда устойчивых проблем свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства. Решение существующих проблем может быть осуществлено исключительно посредством систематизации нормативной базы, повышения уровня прозрачности правоприменительной практики и усиления гарантий защиты прав участников земельных отношений.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4344.
4. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32. – Ст. 5135.
5. Вильданова, О.В., Магазова, А.Р. Тенденции в развитии земельного законодательства: цифровизация и новые технологии / О.В. Вильданова, а.Р. Магазова // В сборнике: Эволюция российского права. Материалы XXIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург, 2025. – С. 1031-1038.
6. Воронин, В.В. Современные тенденции развития земельного законодательства России, перспективы развития / В.В. Воронин // В сборнике: Научная дискуссия: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2025. – С. 87-89.
7. Клюканова, Л.Г. Актуальные тенденции развития современного земельного законодательства Российской Федерации / Л.Г. Клюканова // В сборнике: Земля России – 2024. Сборник материалов Первого национального форума (к 245-летию старейшего агроуза страны – Государственного университета по землеустройству). В 2-х томах. – Москва, 2024. – С. 147-154.
8. Липски, С. Тенденции и проблемы в развитии земельного законодательства (на примере института землеустройства) / С. Липски // В сборнике: Управление земельными ресурсами, землеустройство, кадастр, геодезия и картография. Проблемы и перспективы развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 255-летию Землеустройству Якутии и Году науки и технологий. – Якутск, 2021. – С. 28-34.

Панова А.А., Яковлев В.И.
Особенности восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий в РФ

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовых механизмов восстановления жилищных прав граждан, пострадавших в результате стихийных бедствий на территории Российской Федерации. Анализируется действующее законодательство, включая Федеральный закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Жилищный кодекс РФ, а также подзаконные нормативные акты, регулирующие порядок и размеры компенсационных выплат. Рассматриваются основные способы восстановления нарушенных жилищных прав: единовременная материальная помощь, выплаты за частичную или полную утрату имущества первой необходимости, предоставление жилищных сертификатов на приобретение нового жилья. Выявляются ключевые проблемы правоприменения, среди которых — разграничение полномочий между федеральным центром и регионами в финансировании восстановительных мероприятий, сложности с подтверждением права собственности на утраченное жилье, длительность процедур, несоответствие размера выплат реальной стоимости жилья.

Ключевые слова: жилищное право, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации, компенсация, материальная помощь, имущество, жилище, гарантии, перечисление средств.

Abstract

The article is devoted to the study of legal mechanisms for restoring the housing rights of citizens who have suffered as a result of natural disasters in the Russian Federation. The current legislation is analyzed, including Federal Law No. 68-FZ "On Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies", the Housing Code of the Russian Federation, as well as by-laws regulating the procedure and amount of compensation payments. The main ways of restoring the violated housing rights are considered: one-time financial assistance, payments for partial or complete loss of essential property, and the provision of housing certificates for the purchase of new housing. Key problems of law enforcement are identified, among which are the delineation of powers between the federal center and the regions in financing the restoration measures, difficulties with the confirmation of the ownership of the lost housing, the duration of the procedures, the discrepancy of the amount of payments to the real cost of housing.

Keywords: housing law, natural disasters, emergencies, compensation, material assistance, property, housing, guarantees, transfer of funds.

Правовую основу восстановления жилищных прав пострадавших граждан образует прежде всего Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», который определяет общие принципы возмещения ущерба, причиненного здоровью и имуществу граждан вследствие чрезвычайных ситуаций. Как справедливо отмечает С.Л. Байдалова, несмотря на наличие базового законодательства, «правовое регулирование жилищных прав пострадавших при ЧС страдает фрагментарностью», а многие ключевые понятия (например, «имущество первой необходимости») не имеют легального определения, что порождает многочисленные споры и неединообразную судебную практику [1, с. 47]. В соответствии с этим законом граждане имеют право на возмещение ущерба, причиненного их имуществу, однако порядок и условия такого

возмещения устанавливаются как на федеральном, так и на региональном уровне. Эта двухуровневая система регулирования создает как преимущества (учет региональной специфики), так и серьезные проблемы (различия в объемах и качестве поддержки в разных субъектах Федерации). Важно отметить, что законодательство различает несколько видов утраты жилья: полное уничтожение, когда восстановление невозможно; существенное повреждение, требующее капитального ремонта; и частичное повреждение, которое может быть устранено силами собственника. Каждый из этих случаев предполагает различные механизмы восстановления прав.

Существенную роль в регулировании данных отношений играют подзаконные нормативные акты, прежде всего постановления Правительства Российской Федерации, которые устанавливают конкретные размеры выплат и порядок их предоставления. В.В. Горбунов обращает внимание на то, что правовые проблемы возмещения ущерба жилым помещениям при ЧС носят системный характер: отсутствие четкой методики оценки повреждений, длительные процедуры подтверждения утраты права собственности и, как следствие, «разрыв между фактической стоимостью утраченного жилья и размером предлагаемых государством компенсаций» [3, с. 72]. Как показывает анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, система восстановления жилищных прав пострадавших при стихийных бедствиях включает несколько основных механизмов. Первым и наиболее оперативным является оказание единовременной материальной помощи. В соответствии с действующими нормами, гражданам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций, выплачивается единовременная материальная помощь в размере 15 тысяч рублей на человека. При этом помощь оказывается независимо от утраты имущества и направлена на покрытие самых неотложных нужд — приобретение одежды, продуктов питания, предметов первой необходимости.

Существуют дополнительные выплаты, которые предусмотрены при утрате имущества первой необходимости: 75 тысяч рублей выплачивается при частичной утрате, а при полной утрате имущества — 150 тысяч рублей. Однако, в законодательстве не содержится четкого определения имущества первой необходимости, что вызывает множественные проблемы и разногласия между уполномоченными органами и пострадавшими. Из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что, зачастую, в подобных ситуациях, суд встает на сторону пострадавших граждан и признает их право на получение выплат в максимальном размере.

Еще одна острая проблема — разграничение полномочий между федеральным центром и регионами в финансировании восстановительных мероприятий. Сейчас большая часть расходов на ликвидацию последствий ЧС в границах муниципалитетов ложится на местные бюджеты. Но эксперты давно и справедливо замечают: у местных бюджетов, особенно в небольших сёлах, возможности очень скромные. В данном контексте теоретическое обоснование необходимости усиления гарантий прав пострадавших предлагает Н.В. Витрук: в рамках общей теории правового положения личности он подчеркивает, что «в экстраординарных ситуациях государство должно временно брать на себя дополнительные публичные обязательства, выходящие за рамки обычного бюджетного процесса», в противном случае правовой статус пострадавшего гражданина оказывается неоправданно снижен по сравнению с иными категориями граждан [2, с. 412]. Не случайно депутаты Госдумы не раз поднимали вопрос о том, чтобы переложить такое финансирование на федеральный уровень. Их аргумент прост и понятен: природные катаклизмы — это беда всей страны, а не только того региона, где случился паводок или торфяной пожар. Внесенный в Госдуму законопроект предлагает установить механизм заблаговременного, до наступления чрезвычайной ситуации, выкупа жилых помещений и земельных участков, расположенных на опасных территориях, что позволило бы предотвратить ущерб, а не только ликвидировать его последствия.

Параллельно с этим развивается еще одно направление совершенствования законодательства — создание федеральной программы добровольного страхования жилья от чрезвычайных ситуаций. Как подчеркивает А.Л. Корнеев, правовой аспект страхования жилых помещений от ЧС остается дискуссионным: с одной стороны, страхование способно снизить нагрузку на бюджет, с другой — «отсутствие обязательности и одновременно неготовность регионов софинансировать страховые премии делают действующую модель юридически фиктивной» [6, с. 36]. Соответствующий законопроект был внесен в Государственную Думу в апреле 2025 года. Проблема заключается в том, что действующий с 2019 года закон о добровольном страховании жилья от ЧС так и не заработал в полную силу: ни одна региональная программа не была запущена, поскольку регионы не готовы финансировать соответствующие выплаты, а граждане не видят смысла платить за страховку, рассчитывая на безвозмездную помощь государства. Новый законопроект предлагает передать управление программой на федеральный уровень, что, по мнению разработчиков, должно стать стимулом для развития рынка страхования. Кроме того, законопроект предусматривает создание страховщиками перестраховочного пула для облигаторного перестрахования рисков гибели и повреждения жилых помещений в результате чрезвычайных ситуаций, что позволит распределить риски между участниками рынка. Техническим нововведением является возможность уплаты страховой премии одновременно с платой за жилое помещение и коммунальные услуги, что призвано сделать процедуру страхования максимально удобной для граждан.

Интересно, что страхование жилья от ЧС сталкивается с проблемами, во многом аналогичными тем, которые возникают при расселении аварийного жилищного фонда. И в том, и в другом случае ключевым вопросом является финансирование: регионы не готовы брать на себя дополнительные расходы, а граждане не видят гарантий того, что их права будут защищены. И.А. Емелькина, анализируя жилищные права граждан в условиях ЧС, приходит к выводу, что «существующая правовая конструкция компенсационных выплат копирует бюрократические процедуры, рассчитанные на плановые ситуации, тогда как стихийное бедствие требует экстренного, упрощенного и заявительного порядка» [4, с. 26]. Как отмечается в материалах прокурорского надзора, на территории Свердловской области из 3,4 тысячи аварийных многоквартирных домов в региональную адресную программу по переселению не вошли почти 2 тысячи, в которых проживает свыше 31 тысячи граждан. Для расселения этих домов необходимо более 60 миллиардов рублей, что значительно превышает возможности областного бюджета. Такая же ситуация, только в еще более остром варианте, возникает при внезапном разрушении жилья в результате стихийного бедствия, когда необходимо не плановое расселение, а экстренное размещение тысяч людей.

Отдельного внимания заслуживает проблема защиты жилищных прав граждан, проживающих в приграничных регионах, которые подвергаются обстрелам и иным военным угрозам. Как справедливо отмечается в научной литературе, прифронтовые районы являются неблагоприятной территорией, и их население нуждается в повышенной защите и дополнительных преференциях. Однако на сегодняшний день права мирных жителей приграничных регионов защищаются не в полной мере, а частные вопросы и нюансы не учитываются в должной степени. Т.А. Караваева в своем исследовании административно-правового регулирования защиты прав пострадавших от ЧС особо выделяет необходимость дифференциации правовых режимов: «то, что приемлемо для техногенной аварии локального характера, не работает при массовых разрушениях жилья в приграничной зоне. Требуется особый административный регламент, включающий мораторий на взыскания и упрощенное оформление утраты жилья» [5, с. 59]. Авторы исследований предлагают распространить на жителей приграничных регионов меры защиты, аналогичные тем, которые применялись в период пандемии COVID-19: отмена уплаты пени за несвоевременное внесение платы за жилищные и коммунальные услуги, мораторий на выселение, упрощенный порядок получения компенсаций. Вопросы защиты

мирного населения, в том числе и жилищных прав граждан России, проживающих в приграничных регионах, носят многоаспектный, многоуровневый, многосторонний характер и требуют применения всего доступного правового инструментария.

Подводя итог, стоит признать: восстановление жилищных прав людей, которые пострадали от наводнений, пожаров или землетрясений, — это далеко не простая задача. Она лежит на пересечении сразу нескольких отраслей права: жилищного, гражданского, административного и финансового. И чтобы решить её по-настоящему эффективно, одних законов мало. Нужна слаженная работа всех уровней власти, плюс активное подключение судебных механизмов и прокурорского надзора. Хотя нормативная база вроде бы уже сложилась, практика постоянно подкидывает новые проблемы. Значит, законодательство нужно дорабатывать дальше. И тут три главных направления: во-первых, сконцентрировать финансирование на федеральном уровне, во-вторых, развивать страхование жилья от таких рисков, в-третьих, сделать реальной ответственность чиновников за нарушение прав граждан. Обобщая позиции проанализированных авторов, можно заключить, что ключевым условием эффективного восстановления жилищных прав выступает переход от декларативных гарантий к процедурно обеспеченным механизмам: четкое определение имущества первой необходимости, федеральное финансирование, реально работающее страхование и административная ответственность должностных лиц за волокиту. Только такой комплексный подход, объединяющий теоретические разработки (Витрук, Емелькина) и отраслевые предложения (Байдалова, Горбунов, Караваева, Корнеев), способен обеспечить не бумажное, а настоящее восстановление того, что люди потеряли при стихийном бедствии.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть I). — Ст. 14.
3. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 35. — Ст. 3648.
4. Федеральный закон от 03.08.2018 № 320-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 32. — Ст. 5134.
5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID проекта: 163587) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — 2025. — 23 декабря.
6. Байдалова С.Л. Жилищные права граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций: проблемы правового регулирования // Современное право. — 2023. — № 7. — С. 45-52.
7. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. — М.: Норма, 2022. — 640 с.
8. Горбунов В.В. Правовые проблемы возмещения ущерба, причиненного жилым помещениям граждан при чрезвычайных ситуациях // Журнал российского права. — 2024. — № 3. — С. 67-79.
9. Емелькина И.А. Жилищные права граждан в условиях чрезвычайных ситуаций: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. — 2024. — № 2. — С. 23-28.
10. Караваева Т.А. Административно-правовое регулирование защиты прав граждан, пострадавших от чрезвычайных ситуаций // Административное право и процесс. — 2023. — № 10. — С. 56-61.
11. Корнеев А.Л. Страхование жилых помещений от чрезвычайных ситуаций: правовой аспект // Финансовое право. — 2025. — № 1. — С. 34-39.
12. Официальный сайт МЧС России. — Режим доступа: <https://mchs.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2026).

Повжикова В.В., Ляхова А.И.
Психологические аспекты установления контакта между адвокатом и доверителем

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В представленной статье рассматриваются психологические аспекты установления контакта между адвокатом и доверителем в процессе оказания квалифицированной юридической помощи. Авторами анализируется роль и значение коммуникативных навыков адвоката как важнейшего элемента профессиональной деятельности, напрямую влияющего на ее эффективность. Отдельно определяются психологические особенности доверителей, находящихся в состоянии стресса, недоверия или эмоциональной напряженности. Анализируются факторы, влияющие на формирование доверительных отношений между адвокатом и доверителем. На основе изучения научных источников и практики адвокатских палат формулируются практические рекомендации.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, адвокат, доверитель, психологический контакт.

Abstract

This article examines the psychological aspects of establishing rapport between a lawyer and a client during the provision of qualified legal assistance. The authors analyze the role and significance of a lawyer's communication skills as a crucial element of professional activity, directly impacting its effectiveness. The psychological characteristics of clients experiencing stress, mistrust, or emotional tension are specifically identified. Factors influencing the development of trusting relationships between a lawyer and a client are analyzed. Practical recommendations are formulated based on a study of scholarly sources and the practice of bar associations.

Keywords: advocacy, advocacy, lawyer, client, psychological rapport.

Общение адвоката с доверителем – это сложный коммуникативный процесс, который включает в себя обмен информацией, формирование доверительных отношений и совместную выработку правовой позиции. Психологическая составляющая данного взаимодействия обладает важнейшей ролью, поскольку доверитель, обратившийся к адвокату за юридической помощью, в большинстве случаев находится в состоянии стресса или эмоциональной напряженности.

В рамках своей профессиональной деятельности адвокат осуществляет взаимодействие с различными участниками юридического процесса, начиная от доверителей, заканчивая судьями, экспертами и другими лицами. В то же время именно контакт с доверителем следует рассматривать в качестве отправной точки, от которой зависит вся последующая работа и ее эффективность. К числу особенностей общения адвоката и доверителя следует относить:

- асимметрию знаний, указывающую на то, что адвокат обладает теми знаниями в области юридических дисциплин, которые зачастую отсутствуют у доверителя;
- эмоциональную напряженность, свидетельствующую о нахождении доверителя в состоянии стресса или тревоги;
- необходимость доверия, так как в условиях его отсутствия существенно затрудняется процесс получения адвокатом информации от доверителя, которая требуется для эффективного оказания юридической помощи.

Обозначенные факты свидетельствуют о том, что именно установление психологического контакта выступает в качестве того условия, без которого эффективное взаимодействие между адвокатом и доверителем не представляется возможным. Отсутствие такого контакта может привести к неполному раскрытию значимых

обстоятельств дела, возникновению недопонимания между сторонами и другим проблемам, влияющим на качество юридической помощи.

Профессор Елена Холопова в рамках одного из вебинаров, проведенных на базе Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, отметила следующее: «деятельность адвоката наполнена психологическим содержанием... не умея устанавливать психологический контакт, разрешать конфликтные ситуации, контролировать свои эмоции, адвокат не сможет эффективно решать профессиональные задачи». Ученый также выделила следующие факторы, которые напрямую сказываются на успешности взаимодействия адвоката и доверителя:

- «уровень профессиональной и психологической подготовки адвоката;
- уровень информированности доверителя относительно проблемы, с которой он столкнулся, требующей оказания юридической помощи;
- объективные, субъективные, обстановочные юридические и психологические условия, в которых добывается конфиденциальная информация у доверителя;
- содержание информации, которую адвокат получает и использует в рамках профессионального общения и оказания юридической помощи».

Для того чтобы стало возможным правильное построение общения, адвокату необходимо учитывать психологическое состояние доверителя. Выделяется несколько типичных моделей поведения доверителей.

1. Тревожный доверитель, находящийся в состоянии сильного эмоционального напряжения, для которого характерным является:

- несвязная речь;
- предоставление противоречивых, неполных показаний;
- игнорирование важных юридических обстоятельств.

В подобных условиях задачей адвоката является создание атмосферы психологической безопасности, позволяющей постепенно структурировать информацию, которую предоставляет доверитель.

2. Недоверчивый доверитель, изначально относящийся к адвокату настороженно. Причиной такого поведения может выступать наличие предыдущего негативного опыта взаимодействия с адвокатами или же недоверие к существующим в государстве правовым институтам. В подобных случаях адвокату необходимо особое внимание уделять объяснению каждого из своих действий, а также демонстрации уровня профессиональной компетенции.

3. Эмоционально агрессивный доверитель, который может проявлять раздражение или агрессию по отношению к адвокату, что является следствием ощущения несправедливости происходящих событий или иных субъективных причин. В таких случаях адвокат должен сохранять профессиональную дистанцию и избегать эмоционального вовлечения в возникший конфликт, быть максимально сдержанным в своих действиях.

Умение грамотно выбирать модель установления психологического контакта в зависимости от эмоционального состояния и иных индивидуальных особенностей доверителя, напрямую сказывается на профессиональной деятельности адвокатов, в том числе, на их деловой репутации. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации подчеркивает, что «общение с доверителем должно проходить с соблюдением этических норм и правил... однако нередко адвокат становится участником дисциплинарного производства из-за неумения грамотно выстроить диалог с доверителем, непонимания, когда настал момент, свидетельствующий о случившемся конфликте, и, как следствие, на адвоката подают жалобу».

Само собой, полное игнорирование потребности установления психологического контакта с доверителем, его интересов, также неизбежно приводит к тому, что в отношении адвоката подается жалоба, которая рассматривается в рамках дисциплинарного производства уполномоченным органом адвокатского образования. Так, например, в рамках одного из дел было установлено, что адвокатом С. не оказана квалифицированная юридическая помощь П., в частности адвокат С. не посещал своего

доверителя в СИЗО и не принял надлежащего участия при проведении следственных действий, а затем подписал протокол ознакомления с материалами уголовного дела, который был проведен без его участия, чем ухудшил положение своего доверителя. Совет адвокатской палаты, изучив и исследовав материалы дисциплинарного производства, огласив и исследовав представленные участниками дисциплинарного производства письменные документы, принял решение о применении к адвокату С. меры дисциплинарной ответственности в виде «Предупреждение».

Таким образом, психологические аспекты общения адвоката с доверителем играют важнейшую роль в профессиональной деятельности адвоката. Установление доверительных отношений способствует более полному выяснению обстоятельств дела, а также повышает эффективность юридической помощи, снижая вероятность возникновения конфликта между адвокатом и доверителем.

На основе анализа психологических аспектов адвокатской деятельности представляется возможным определить следующие практические рекомендации:

- 1) создание комфортной атмосферы общения посредством проведения первой встречи в спокойной обстановке, которая способствует открытому диалогу;
- 2) использование понятного языка, избегание сложной юридической терминологии;
- 3) проявление уважения к доверителю даже в ситуациях, если его позиция кажется необоснованной;
- 4) обеспечение конфиденциальности общения;
- 5) построение общения таким образом, чтобы стало возможным последовательно установить значимые обстоятельства дела;
- 6) контроль эмоциональной динамики беседы через снижение уровня напряженности доверителя.

1. Багринцев, А.О. Некоторые аспекты психологического сопровождения профессиональной деятельности адвокатов / А.О. Багринцев // В сборнике: Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований. Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и их наставников. – Тверь, 2023. – С. 114-117.
2. Бредихина, Э.В. Этические и психологические аспекты деятельности адвоката / Э.В. Бредихина // В сборнике: Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков. СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. – Махачкала, 2021. – С. 52-56.
3. Кудрина, К.И. Психологические аспекты консультационной деятельности адвоката / К.И. Кудрина // В сборнике: Право, экономика и управление: теория и практика. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2022. – С. 329-331.
4. Филь, Е.О. Общая характеристика адвокатской деятельности / Е.О. Филь // Правовая позиция. – 2023. – № 6 (42). – С. 92-95.
5. Доверитель и адвокат: правила взаимодействия : Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/doveritel-i-advokat-pravila-vzaimodeystviya/> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Консультирование как коммуникативный процесс // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/konsultirovanie-kak-kommunikativnyy-protsess/> (дата обращения: 11.03.2026).
7. Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2020 года // Адвокатская палата Республики Дагестан. – URL: <https://advokatrd.ru/disciplinary-practices/disciplinary-practices> (дата обращения: 11.03.2026).

Повжикова В.В., Перемышленникова И.Н.
Особенности отношений между супругами в международном частном праве

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности регулирования супружеских отношений в международном частном праве. Авторами исследуются проблемы определения компетентного суда и применимого права в ситуациях, связанных с межгосударственными брачными союзами. Особое внимание уделено вопросам правовой связи брака, включая выбор применимого семейного законодательства, условия действительного вступления в брак и процедуру его прекращения. Также в рамках настоящей статьи исследуются материалы судебной практики, посвященные спорам между супругами.

Ключевые слова: супруги, брак, правовое регулирование, международное частное право, судебное решение, проблемы.

Abstract

This article examines the specifics of regulating marital relations in private international law. The authors examine the issues of determining the competent court and applicable law in situations involving interstate marriages. Particular attention is paid to the legal connection of marriage, including the choice of applicable family law, the conditions for a valid marriage, and the procedure for its dissolution. This article also examines case law on disputes between spouses.

Keywords: spouses, marriage, legal regulation, private international law, court decisions, issues.

Международное частное право, как известно, играет важную роль в регулировании правовых отношений, складывающихся между супругами в условиях глобализации и мобильности населения. Данные отношения приобретают более сложный, многокомпонентный характер, когда супруги являются гражданами разных государств или постоянно проживают в разных юрисдикциях.

Как отмечает в своем исследовании А.А. Нукушева: «наряду с особенностями экономического строя существенное влияние на регулирование семейных отношений в большей мере, чем на другие институты частного права, оказывают национальные, бытовые, религиозные особенности и традиции, свойственные тому или иному обществу».

Семейные отношения, будучи предметом регулирования международного частного права, связаны с двумя группами правовых вопросов:

- материальные вопросы, то есть заключение брака, расторжение, алиментные обязательства, права на имущество и наследование;
- процессуальные вопросы, касающиеся юрисдикции судов и признания решений иностранных судов.

Главная особенность регулирования состоит в том, что вопросы семейного права определяются внутренним законодательством государств, а международное частное право решает коллизионные вопросы выбора применимого права.

В российском праве источниками регулирования брачно-семейных отношений являются Гражданский и Семейный кодексы Российской Федерации.

Вместе с тем, несмотря на законодательное закрепление брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, на сегодняшний день существует ряд проблем, на которые обращают внимание ученые-правоведы в своих работах.

Так, В.Р. Бабенкова и А.Ю. Труфанова в своем исследовании указывают на отсутствие «нормативного закрепления цели и задач правового регулирования международных семейных отношений, также не легализовано понятие «иностранный элемент», отсутствуют конструкции общих понятий МЧП».

Действительно, существующие пробелы в российском законодательстве негативно сказываются как на процесс реализации данных правоотношений, так и на единство судебной практики по подобным вопросам.

На наш взгляд, для устранения имеющегося законодательного пробела необходимо дополнить 7 раздел СК РФ следующей формулировкой: «Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранных граждан направлено на:

1. Установление единства подходов к определению статуса членов семьи, рожденных или проживающих за пределами Российской Федерации;
2. Обеспечение равенства прав и свобод граждан Российской Федерации и иностранных граждан в семейных отношениях;
3. Охрану законных интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц, участвующих в семейных отношениях».

Полагаем, что внесение данных дополнений позволит устранить отмеченные пробелы в действующем законодательстве и повысит уровень защищенности прав участников данных правоотношений.

Рассмотрим подробнее некоторые из ключевых особенностей таких правоотношений через призму международного частного права.

Определение применимого права в отношениях между супругами имеет ключевое значение для разрешения споров, касающихся семейного положения и имущества. Международное частное право устанавливает правила, позволяющие определить, какое именно право должно применяться в конкретных обстоятельствах. Если оценить в целом подход различных государств к коллизионному регулированию семейно-брачных отношений в зависимости от того, как они решают вопросы правосубъектности супругов и действительности браков, то их можно разделить на следующие группы:

- закон места заключения брака. К сторонникам такого подхода относятся: большинство штатов США, страны Латинской Америки;
- закон общего гражданства супругов;
- закон постоянного местожительства супругов;
- соглашение сторон о выборе применимого права (личный закон вступающих в брак лиц).

Говоря о заключении брака, необходимо отметить, что граждане разных стран сталкиваются с рядом требований, предъявляемых законами государств, где проводится регистрация.

Ю.В. Азаркина в своем труде приводит ряд дополнительных требований, которые считаются необходимым условием для заключения брака: «церковная форма заключения брака приравнивается к государственной (в Великобритании); для признания брака зарегистрированным необходимо публичное выражение собственной воли (в Латвии)».

Подобные нюансы связаны, прежде всего, с культурно-историческими и религиозными особенностями той или иной страны.

Развод супругов и возникновение алиментных обязательств также характеризуются рядом отличительных черт. Так, в России действуют строгие правила, касающиеся порядка развода и выплаты алиментов детям. В зарубежных странах данная процедура может значительно отличаться. Например, в ряде европейских государств предусмотрены специальные суды, занимающиеся семейными делами, где учитываются интересы детей, финансовое положение супругов и другие факторы.

Как отмечает Е.А. Костикова: «при рассмотрении гражданских, семейных, трудовых дел с участием иностранных граждан суды обращают внимание на наличие (отсутствие) международных правовых актов между государствами».

Для подтверждения данного тезиса обратимся к материалам судебной практики, в частности, к Определению Верховного Суда РФ от 19 августа 2008 года № 91-Г08-6.

Так, в данном деле гражданка Е. обратилась в областной суд с ходатайством о принудительном исполнении решения о взыскании алиментов. Иск был инициирован решением украинского суда, согласно которому С. обязан выплачивать алименты на ребенка.

Областной суд отказал в удовлетворении ходатайства, посчитав, что исполнение решения противоречит публичному порядку Российской Федерации, однако Верховный Суд признал данный довод необоснованным и указал, что понятие «публичный порядок» подразумевает базовые нормы, закрепленные Конституцией РФ и федеральным законодательством, а не простое несоответствие нормам национального права.

Поскольку Российская Федерация и Украина являются участниками Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 г., Верховный Суд разрешил данное дело основываясь на положениях указанного международного акта, в частности, на статье 54, которая закрепила, что «суд, рассматривающий ходатайство о признании и разрешении принудительного исполнения решения ограничивается установлением того, что условия, предусмотренные данной Конвенцией, соблюдены».

Решая вопрос о применении права Суд установил, что «действующее законодательство Российской Федерации допускает возможность применения иностранного права при разрешении споров с участием иностранных граждан».

Верховный Суд отменил определение областного суда и направил дело на повторное рассмотрение судом первой инстанции. Такое решение подчеркивает важность следования международным договорам и стандартам при принятии решений при условии, что они не нарушают основополагающие нормы российского права.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что современное международное частное право активно развивается, стремясь создать эффективные механизмы регулирования семейных отношений между супругами, являющихся гражданами иностранных государств.

Дальнейшее развитие данного института видим в совершенствовании законодательства, в частности, ГК РФ И СК РФ, а также в установлении единообразной правоприменительной практики по спорам, возникающих в семейно-брачных отношениях, осложненных иностранным элементом.

Учет специфики международных семейных отношений позволит повысить эффективность судебной защиты и сократить количество споров, предметом которых являются несоответствие национальных правовых актов нормам международного права.

1. Определение Верховного Суда РФ от 19 августа 2008 года № 91-Г08-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 5.
2. Азаркина, Ю.В. Особенности отношений между супругами в международном частном праве. Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 149-151.
3. Бабенкова, В.Р., Труфанова, А.Ю. Проблемные аспекты правового регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Право и управление. 2024. № 8. С. 313-318.
4. Костикова, Е.А. Актуальные вопросы браков между гражданами разных стран: правовые последствия и защита прав // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 211-213.
5. Нукушева, А.А. К вопросу о регулировании брачно-семейных отношений в международном частном праве // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 17. С. 86-90.

Повжикова В.В., Сороколетова М.А.

Правовые проблемы реализации государственного надзора и муниципального контроля в области земельных отношений

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Статья посвящена исследованию правового регулирования государственного надзора и муниципального контроля в сфере земельных отношений. Авторами рассматриваются особенности действующего законодательства, включая Земельный кодекс Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу актуальных правовых проблем, обладающих непосредственной связью с разграничением полномочий органов государственного надзора и муниципального контроля, ограниченными возможностями органов местного самоуправления и несовершенством механизмов выявления и пресечения нарушений земельного законодательства. По результатам исследования формулируются предложения по внесению изменений в отдельные нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: земельное право, земельное законодательство, земельные отношения, государственный земельный надзор, муниципальный земельный контроль.

Abstract

This article examines the legal regulation of state supervision and municipal control in land relations. The authors examine the specifics of current legislation, including the Land Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to analyzing current legal issues directly related to the delineation of powers between state supervision and municipal control bodies, the limited capacity of local governments, and the imperfections of mechanisms for identifying and preventing violations of land legislation. Based on the research findings, proposals are formulated for amendments to individual regulatory legal acts.

Keywords: land law, land legislation, land relations, state land supervision, municipal land control.

Рациональное использование и охрана земельных ресурсов рассматриваются в качестве одной из наиболее важных задач государственной политики Российской Федерации, так как земля выступает не только в качестве объекта гражданского оборота, но и важнейшего природного ресурса, использование которого может быть допустимым только при условии соблюдения требований экологической безопасности и интересов всего общества. В этой связи высокое значение приобретает деятельность органов власти, направленная на выявление и пресечение деяний, нарушающих нормы действующего земельного законодательства. Основными инструментами обеспечения соблюдения требований законодательства в данной сфере являются государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль.

Под государственным земельным надзором следует понимать деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, которая направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований, отраженных в нормах земельного законодательства Российской Федерации. Основные положения, регламентирующие данное направление деятельности, закреплены в статье 71 Земельного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой к числу органов, осуществляющих государственный земельный надзор, относятся:

- Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр);
- Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору;
- иные органы исполнительной власти в пределах своих полномочий.

Основными задачами государственного земельного надзора выступают:

- предупреждение деяний, нарушающих земельное законодательство;
- выявление фактов, свидетельствующих о нецелевом использовании земельных участков;
- контроль соблюдения требований охраны земель;
- привлечение лиц, виновных в нарушении земельного законодательства, к предусмотренной законом юридической ответственности.

Наряду с государственным земельным надзором значительную роль также играет муниципальный земельный контроль, который осуществляется уполномоченными органами местного самоуправления. Правовое регулирование данного направления деятельности осуществляется нормами статьи 72 ЗК РФ, согласно которой органы местного самоуправления наделяются полномочиями в сфере контроля за использованием земель в пределах соответствующего муниципального образования. Муниципальный земельный контроль, в первую очередь, направлен на:

- выявление деяний, нарушающих правила использования земельных участков;
- обеспечение соблюдения требований земельного и градостроительного законодательства;
- предотвращение самовольного занятия земельных участков.

Несмотря на то, что законодатель разграничил полномочия между государственными и муниципальными органами, их практическая реализация сталкивается с целым рядом значительных проблем. Так, отдельные авторы отмечают, что на практике нередко возникают ситуации, при которых различные органы публичной власти осуществляют контрольные мероприятия по отношению к одному и тому же земельному участку, что приводит к дублированию функций и неизбежно создает дополнительную административную нагрузку, возлагаемую на землепользователей. Основная причина данной проблемы заключается в том, что на уровне ЗК РФ отражены лишь общие полномочия соответствующих органов, тогда как не устанавливаются четкие критерии, подлежащие учету при решении вопроса о разграничении их компетенции.

Следующей и не менее значительной проблемой выступает ограниченный объем полномочий, которыми наделяются органы местного самоуправления при осуществлении муниципального земельного контроля. В исследованиях отечественных авторов неоднократно отмечалось, что в большинстве случаев органы муниципального контроля не наделены полномочиями, обеспечивающими возможность составления протоколов об административных правонарушениях, что существенно сказывается на эффективности противодействия нарушениям земельного законодательства. В результате этого органы местного самоуправления вынуждены передавать материалы, собранные в ходе проверочных мероприятий, в иные органы государственной власти, что приводит к увеличению сроков реагирования на выявленные нарушения.

Еще одна существенная проблема указывает на недостаточную эффективность механизмов выявления нарушений земельного законодательства. На текущий момент времени контрольные мероприятия, как правило, ограничиваются только проведением плановых и внеплановых проверок, тогда как значительное число нарушений сохраняет свой латентный характер, что обусловлено ограниченными ресурсами, которыми обладают контрольные органы. Действующее законодательство предусматривает

возможность использования риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля. В то же время подобный механизм не нашел своего активного применения в сфере земельных отношений.

Представляется, что повышение эффективности рассматриваемого направления надзорной и контрольной деятельности должно быть обеспечено посредством более широкого использования современных информационных технологий. В частности, необходимо на законодательном уровне закрепить возможность использования данных дистанционного зондирования земли, а также сведений, которые были получены из государственных информационных систем при осуществлении проверочных и других контрольных мероприятий.

Таким образом, в качестве подведения итога произведенному исследованию, можно прийти к выводу о том, что действующее законодательство в части регулирования государственного надзора и муниципального контроля в области земельных отношений характеризуется рядом существенных проблем, которые напрямую сказываются на эффективности предупреждения, выявления и пресечения деяний, нарушающих нормы земельного права. С целью устранения выявленных недостатков целесообразно:

- указать в статье 72 ЗК РФ, что муниципальный земельный контроль осуществляется в отношении земельных участков, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования, за исключением случаев, которые прямо отнесены к компетенции органов государственного земельного надзора;
- определить на уровне Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях право должностных лиц органов местного самоуправления на составление протоколов об административных правонарушениях в сфере земельных отношений;
- установить на уровне статьи 71 ЗК РФ возможность использования в рамках государственного земельного надзора данных, полученных в результате дистанционного зондирования Земли, а также сведений из государственных реестров и иных информационных систем.

Помимо этого, целесообразно определить на уровне ЗК РФ конкретные направления профилактической деятельности, преследующей своей целью оказание превентивного воздействия на различных субъектов, использующих в своей деятельности объекты, охраняемые земельным законодательством. В частности, следует реализовывать такие мероприятия, как:

- регулярное консультирование землепользователей относительно вопросов, связанных с земельным законодательством;
- информирование граждан о требованиях земельного законодательства, их особенностях и изменениях;
- профилактические визиты уполномоченных должностных лиц органов местного самоуправления.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Вельмискин, М.А. Эволюция правового регулирования государственного земельного надзора / М.А. Вельмискин // Молодой ученый. – 2025. – № 51 (602). – С. 461-464.
4. Жеребцова, К.В. Государственный земельный надзор: понятие, принципы, основы правового регулирования / К.В. Жеребцова // Современные гуманитарные исследования. – 2018. – № 6 (85). – С. 99-101.

5. Молчанов, А.С., Комаревцева, Л.В. Проблемы правового регулирования и реализации государственного и муниципального земельного надзора / А.С. Молчанов, Л.В. Комаревцева // В сборнике: Экономика, управление, общество: векторы и стратегии развития. материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Краснодар, 2024. – С. 226-234.
6. Платонова, В.А., Ширина, Н.В. Нормативно-правовое регулирование государственного земельного надзора и его несовершенства / В.А. Платонова, Н.В. Ширина // Студенческий форум. – 2022. – № 21-1 (72). – С. 57-60.
7. Самылина, Ю.Н., Малышева, Е.Н., Матвеев, П.А. Государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль: специфика правового регулирования / Ю.Н. Самылина, Е.Н. Малышева, П.А. Матвеев // Промышленность и сельское хозяйство. – 2021. – № 7 (12). – С. 79-85.

Повжикова В.В., Яковлев В.И.

Переустройство (перепланировка и переоборудование) жилых помещений

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Аннотация

Статья посвящена исследованию правового регулирования переустройства жилых помещений в Российской Федерации, включая их перепланировку и переоборудование. Авторами рассматриваются особенности нормативной регламентации данных действий, закрепленные в тексте Жилищного кодекса Российской Федерации и ряде иных нормативно-правовых и подзаконных актах. Анализируются проблемы правоприменительной практики, непосредственно связанные со сложностью процедуры согласования переустройства, отсутствием механизма запроса дополнительных сведений органом местного самоуправления, а также вопросами легализации самовольных изменений жилых помещений и юридической ответственности за совершение данных деяний. По результатам формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: жилищное право, многоквартирный дом, жилое помещение, переустройство, перепланировка, переоборудование, самовольное изменение.

Abstract

This article examines the legal regulation of residential redevelopment in the Russian Federation, including their redevelopment and conversion. The authors examine the specifics of the regulatory framework for these actions, as enshrined in the Housing Code of the Russian Federation and a number of other legal and bylaws. They analyze challenges in law enforcement practices directly related to the complexity of the redevelopment approval process, the lack of a mechanism for local governments to request additional information, as well as the legalization of unauthorized modifications to residential premises and legal liability for such actions. Based on these findings, proposals for improving current legislation are formulated.

Keywords: housing law, apartment building, residential premises, redevelopment, redevelopment, conversion, unauthorized modification.

На современном этапе развития жилищных отношений особую актуальность приобретают вопросы, связанные с изменением внутренней структуры жилых помещений, что обусловлено стремлением собственников к адаптации своего жилья под индивидуальные потребности. В этой связи значительное распространение получили действия, именуемые перепланировкой и переоборудованием жилых помещений. Правовое регулирование обозначенных вопросов осуществляется Жилищным кодексом Российской Федерации, а также совокупностью подзаконных правовых актов. Несмотря на то, что соответствующие нормы содержатся в отечественном законодательстве, практика применения жилищного права указывает на целый ряд системных проблем, обладающих непосредственной связью с определением правовой природы переустройства жилых помещений, процедурой согласования подобных изменений и последствиями, наступающими в результате самовольного проведения соответствующих работ.

В соответствии с нормой статьи 25 ЖК РФ, под переустройством помещения в многоквартирном доме следует понимать: «установку, замену или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования, требующие

внесения изменений в технический паспорт помещения в многоквартирном доме». В свою очередь, под перепланировкой понимается: «изменение границ и (или) площади такого помещения, и (или) образование новых помещений... и (или) изменение его внутренней планировки (в том числе без изменения границ и (или) площади помещения)...».

Помимо ЖК РФ, правовое регулирование переустройства жилых помещений также осуществляется и иными нормативными и подзаконными правовыми актами. Например, Градостроительный кодекс Российской Федерации содержит в себе положения, определяющие требования к безопасности зданий и сооружений, а также распространяющиеся на сферу строительных и реконструкционных работ.

Законодательно предусмотрена обязательность предварительного согласования переустройства жилого помещения. Статья 26 ЖК РФ прямо устанавливает, что переустройство или перепланировка могут быть осуществлены только в случае, если было получено разрешение от уполномоченного органа местного самоуправления. Для получения разрешения собственник или иное уполномоченное лицо должен представить установленный законодательством пакет документов, к числу которых относится заявление о переустройстве, правоустанавливающие документы на жилое помещение, проект переустройства и техническая документация. После того, как представленные документы будут рассмотрены, орган местного самоуправления выносит решение о согласовании либо об отказе в согласовании переустройства.

После того, как будут проведены работы по переустройству жилого помещения, наступает стадия их приемки, по результатам которой вносятся изменения в техническую документацию на соответствующий объект недвижимого имущества. Данный механизм преследует своей целью обеспечение учета фактического состояния жилого фонда, а также выполняет превентивную функцию по отношению к деяниям, нарушающим требования безопасности при эксплуатации многоквартирных домов.

Как уже было отмечено ранее, правовое регулирование переустройства характеризуется рядом системных проблем, которые непосредственно сказываются на эффективности правоприменения.

Так, к числу одной из наиболее значимых проблем следует относить сложность процедуры согласования переустройства и перепланировки. На практике подготовка проекта может потребовать привлечения специализированных организаций, что повлечет за собой существенные финансовые затраты. Кроме того, обозначенная процедура может занимать значительное количество времени, что также сказывается на ее доступности для граждан. Подобные недостатки способствуют увеличению количества случаев несанкционированной перепланировки и переустройства, что свидетельствует о необходимости упрощения предусмотренной законом процедуры согласования соответствующих работ.

Еще одна проблема, связанная с рассматриваемой процедурой, выражается в том, что статьи 26-27 ЖК РФ не содержат в себе указания на то, что орган местного самоуправления обладает правом на направление запроса к заявителю, преследующего своей целью получение дополнительной информации, которая не была изложена в представленных им документах, необходимой для принятия решения относительно согласования переустройства или перепланировки.

Самовольное переустройство и перепланировка жилых помещений заслуживают особого внимания, так как представляют собой самостоятельную и не менее актуальную проблему. В соответствии со статьей 29 ЖК РФ: «Самовольными являются переустройство и (или) перепланировка помещения в многоквартирном доме, проведенные при отсутствии основания, предусмотренного частью 6 статьи 26

настоящего Кодекса, или с нарушением проекта переустройства и (или) перепланировки, представлявшегося в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 26 настоящего Кодекса». В случае, если имеет место данное нарушение, уполномоченный орган местного самоуправления обладает правом на предъявление по отношению к собственнику требования о приведении жилого помещения в первоначальное состояние.

На практике подобная мера не всегда находит свое применение, так как собственники могут обратиться в суд с требованием о признании законности перепланировки или переустройства. В результате этого возникает ситуация, при которой фактически допускается легализация самовольных изменений посредством использования предусмотренных законом процедур. Представляется, что законодательно необходимо предусмотреть более четкий механизм такой легализации, который будет учитывать не только права и законные интересы граждан, отсутствие угрозы их жизни и здоровью, но и требования строительных, санитарных и технических норм.

Не менее значимой является проблема юридической ответственности за самовольную перепланировку или переустройство. На практике, как правило, виновное лицо привлекается к ответственности, предусмотренной статьей 7.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение правил пользования жилыми помещениями. Самовольное переустройство и (или) перепланировка помещения в многоквартирном доме». Часть 2 обозначенной статьи содержит в себе прямое указание на то, что самовольное переустройство или перепланировка влекут за собой наложение на виновного административного штрафа в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей. Представляется, что с учетом тех рисков, которые создаются в результате обозначенных действий, предусмотренная законодателем ответственность является недостаточно строгой. В подобных условиях также формируется риск увеличения числа самовольных изменений, создающих угрозу для жизни и здоровья других жильцов многоквартирных домов.

Подводя итог произведенному исследованию, следует заключить, что действующее законодательство в части регулирования переустройства и перепланировки жилых помещений характеризуется рядом системных проблем, которые могут быть решены посредством:

- закрепления на уровне статьи 26 ЖК РФ возможности уведомительного порядка осуществления перепланировки в случае, если она не влечет за собой значительные изменения конфигурации жилого помещения, а равно не затрагивает несущие конструкции здания и не влияет на безопасность его эксплуатации;
- определения в статье 26 ЖК РФ права уполномоченного органа местного самоуправления на направление запроса заявителю с целью восполнения недостающей в представленных документах информации;
- изложения части 4 статьи 29 ЖК РФ в следующей редакции: «...если этим не нарушаются права и законные интересы граждан либо это не создает угрозу их жизни или здоровью, при условии соответствия требованиям строительных, санитарных и технических норм»;
- установления в статье 7.21 КоАП РФ санкции для физических лиц в виде административного штрафа размером от десяти до двенадцати тысяч рублей.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 16.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 14.
4. Алешкевич, А.М., Рзаева, А.К. Пробелы в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения / А.М. Алешкевич, А.К. Рзаева // Юридическая наука. – 2020. – № 5. – С. 61-63.
5. Маркин, Д.А. Правовое регулирование переустройства и перепланировки жилых помещений: проблемы и пути их решения / Д.А. Маркин // Диалог. – 2025. – № 3 (33). – С. 34-35.
6. Овчинников, Д.Г. Правовое регулирование перепланировки и переустройства жилых помещений в многоквартирных домах: проблемы и перспективы / Д.Г. Овчинников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6-1 (93). – С. 104-107.

Польшикова В.В.

Проблемы разграничения оказания адвокатами юридической помощи и интеллектуального пособничества

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Ляхова А.И.

Аннотация

В статье анализируется сложная правовая проблема разграничения законной профессиональной деятельности адвоката по оказанию юридической помощи и преступного деяния в форме интеллектуального пособничества. Исследуются критерии, позволяющие отделить консультирование от содействия совершению преступления.

Ключевые слова: адвокатура, юридическая помощь, интеллектуальное пособничество, пределы защиты, уголовная ответственность адвоката.

Abstract

The article analyzes the complex legal problem of distinguishing between the legitimate professional activities of a lawyer in providing legal assistance and the criminal act of intellectual complicity. The article explores the criteria that allow for distinguishing between counseling and facilitating the commission of a crime.

Keywords: advocacy, legal assistance, intellectual complicity, limits of defense, criminal liability of a lawyer.

Границы между профессиональным советом и интеллектуальным пособничеством (ст. 34 Уголовного кодекса РФ) порой бывают достаточно размыты. Следственные органы способны интерпретировать разъяснение норм права как «совет об устранении препятствия» или «совет по совершению или сокрытию преступления» в угоду следствию. Следствием этого становится необоснованное уголовное преследование адвоката и нарушение конституционного права гражданина на квалифицированную юридическую помощь.

В первую очередь, необходимо сказать, что интеллектуальное пособничество – форма соучастия в преступлении. Для квалификации деяния как преступления необходимо наличие всех обязательных признаков. Стоит начать с объективной стороны. При сопровождении доверителя адвокат осуществляет консультирование, собирает информацию, может давать советы и указания. Немало случаев, когда лица, оказывающие юридическое сопровождение, стараясь наилучшим образом выполнить свою работу, сами переходят тонкую грань закона.

Интеллектуальная разновидность пособничества реализуется путем предоставления консультационной поддержки или сведений иным участникам противоправного деяния. Рассматриваемый вид совместной деятельности может проявляться в форме предоставления советов, отдачи соответствующих указаний, передачи определенных сведений, а также выражаться в виде заранее данного обещания скрыть субъекта, осуществившего противоправное деяние, использованные им орудия или средства, оставленные им следы либо предметы, добытые незаконным способом, или же оказать содействие в процессе их приобретения либо сбыта. Оказание помощи в совершении противоправного деяния путем консультирования подразумевает доведение до сведения исполнителя либо иного соучастника личного мнения по вопросам, которые касаются различных составляющих способа осуществления преступления, в том числе методов его совершения, используемых инструментов и приспособлений, вовлечения дополнительных лиц и других подобных моментов. Распоряжения, исходящие от

пособника, являются его предписаниями или разъяснениями, которые касаются аналогичных ситуаций [1].

Т.е. объективная сторона пособничества может быть тесно связана с прямыми обязанностями адвоката перед доверителем. Разграничением выступает факт соблюдения закона. Адвокат-пособник может давать советы изначально носящие преступный характер, либо советы по поводу того, как обойти закон, сделать преступление неочевидным. По средствам указаний он может способствовать сокрытию уже совершенного преступления, создать ложное алиби. В процессе консультации доверитель становится осведомлён о «лазейках» в законе. Важной составляющей деятельности адвоката выступает адвокатская тайна. Статья 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности» к последней относит любые сведения, которые связаны с оказанием адвокатом юридической помощи доверителю [7].

В целях защиты данного вида сведений, адвокат обладает иммунитетом относительно ряда оперативно-розыскных и следственных действий. В той же статье Федерального закона указано, что он не может быть вызван на допрос и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с её оказанием. Осуществление оперативных и следственных действий в отношении адвоката, в его жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности, возможен лишь на основании судебного решения. Кроме того, если в процессе проведения таких действий были обнаружены какие-то предметы, сведения или документы, то они могут выступать доказательством только по тем делам, которые не входят в производство адвокатом по делам его доверителей. Т.е. в целях оказания помощи, адвокат может обещать скрыть как самого преступника, так и предмет, относящиеся к преступлению, оружие [3].

Стоит сказать, что Кодекс профессиональной этики адвоката закрепляет следующее: «Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации». Тайна служит способом защиты доверителя, а не адвоката.

Из вышесказанного, можно сделать вывод, что объективная сторона состава преступления появляется тогда, когда действия адвоката предполагают дальнейшее нарушение закона, создают благоприятные условия для этого, направлены на нарушение норм.

К субъективной стороне преступления относится наличие прямого умысла на содействие противоправному деянию. Исходя из специфики своей профессии, адвокат может знать о готовящемся или предполагаемом преступлении своего подзащитного. Но факта осведомлённости недостаточно для определения его в качестве преступления. В таком случае обладание информацией будет относиться к адвокатской тайне. Адвокат должен не просто осознавать возможность совершения доверителем деяния, но и иметь желание наступления незаконных последствий, т.е. иметь умысел.

К деянию, совершенному с умыслом Уголовный кодекс Российской Федерации относит преступление, при котором «...лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления» [6].

Стоит сказать, что, исходя из положений Кодекса профессиональной этики адвоката, данное лицо должно честно и разумно, добросовестно отстаивать права и законные интересы своего доверителя всеми способами, не запрещёнными законом. Главным принципом деятельности выступает именно законность, действия не должны нарушать норм действующего права. Если лицо даёт заведомо неправомерный совет, который прямо направлен на осуществление неправомерного деяния, это может говорить о наличии умысла. Т.е., адвокат в таком случае осознаёт, что он содействует именно

преступному деянию и принимает неизбежность наступления общественно опасных последствий, в некоторых случаях желает их наступления [2].

Если же умысел направлен лишь на реализацию прав доверителя, минимизацию правовых рисков или смягчение ответственности законными способами, то такие действия не признаются пособничеством. Т.к., в отличие от пособника, адвокат, действующий в рамках закона, преследует цель защиты доверителя. Его умысел в таком случае направлен на процессуальное обеспечение прав клиента, а не достижение преступного результата.

Адвокат в роли пособника выступает чаще всего в преступлениях, связанных с мошенничеством. Так, приговором Первомайский районный суд города Пензы по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ был осужден адвокат, осуществлявший юридическое сопровождение криминальной схемы, в рамках которой его соучастник планировал стать хозяином части чужого имущества. В целях достижения преступного умысла, лицо проводило консультации, подготавливало перечень необходимых документов, давало советы по наиболее эффективному поведению [4].

Таким образом, можно заметить, что отличием юридической помощи от интеллектуального пособничества выступают субъективная и объективная составляющие. Юридическая помощь направлена на реализацию конституционных прав доверителя на защиту и разъяснение норм закона. Интеллектуальное пособничество всегда предполагает наличие у адвоката прямого умысла на достижение преступного результата совместно с доверителем, его действия сами носят пограничный характер.

1. Ирина, В. Б. Теоретические основы пособничества как субинститута уголовного права // Государственная служба и кадры. - 2025. - №4.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Российская газета. - 2005. - № 222.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Российская газета. - 2002 г. - № 100.
4. Приговор № 1-84/2018 от 19 сентября 2018 г. по делу № 1-84/2018/ СудАкт: интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z9PfoeEebx/> (дата обращения: 08.04.2026)
5. Сурова, К. Ю. Виды деятельности адвоката как юридического консультанта // European Journal of Law and Political Sciences. - 2015. - №3.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации - 1996. - № 25. - ст. 2954.
7. Шарапов Р. Д., Минин Р. В. Пособничество преступлению: закон, теория, практика // Известия АлтГУ. - 2018. - №6 (104).

Попкова Ю.И.

Сущность и правовая природа корпоративного договора в современном корпоративном праве

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Яковлев В.И.

Аннотация

Статья посвящена исследованию института корпоративного договора в российском праве, его сущности, правовой природе и роли в системе регулирования корпоративных отношений. Актуальность темы обусловлена как теоретической дискуссией о квалификации корпоративного договора, так и его практической значимостью в условиях развития корпоративного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: гражданское право, корпоративный договор, правовая природа, устав общества, корпоративные отношения, свобода договора, юридическое лицо.

Abstract

The article is devoted to the study of the institute of corporate contract in Russian law, its essence, legal nature and role in the system of regulation of corporate relations. The relevance of the topic is due to both the theoretical discussion on the qualification of corporate contract, and its practical significance in the conditions of development of corporate legislation and law enforcement practice.

Keywords: civil law, corporate contract, legal nature, charter of the company, corporate relations, freedom of contract, legal entity.

Корпоративный договор прочно вошёл в российскую правовую действительность как эффективный механизм согласования воли участников хозяйственных обществ. В некоторых случаях устав компании охватывает не все области, чтобы урегулировать взаимодействие между участниками. Тогда на помощь приходит корпоративный договор - то соглашение между участниками хозяйственного общества либо между некоторыми из них, а также между ними и иными лицами (кредиторами), которое определяет порядок осуществления корпоративных прав и обязанностей его сторон.

В российском праве институт корпоративного договора прошел сложный путь формирования. Первоначально в 1990-е годы подобные соглашения существовали в «теневом» режиме, поскольку их действительность вызывала серьезные сомнения у судов и доктрины. Как отмечает В.Г. Бородкин, в правоприменительной практике и в науке корпоративные соглашения продолжительный период подвергались сомнению, однако в настоящее время как в зарубежной доктрине, так и в судебных актах они признаются неотъемлемой составляющей регулирования отношений между участниками компаний [1].

Легализация корпоративного договора произошла в рамках реформы гражданского законодательства. Реформирование гражданского законодательства Российской Федерации в последние десятилетия привело к легальному закреплению ряда правовых институтов, ранее известных преимущественно зарубежному праву. Одним из таких институтов стал корпоративный договор, предусмотренный ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ, а также специальными нормами ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Появление корпоративного договора в российском праве было обусловлено объективными потребностями экономического роста. Императивный характер законодательства об обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах не позволял участникам гибко регулировать свои взаимоотношения, особенно в части управления обществом, порядка отчуждения долей и разрешения корпоративных конфликтов.

Главное отличие корпоративного договора от других видов договоров, к которым допускается применение положений о корпоративном договоре прежде всего заключается в субъектном составе его сторон, которыми могут выступать исключительно действующие участники корпорации, а также в организационно-правовой форме юридического лица, в рамках которого может быть заключен данный договор - хозяйственное общество.

Ключевое различие заключается также в том, что корпоративные права (право на участие в управлении, право на получение дивидендов и т.д.) возникают у лица в силу его статуса участника общества, а не из договора. Корпоративный договор лишь определяет, как именно участник будет осуществлять эти права.

Как отмечает В.А. Белов, договор юридически приравнен к понятию сделки, являющейся юридическим фактом, следовательно, корпоративный договор - это юридический факт, порождающий обязательства между сторонами, но не создающий корпоративных прав [2].

Говоря про правовую природу договора, М.А. Гребенюк отмечает, что любое исследование относительно корпоративного договора, в первую очередь, должно обращаться к вопросу о его правовой природе. В науке до сих пор отсутствует единство мнений относительно того, чем является корпоративный договор: разновидностью гражданско-правовой сделки, особым корпоративным актом или же уникальным правовым явлением, сочетающим признаки различных правовых институтов [3].

Правовая природа корпоративного договора является одним из наиболее дискуссионных вопросов современного корпоративного права. В российской доктрине сформировалось несколько основных подходов к квалификации этого института, каждый из которых имеет свои теоретические основания и практические последствия.

Корпоративный подход признаёт самостоятельность корпоративного договора, подчёркивая его особую роль в регулировании корпоративных отношений. Корпоративный договор рассматривается как инструмент, влияющий на структуру и управление корпорацией, хотя и не заменяющий устав.

Обязательственный подход рассматривает корпоративный договор как обычную гражданско-правовую сделку, которая порождает договорные обязательства. В данном подходе отмечается отсутствие у корпоративного договора самостоятельного характера и договор лишь регулирует порядок осуществления уже существующих корпоративных прав, не создавая новых. Например, Е. А. Суханов полагает, что корпоративный договор - это сделка владельцев акций по распоряжению своим имуществом без последствий для корпоративной структуры общества [4].

Наиболее распространённая позиция, согласно которой корпоративный договор имеет двойственную природу. С одной стороны, он является гражданско-правовым договором, порождающим обязательственные отношения между его сторонами. С другой стороны, он содержит корпоративные элементы, так как регулирует вопросы управления обществом, отчуждения долей и другие аспекты, связанные с корпоративными урегулированием.

Ключевым аспектом, раскрывающим сущность корпоративного договора, является его соотношение с уставом - основным учредительным документом. Устав обладает верховенством по отношению к иным внутренним актам и договорам, поскольку его положения доступны для третьих лиц в силу государственной регистрации.

Однако законодатель предусмотрел сложную систему взаимодействия этих двух регуляторов. С одной стороны, согласно п. 2 ст. 67.2 ГК РФ [5], корпоративный договор не может обязывать участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов управления и их компетенцию. Такие условия ничтожны. Это подчеркивает, что фундаментальные вопросы корпоративного устройства являются прерогативой устава.

С другой стороны, ст. 67.2 ГК РФ устанавливает важное правило: стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с противоречием уставу [5]. Более того, заключение договора, противоречащего уставу, не является основанием для признания его недействительным. Данная норма призвана защитить стабильность договорных отношений, перенося акцент на обязательственно-правовые последствия нарушения.

Таким образом, корпоративный договор является ярким проявлением принципа свободы договора в корпоративном праве. Его содержание не конкретизировано в законе в той степени, как это сделано для классических договоров, что позволяет относить его к категории смешанных или непоименованных договоров.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что корпоративный договор в современном праве представляет собой сложный, многогранный институт, занимающий пограничное положение между обязательственным и корпоративным правом.

С одной стороны, это классическая договорная конструкция, основанная на автономии воли сторон, равенстве и соглашении, порождающая обязательственные отношения. С другой стороны, неразрывная связь предмета договора с осуществлением корпоративных прав, его направленность на управление обществом и возможность при единогласии участников выполнять регулятивную функцию.

Наиболее полно отражает эту специфику концепция двойственной (гибридной) правовой природы. Данный подход позволяет, с одной стороны, применять к корпоративному договору общие положения ГК РФ о сделках и договорах, а с другой - учитывать особенности корпоративных отношений, в которых он реализуется.

1. Бородин Вадим Геннадьевич. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Бородин Вадим Геннадьевич; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»]. - Москва, 2016. - 255 с.
2. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора / В.А. Белов // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 239–257.
3. Гребенюк М.А. О правовой природе корпоративного договора / М.А. Гребенюк // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 3. С. 23.
4. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. – 2012. – № 2. – С. 4 – 35.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ в ред. от 22.10.2014 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Соболев Н.Р.

Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействия

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)

Научный руководитель: Комнатная Ю.А.

Аннотация

Статья направлена на рассмотрение правовых аспектов современной кибербезопасности и противодействия угрозам. В статье произведено соотношение понятий информационной безопасности и кибербезопасности, выделены признаки кибербезопасности. Автором статьи отмечены проблемы правового регулирования кибербезопасности на современном этапе.

Ключевые слова: информационная безопасность, угрозы информационной безопасности, кибербезопасность, киберпреступность, киберпреступления, киберугрозы.

Abstract

The article aims to examine the legal aspects of modern cybersecurity and countering threats. The article compares the concepts of information security and cybersecurity and highlights the features of cybersecurity. The author highlights the problems of legal regulation of cybersecurity at the current stage.

Keywords: information security, information security threats, cybersecurity, cybercrime, cybercrimes, and cyber threats.

В условиях широко распространения информационных технологий и процесса цифровизации в научный оборот, а также в нормативное регулирование все чаще вводятся новые определения и термины. Применение информационных технологий стало одним из факторов для устойчивого экономического развития. С другой стороны, использование информационных технологий и систем уязвимо от внешних и внутренних угроз. Иностранные государства, их спецслужбы рассматривают национальные информационные системы других государств, объекты критической инфраструктуры как канал, через который можно причинить вред национальным интересам государства. В двуединстве вопросы развития информационных технологий и их повсеместное применение, а также обеспечение безопасности требуют разработки и совершенствования правовых мер.

В доктрине, практике и законодательстве достаточно часто встречаются такие синонимичные термины как «информационная безопасность», «компьютерная безопасность», «кибербезопасность». Вместе с тем, на законодательном уровне отсутствует закрепление некоторых из этих терминов, что порождает неоднозначное их толкование и применение.

Так, вызовы и угрозы информационной безопасности Российской Федерации, а также меры по предотвращению информационных угроз нашли свое отражение в Указе Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». В нормативном правовом акте дается следующее определение: «Информационная безопасность Российской Федерации - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [1]. Основной фактор формирования доктрины информационной безопасности – это появление угроз

информационной безопасности, опасность которых состоит в существовании риска причинения вреда национальным интересам в информационной сфере. В условиях информационно-технологической развитости, информация стала пластичным инструментом причинения вреда национальным интересам.

Далее необходимо соотнести понятие информационной безопасности с кибербезопасностью. В законодательстве Российской Федерации указанное понятие не приводится.

Например, под кибербезопасностью предлагается понимать «защищенность от деструктивной информации, распространяемой при помощи информационных технологий. При этом объектом деструктивного воздействия является человек, в сознании которого под влиянием транслируемой информации возникают когнитивные процессы, а результатом непосредственного воздействия — когнитивные процессы, порождаемые в человеческом сознании в результате восприятия вредоносного контента

А.Б. Смушкин является сторонником того, что понятие кибербезопасности следует рассматривать частью понятия информационной безопасности, которое характеризуется тем, что оно связано «с обеспечением безопасности от киберпреступлений и инцидентов в киберпространстве, не подпадающих под уголовную ответственность. Необходимость выделения отдельной категории кибербезопасности в науке и практике обусловлена неуклонным ростом числа киберпреступлений и увеличением ущерба от них» [2, 51].

По мнению В.А. Лаврухина, понятие информационной безопасности значительно шире и универсальнее, чем понятие кибербезопасности. Информационная безопасность предполагает состояние защищенности от деструктивной информации в любой среде и форме, в которой может существовать информация: «Информационная безопасность ориентирована на организацию защиты информации и данных вне зависимости от формата их представления в какой-либо системе, в том числе неинформационной. Кибербезопасность во главу угла своей организационной структуры ставит обеспечение защиты от кибератак, прежде всего, цифровой информации и данных, хранящихся и циркулирующих внутри информационных систем» [3, с. 126].

Следовательно, кибербезопасность и киберугрозы – это понятия, которые тесно взаимосвязаны с существованием информации в цифровой среде. В частности, киберугрозы порождаются осуществлением кибератак, которые проводятся путем подключения к сетевым устройствам. Киберугрозам присущ трансграничный характер, то есть достаточно часто кибератаки совершаются субъектами, находящимися за пределами одного государства, в отношении объектов, находящихся в другом государстве. Именно эти возможности делают привлекательным использование цифровых технологий в качестве орудия для совершения террористических и экстремистских преступлений в киберпространстве.

Возвращаясь к вопросу правового регулирования кибербезопасности и противодействия киберугрозам, необходимо еще раз обратиться к положениям Указа Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в котором содержатся отдельные нормы, относящиеся к вопросам информационной безопасности в киберпространстве. В п. 14 Указа Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 конституируется, что на сегодняшний день фиксируется возрастание масштаба компьютерной преступности с применением информационных технологий. Компьютерная преступность существует в виртуальной среде, именно поэтому независимо от проявления компьютерных преступлений все они охватываются понятием киберпреступности.

Учитывая изложенное, следует отметить, что в Российской Федерации не сформировались отдельные правовые акты и не унифицированы правовые нормы, касающиеся обеспечения кибербезопасности и противодействия киберугрозам. Анализ правового регулирования обеспечения информационной безопасности показал, что противодействие киберугрозам осуществляется в рамках реализации единой политики в

области информационной безопасности. Отстающим является и понятийно-категоричный аппарат.

Правовое регулирование кибербезопасности и противодействия киберпреступности, на взгляд автора, остается недостаточно адаптированным к вызовам и угрозам в рассматриваемой области. Например, критического осмысления требуют проблемы уголовно-правового противодействия киберугрозам и киберпреступности в Российской Федерации. Справедливо подчеркивается жизненная необходимость совершенствования понятийного аппарата в сфере нормативного обеспечения кибербезопасности и противодействия: «Для российского уголовного законодательства основной проблемой выступает понятийно-категориальный аппарат, который используется для описания киберпреступлений. Считаем, что закрепление в основном законе Российской Федерации предусматривающим уголовную ответственность, понятий, характеризующих киберпреступность является жизненно необходимым. Для правильного понимания и применения уголовно-правовых норм, такие термины как «киберпреступник», «кибератака» и другие требуют своего законодательного закрепления» [5, с. 139].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование кибербезопасности и противодействия осуществляется в рамках правового обеспечения информационной безопасности. Однако некоторые вопросы кибербезопасности требуют специального регулирования, что объясняется потребностью общественными отношений.

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"
2. Баландин А.Ю. Особенности правового регулирования кибербезопасности в эпоху глобального противостояния // Правовая информатика. 2025. №1. С. 50-55.
3. Смушкин А.Б. Кибербезопасность: понятие, структура, механизм правового обеспечения // Правоприменение. 2025. № 9 (3). С. 114-123.
4. Лаврухин В.А. Информационная безопасность и кибербезопасность в условиях вызовов современности: актуальность, сходства и различия // Человек и образование. 2024. № 1(78). С. 123-131.
5. Шумилин В.П., Лысенко Е.С., Острякова А.Ф. Проблемы законодательства о киберпреступности // Аграрное и земельное право. 2022. № 5. С. 137-140.

Стешенко Д.Р.

Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу состава преступления, предусмотренного статьей 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, – мошенничества в сфере кредитования. Рассматриваются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона данного преступления, приводится пример из судебной практики для правильного отграничения от гражданско-правового деликта.

Ключевые слова: мошенничество, кредитование, уголовная ответственность, состав преступления, квалификация преступлений.

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the crime under Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is credit fraud. The object, objective side, subject, and subjective side of this crime are considered, and an example from judicial practice is provided to distinguish it from a civil law tort.

Keywords: fraud, credit, criminal liability, crime composition, qualification of crimes.

С развитием рыночных отношений и ростом доступности кредитных ресурсов, а также в условиях возрастающей сложности финансовых операций, значительно возросло количество преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере. Одним из наиболее распространенных и социально опасных деяний является мошенничество, получившее специфическое воплощение в виде мошенничества в сфере кредитования, криминализованного в Российской Федерации отдельной статьей 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Данное преступление, как самостоятельный состав, появилось в УК РФ в результате крупной реформы, направленной на дифференциацию уголовной ответственности за различные виды хищений, в частности, в 2012 году [2]. Целью введения данной статьи было повышение эффективности борьбы с преступностью в кредитной сфере, учитывая специфику объекта и способа совершения преступных посягательств.

Объектом мошенничества в сфере кредитования, как и любого другого вида мошенничества, выступают общественные отношения, связанные с собственностью. Однако, специфика данной статьи заключается в том, что данный вид мошенничества посягает на особый вид отношений – кредитные отношения, которые в свою очередь выступают дополнительным объектом и подразумевают правомерный порядок осуществления предпринимательской деятельности, в данном случае – деятельности кредитных организаций, направленной на предоставление денежных средств на условиях возвратности, платности и срочности [3].

Необходимо подчеркнуть, что уголовно-правовая охрана предоставляется именно отношениям собственности, а не самому гражданско-правовому договору. Преступный характер мошеннических действий проявляется в нарушении принципов добросовестности и законности, которые лежат в основе договорных отношений.

Кредитные отношения представляют собой правовые отношения, возникающие между кредитором (банком, иной кредитной организацией или физическим/юридическим

лицом, предоставляющим кредит) и заемщиком (физическим или юридическим лицом, получающим кредит) на основе договора о предоставлении кредита. Эти отношения урегулированы нормами гражданского законодательства (в первую очередь, Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О банках и банковской деятельности»).

Определение банка и кредитной организации установлено ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности», которое содержит: «Кредитная организация - юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество.

Банк - кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц» [4].

К иным кредитным организациям, в частности, относится микрофинансовая организация, определение которой содержится в ст. 2 ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: «юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность и, сведения о котором внесены в государственный реестр микрофинансовых организаций в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом. Микрофинансовые организации могут осуществлять свою деятельность в виде микрофинансовой компании или микрокредитной компании» [5].

Предметом преступления являются наличные или безналичные денежные средства кредитора.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, раскрывается через обман или злоупотребление доверием при получении кредита, что установлено п. 1 ПП ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [6]. Для признания деяния преступным необходимо наличие следующих элементов:

1. Действия (бездействие): преступление совершается путем активных действий (предоставление заведомо ложных сведений, поддельных документов) или, в некоторых случаях, путем бездействия (сокрытие информации, имеющей существенное значение для принятия решения о выдаче кредита) [7];

2. Способа совершения: 1) обмана, который заключается в преднамеренном искажении истины или умолчании о фактах, имеющих значение для принятия решения о выдаче кредита. Обман может быть как активным (предоставление поддельных документов, ложных сведений о финансовом состоянии, цели использования кредита), так и пассивным (умалчивание о существенных обстоятельствах, например, о наличии просроченной задолженности по другим кредитам) или 2) злоупотреблением доверия, то есть использование лицом своего служебного положения или особых отношений с кредитором для получения кредита, на который оно бы не имело права при объективной оценке его реального положения;

3. Последствия: мошенничество в сфере кредитования является преступлением с материальным составом. Для его квалификации необходимо наступление последствий в виде причинения имущественного ущерба кредитору [8]. Размер ущерба имеет значение для квалификации преступления по частям 1, 2, 3 и 4 статьи 159.1 УК РФ. Крупный, особо крупный размер, с использованием служебного положения или группой лиц по предварительному сговору являются квалифицирующими признаками;

4. Причинно-следственная связь между преступным деянием и наступившими последствиями.

Согласно статье 159.1 УК РФ обязательным условием является предоставление «заведомо ложных и (или) недостоверных сведений» [9] к ним относится информация о целях получения кредита (например, указание на использование кредита в предпринимательской деятельности, когда фактически средства планируется потратить на личные нужды), финансовом положении заемщика (предоставление поддельных справок о доходах, бухгалтерской отчетности), наличии залога, поручительства, предоставление паспорта другого человека и т.п.

Субъектом мошенничества в сфере кредитования является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое является заемщиком.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что получает кредит на основании обмана или злоупотребления доверием, предвидит, что своими действиями причиняет имущественный ущерб кредитору, и желает этого [10]. Виновный сознательно вводит в заблуждение кредитора относительно своих намерений, платежеспособности, цели использования кредита и т.д.

Обязательным признаком субъективной стороны является наличие у виновного корыстной цели, то есть стремления безвозмездно, противоправно обогатиться за счет кредитора [8].

Одной из основных проблем применения ст. 159.1 УК РФ является отграничение мошенничества от гражданско-правовых деликтов. Если лицо добросовестно намеревалось вернуть кредит, но вследствие объективных причин (например, непредвиденные финансовые трудности, банкротство) не смогло этого сделать, то речь идет о неисполнении или ненадлежащем исполнении договорных обязательств, которое подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Обратимся к судебной практике. Согласно решению центрального районного суда г. Челябинска, гражданин М. и гражданин Т. (далее – гр. М. и гр. Т.), совершили следующее: действуя группой лиц по предварительному сговору с целью хищения денежных средств, заведомо знакомые гр. Т. и гр. М. договорились о том, что гр. Т. найдет кредитную организацию (банк), который предоставит гр. М. кредит на покупку транспортного средства, которое гр. Т. также предварительно найдет, по заведомо ложным документам. Реализуя сговор, гр. Т. подобрал организацию ПАО «П...», транспортное средство – VW Tuareg, которым владел его знакомый и предоставил гр. М. документы о том, что он работает в организации по адресу ..., и имеет ежемесячный доход 80000 рублей. После получения кредита, гр. М. передал деньги гр. Т, который в свою очередь, совершил покупку транспортного средства и переоформил кредит на себя. В дальнейшем, гр. Т. не внес данные об автомобиле в банк и не оформил его в ГАИ. После 6 месяцев эксплуатации автомобиля, гр. Т. продал его и перестал выплачивать денежные средства в банк. В результате невыплат, было подано заявление и возбуждено уголовное дело. Гр. Т. и гр. М. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч.2, ст.159.1 [11]. Исходя из этого, для квалификации по ст. 159.1 УК РФ ключевую роль играют умышленное предоставление ложных или недостоверных сведений. Если такие данные остаются неподтвержденными, уполномоченные органы не вправе возбуждать уголовное дело, и спор о неисполнении долговых обязательств подлежит разрешению в гражданском порядке.

Таким образом, мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) представляет собой серьезную угрозу для стабильности финансовой системы и добросовестных участников кредитных отношений. Комплексный анализ состава данного преступления позволяет выявить его специфику, определить объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления.

1. Березовская В.Я., Чердакова Л.А. Актуальные и проблемные аспекты кредитно-заемных отношений // Экономика и безопасность, 2024. № 9. С. 70-75.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 49. – Ст. 6752.
3. Специальные вопросы квалификации преступлений против собственности : учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Д. Ю. Краев, А. Н. Попов ; под общ. ред. А. Н. Попова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019 – 120 с.
4. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02 декабря 1990 года № 395-1 : [в редакции от 28 ноября 2025]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
5. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : Федеральный закон от 02 июля 2010 года № 151-ФЗ : [в редакции от 29 декабря 2025]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 [в редакции от 15 декабря 2022] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2.
7. Русанов Г.А. Преступления против собственности : учебник и практикум для вузов / Г. А. Русанов, А. А. Арямов. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 173 с.
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 1184 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ : [в редакции от 20 февраля 2026 года]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
10. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – Москва: Статут, 2012. – 943 с.
11. Решение центрального районного суда города Челябинска от 17 февраля 2020 года по делу № 1-59/2020. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EVKTCrsj7PoJ/> (дата обращения: 06.03.2026).

Терновенко А.П.

Защита жилищных прав отдельных категорий граждан

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Яковлев В.И.

Аннотация

В статье рассматривается система защиты жилищных прав отдельных категорий граждан в Российской Федерации. Освещаются ключевые изменения 2026 года, включая цифровизацию процедур оформления льгот и расширение круга льготных категорий. Разграничиваются понятия «льготы» и «субсидии». Анализируются механизмы прямой поддержки, в частности, выдача государственных жилищных сертификатов военнослужащим, переселенцам, детям-сиротам и др. Подчеркивается тенденция к адресности помощи и согласованию регионального законодательства с федеральными требованиями.

Ключевые слова: жилищное право, льготы, субсидии, граждане, меры поддержки.

Сложный межотраслевой институт защиты жилищных прав отдельных категорий граждан формируется на базе норм жилищного, гражданского и административного прав. В 2026 году данная сфера претерпела существенные изменения, обусловленные как корректировкой федеральной политики, так и необходимостью учета новых социальных реалий.

Фундаментальное значение для понимания современной системы защиты жилищных прав имеет разграничение понятий «льготы» и «субсидии». Как следует из разъяснений, данных в 2026 году депутатом Государственной Думы, членом Комитета по бюджету и налогам Никитой Чаплиным, «льгота представляет собой скидку на оплату жилищно-коммунальных услуг, предоставляемую определенным категориям граждан независимо от уровня их дохода. В свою очередь, субсидия является адресной выплатой, призванной компенсировать часть расходов на оплату коммунальных услуг в случае, если такие расходы превышают установленную долю в совокупном семейном бюджете» [4]. Федеральный стандарт максимальной доли расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг установлен в размере 22 % от совокупного дохода семьи, однако региональные нормативные акты могут устанавливать более низкий порог, что характерно для большинства субъектов Российской Федерации.

Федеральное законодательство определяет широкий круг лиц, имеющих право на получение жилищных льгот. К их числу относятся инвалиды всех групп, участники Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, граждане, подвергшиеся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, Герои Российской Федерации и Советского Союза, а также члены семей погибших военнослужащих [2].

Помимо системы льгот и субсидий, действующее законодательство предусматривает механизмы прямого предоставления жилых помещений отдельным категориям граждан. Ключевым инструментом в этой сфере выступают государственные жилищные сертификаты. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2026 года № 185-р утвержден график выпуска и распределения на 2026 год государственных жилищных сертификатов в рамках реализации комплекса процессуальных мероприятий – «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан»; государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан

Российской Федерации». Указанный документ распространяется на граждан, государственные обязательства по обеспечению жильем которых установлены федеральным законодательством. К числу таких лиц относятся

- военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, подлежащие увольнению с военной службы, и приравненные к ним лица;
- участники ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф;
- вынужденные переселенцы;
- граждане, выезжающие из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей;
- а также граждане, подлежащие переселению из закрытых административно-территориальных образований [4].

Важным нововведением 2026 года стало расширение круга лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеющих преимущественное право на обеспечение жилыми помещениями. Федеральным законом, принятым в декабре 2025 года, внесены изменения в Федеральный закон № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5]. В соответствии с указанными изменениями, преимущественное право на обеспечение жилыми помещениями предоставлено гражданам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые выполняли задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции. Как подчеркивается в пояснительных документах, «ранее соответствующим преимущественным правом обладали только те лица из числа указанных категорий, кто принимал участие в специальной военной операции непосредственно на территориях Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей» [3]. Расширение перечня направлено на обеспечение равной защиты прав всех военнослужащих вне зависимости от места выполнения ими боевых задач.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что система защиты жилищных прав отдельных категорий граждан в Российской Федерации представляет собой динамично развивающийся механизм, сочетающий меры как прямой (предоставление жилых помещений, выдача жилищных сертификатов), так и косвенной (льготы, субсидии, компенсации) поддержки. Ключевыми тенденциями 2026 года стали цифровизация процедур предоставления мер поддержки, расширение круга льготных категорий с учетом современных социальных и геополитических реалий, а также систематическая работа по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральными требованиями. При этом важнейшим принципом остается адресность предоставляемой помощи, что предполагает необходимость учета как социального статуса, так и имущественного положения граждан при определении объема и форм государственной поддержки.

1. "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026)
2. Федеральный закон от 12.01.1995 N 5-ФЗ (ред. от 20.02.2026) "О ветеранах"
3. Закон Тамбовской области от 08 апреля 2022 года N 77-3 (ред. от 19.09.2025)
4. Подкорытова, А. В. Проблемы обеспечения прав граждан на жилище в РФ / А. В. Подкорытова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 43 (229). — С. 151-153. — URL: <https://moluch.ru/archive/229/53225>.
5. Тарасова А. Н. Проблемные аспекты защиты жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Молодой ученый. 2022. № 36. С. 133-136. <https://elibrary.ru/ezhztz>

Терновенко А.П.
Особенности наследования в международном частном праве

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Перемышленникова И.Н.

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей наследования в международном частном праве. В работе рассматриваются ключевые проблемы, связанные с коллизией законов при наличии иностранного элемента в наследственных правоотношениях: различия в национальных подходах к кругу наследников, порядку распределения имущества, форме завещания и т.д. Освещаются механизмы преодоления правовых коллизий — в том числе применение коллизионных норм и международных договоров. Анализируются процессуальные аспекты международного наследования, вопросы налогообложения и управления имуществом в формате траста. Подчёркивается тенденция к унификации и гармонизации норм в сфере трансграничного наследования как способ обеспечения защиты прав наследников и эффективного регулирования наследственных отношений.

Ключевые слова: наследование, международное частное право, коллизионные нормы, международные договоры, трансграничное наследование.

Abstract

This article analyzes national inheritance in broad private law. It examines key issues related to energy supply conflicts involving a foreign element in inheritance relations: differences in national approaches to the circle of heirs, the procedure for distributing property, the form of wills, etc. The article highlights mechanisms for resolving legal conflicts, including the application of conflict-of-laws rules and international treaties. It analyzes the procedural aspects of international inheritance, the maintenance and management of property in the form of a trust. The trend toward unification and harmonization of rules in the area of cross-border inheritance is emphasized as a means of ensuring the protection of heirs' rights and the effective regulation of inheritance relations.

Keywords: prosecution, international private law, conflict-of-laws rules, treaties, cross-border investigation.

Наследование в международном частном праве — это многогранная область, где сталкиваются нормы разных национальных систем, международные договоры и правовые обычаи. Главная особенность таких отношений — наличие иностранного элемента, который провоцирует коллизии и требует специальных правил разрешения. Основная проблема — конфликт правовых норм, когда юрисдикции выдвигают взаимоисключающие претензии к одним и тем же отношениям. Например, различаются круг наследников, очередность распределения имущества, требования к форме завещания и сроки принятия наследства. В одних странах доминирует свобода завещания, в других — защищенные законом доли ближайших родственников, что усложняет жизнь наследникам и вынуждает выбирать применимое право.

Наследование зарубежной недвижимости особенно сложно из-за коллизии между правом места нахождения имущества и личным законом наследодателя. Многие страны отдают предпочтение первому, обеспечивая регистрацию и публичные интересы, что приводит к дроблению наследства: разные активы (недвижимость в одной стране, счета в другой) подчиняются разным системам права. Коллизии возникают и по форме завещания, где требования (нотариат, свидетели, письменность) различаются. Гагская конвенция 1961 г. решает это, признавая завещание действительным по праву места

составления, жительства или гражданства наследодателя, повышая его признаваемость и снижая риски оспаривания.

Двусторонние и многосторонние договоры играют определяющую роль в урегулировании международного наследования, минимизируя коллизии и обеспечивая единообразие подходов. Они устанавливают общие правила выбора применимого права, признания завещаний и защиты прав наследников, что особенно актуально в условиях глобальной мобильности. Гаагские конвенции: о правиле формы завещательных распоряжений (1961 г.), позволяющая признавать завещание по праву места составления или гражданства; о праве, применимом к доверительной собственности и ее признании (1985 г.); о международном управлении наследственным имуществом (1973 г.), регулирующем назначение администраторов; Вашингтонская конвенция о форме международного завещания (1973 г.), вводящая стандартизованную унифицированную форму, автоматически признаваемую в странах-участницах; Бернская конвенция о наследовании (1969 г.), определяющая критерии применимого права (гражданство или последнее место жительства наследодателя) и правила взаимного признания наследственных прав.

Процессуальные аспекты международного наследования также имеют специфику. Возникают вопросы компетенции судов (какой суд вправе рассматривать наследственное дело с иностранным элементом); исполнения иностранных судебных решений (признание и приведение в исполнение решений о наследстве); оказания правовой помощи (передача документов, допрос свидетелей, запросы в иностранные органы). Здесь важную роль играют международные соглашения о правовой помощи, которые устанавливают порядок взаимодействия между государствами.

Ещё одна особенность — налоговое регулирование. Наследники могут столкнуться с необходимостью уплаты налогов в нескольких юрисдикциях. Разные страны применяют различные подходы к налогообложению наследства (по месту жительства наследодателя, по месту нахождения имущества, по гражданству наследников), что может привести к двойному налогообложению. Для его предотвращения заключаются соглашения об избежании двойного налогообложения, учитывающие специфику наследственных отношений. Доверительная собственность (траст), широко используемая в англо-американской системе, создаёт дополнительные сложности. В странах континентального права институт траста отсутствует или имеет иную правовую природу. Это порождает вопросы о признании и управлении таким имуществом в составе наследства, особенно если наследодатель создал траст в иностранном государстве.

В последние годы наблюдается тенденция к унификации и гармонизации норм международного наследования. В сфере международного наследования активно развиваются цифровые платформы для учета дел, упрощается трансграничный обмен данными и вводятся инновационные механизмы защиты наследников. Европейский Союз лидирует с Регламентом (ЕС) № 650/2012, регулирующим юрисдикцию, применимое право, признание и исполнение решений по наследственным делам. Он предусматривает Европейское свидетельство о наследовании (ESP) и единые правила определения компетентного суда, что значительно облегчает процедуры в 27 странах ЕС. Глобально внедряются блокчейн-реестры для завещаний (например, в Эстонии и ОАЭ) и AI-инструменты для анализа коллизий, ускоряя верификацию документов.

Международное наследование отличается повышенной сложностью из-за разнообразия национальных режимов и иностранного элемента. Разрешение коллизий требует комплексного арсенала: коллизионных норм, международных конвенций и цифровых инструментов унификации. Такой подход гарантирует надежную защиту прав наследников, предсказуемость регулирования и эффективное управление активами в разных юрисдикциях, способствуя дальнейшей интеграции глобального правового поля.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ст. 1224) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений от 05 октября 1961 // <https://docs.cntd.ru/document/901898346>
3. Петрова, Г. В. Международное частное право : учебник для вузов / Г. В. Петрова. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 633 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18123-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/568799> (дата обращения: 22.03.2026).
4. Абраменков, М. С. Наследственное право : учебник для вузов / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев ; ответственный редактор В. А. Белов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 376 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16574-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582608> (дата обращения: 22.03.2026).

Терновенко А.П.
Психологические особенности деятельности адвоката

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Алейникова В.А.

Аннотация

В данной статье рассматриваются психологические аспекты деятельности адвоката, которые обусловлены конфликтностью и неопределённостью в юридической практике. Выделяется структура психологической компетентности адвоката. Уделяется внимание доверительному общению с клиентом, требующему обеспечения психологической безопасности. Автор обращает внимание также на явление профессиональной деформации, а именно развитию правового цинизма и способам предотвращения этих негативных изменений. В заключении подчеркивается, что результативность работы адвоката в равной степени определяется как его знанием законов, так и пониманием психологии человека.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, психологическая компетентность адвоката, психология защиты, эмоциональное выгорание, эмоциональный интеллект.

Работа адвоката на первый взгляд кажется сугубо юридической, так как состоит из подробного изучения дела, поиска подходящей нормы, составления жалобы или ходатайства и т.д. Однако любой практикующий адвокат подтвердит, что больше половины успеха зависит не от знания норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) или Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), а от умения выстроить отношения с человеком. Доверитель приходит в состоянии страха, гнева или отчаяния. Он может путать факты, умалчивать о неудобных обстоятельствах или, наоборот, настаивать на заведомо ложной версии. Здесь и вступают в силу психологические особенности профессии, которые часто важнее юридической квалификации.

Первая и самая сложная задача адвоката – это налаживание контакта в условиях тотального недоверия. Многие люди идут к юристу с установкой «все вокруг врут», включая и собственного защитника. Психологи называют такой тип общения конфидентным, то есть основанным на доверии, но это доверие нужно создавать. Адвокат вынужден одновременно быть и строгим аналитиком, и эмпатичным слушателем. Если он выдавит из себя только сухую процессуальную схему, клиент замкнется и утаит важные детали дела.

Вторая особенность касается эмоциональной регуляции самого адвоката. На протяжении одного рабочего дня он может общаться с жертвой насилия, с циничным рецидивистом и с судьёй. Опытные адвокаты знают, что страх и гнев в суде «заразительны», поэтому психологическая устойчивость становится профессиональным инструментом не хуже, чем знание процедуры допроса.

Нельзя обойти и тему профессиональной деформации. Адвокаты годами видят худшие стороны жизни: предательство, ложь, жестокость. Со временем это меняет восприятие. Некоторые становятся циничными, переставая верить в справедливость вообще и относясь к любому делу как к обузе. Другие, наоборот, выгорают эмоционально – пропадает интерес, появляется хроническая усталость и равнодушие к судьбе клиента. Без сознательной работы над собой здесь не обойтись: следует проводить регулярные встречи с коллегами, либо заняться личной психотерапией.

Адвокатское сообщество часто живет по принципу «сам справился – и ты справишься», и просить о помощи считается слабостью. Однако опытные коллеги, которые смогли сохранить и профессионализм, и душевное здоровье, обычно делятся

несколькими простыми советами. Во-первых, нужно разделять работу и личную жизнь: не приносить дела домой, не обсуждать с семьей. Во-вторых, полезно иметь среди коллег одного-двух человек, с которыми можно честно, поговорить о том, что больше всего вызывает страх и тревогу. В-третьих, многие адвокаты находят спасение в хобби, например, рисование, спорт, волонтерство и т.д. Это помогает напоминать себе, что мир не состоит целиком из преступлений и наказаний.

Эффективность адвоката в конечном счете определяется не количеством выигранных дел, а его способностью сохранять человеческое лицо в нечеловеческих обстоятельствах. Тот, кто умеет сохранять психологическую гибкость, находить общий язык с клиентом, ориентироваться в нормативных правовых актах, и не заикливаться на чужой боли – такой специалист будет востребован всегда. Люди идут к адвокату не за статьей из кодекса, а за надеждой, дав эту надежду, не потеряв себя, - вот главная психологическая особенность и одновременно высший пилотаж адвокатской деятельности.

1. Адвокатура и адвокатская деятельность : учебник для вузов / под редакцией А. А. Клишина, А. А. Шугаева. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 604 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14226-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/586465> (дата обращения: 29.03.2026).
2. Носков, И. Ю. Профессиональная этика юриста : учебник для вузов / И. Ю. Носков. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 288 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18885-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/586174> (дата обращения: 29.03.2026).
3. Романов, В. В. Юридическая психология. Хрестоматия : учебник для вузов / В. В. Романов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 385 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21703-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582562> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Скабелина, Л. А. Навыки работы адвоката с судебно-психологическими экспертизами : учебник для вузов / Л. А. Скабелина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 150 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16779-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/588756> (дата обращения: 29.03.2026).

Храмова П.С.

Разграничение злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и мошенничества при причинении имущественного вреда организации

НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

В данной статье рассматриваются критерии, позволяющие правильно отграничить злоупотребление полномочиями от мошенничества применительно к случаям причинения имущественного вреда организации. Авторами исследуются особенности составов преступлений, предусмотренных статьями 201 и 159 УК РФ, анализируются критерии разграничения указанных преступлений. Особое внимание уделено вопросам квалификации деяний, совершаемых лицом, использующим свое положение руководителя или иного лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, деятельности которой был причинен ущерб.

Ключевые слова: мошенничество, злоупотребление полномочиями, имущественный вред, организация, состав преступления, разграничение.

Abstract

This article examines the criteria that make it possible to correctly distinguish abuse of authority from fraud in relation to cases of property damage to an organization. The authors investigate the specifics of the crimes provided for in Articles 201 and 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, and analyze the criteria for distinguishing these crimes. Special attention is paid to the issues of qualification of acts committed by a person using his position as a manager or other person performing managerial functions in a commercial or other organization whose activities have been damaged.

Keywords: fraud, abuse of authority, property damage, organization, corpus delicti, differentiation.

Вопрос разграничения злоупотребления полномочиями и мошеннических действий приобретает особую значимость ввиду возможных ошибок в правоприменительной практике. Данные составы преступлений имеют общие черты, однако существенные отличия касаются объектов посягательств, характеристик субъекта, целей и последствий для пострадавших сторон.

Статистические данные демонстрируют значительную разницу в количестве осужденных по различным исследуемым статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Так, в 2024 году по статье 201 УК РФ было осуждено 94 человека, в то время как количество обвинительных приговоров по статье 159 УК РФ превысило отметку в 20 тысяч [5]. Подобные цифры свидетельствуют о реальной значимости исследуемой темы, как как правильное разграничение составов преступлений оказывает непосредственное влияние на эффективность борьбы с коррупционными проявлениями и защищает интересы государства, организаций и граждан.

Под злоупотреблением полномочиями понимается «использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства» [1].

Что же касается мошенничества, то под ним следует понимать «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или

злоупотребления доверием» [1]. Ключевым признаком является способ достижения цели – введение потерпевших в заблуждение относительно намерений субъекта, следствием которого становится передача имущества в пользу последнего.

Для полноценного понимания критериев разграничения данных составов преступлений при причинении имущественного вреда организации рассмотрим приговоры суда.

Согласно обстоятельствам дела, изложенным в Приговоре Петрозаводского городского суда от 19 августа 2025 г. по делу № 1-1601/2024, гражданин А. являлся директором и единственным участником УК «Жилой Дом» и в течение 5 месяцев использовал свои полномочия для извлечения выгод и преимуществ, что привело к ухудшению финансового состояния организации [3].

Подсудимый давал указания главному бухгалтеру на перевод денежных средств на свои счета и счета других лиц, в результате чего вывел более 1,7 миллиона рублей на свой счет под видом выдачи под отчет.

Данные нарушения были выявлены новым директором и учредителем, который провел аудит хозяйственной деятельности и установил причины негативного финансового положения. Организации был причинен имущественный ущерб на сумму более 5 миллионов рублей, а также ущерб «в виде отрицательного влияния на нормальную работу организаций, подорвав их деловую репутацию перед гражданами, проживающими в многоквартирных домах, находящихся в управлении организации».

Анализируя материалы дела, выписки, представленные потерпевшим, суд признал гражданина А. виновным в преступлении, предусмотренном частью 1 статьей 201 УК РФ и назначил наказание в виде лишения свободы на срок 2 года. Кроме того, суд передал гражданский иск для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Для рассмотрения следующего состава преступления обратимся к Приговору Симоновского районного суда от 12 августа 2025 г. по делу № 01-0327/2025 [4].

Так, в данном деле З. обвиняется в покушении на мошенничество и мошенничестве в крупном размере. Являясь генеральным директором и единственным учредителем ООО «Интер Сфера Групп», он разработал план по хищению денег у клиентов, заключая договоры на изготовление мебели.

Согласно материалам дела, З. сообщил лицам, осуществляющим трудовую деятельность в ООО «Интер Сфера Групп», не осведомленным о его преступных намерениях, подбирать для гражданина, обратившегося в указанную выше организацию, интересующий его кухонный гарнитур, после чего убедить последнего заключить договор на изготовление корпусной мебели.

Суть преступного плана состояла в заключении договора, внесении предоплаты и хищении денежных средств без намерений выполнять обязательства по данному договору. Клиенты были введены в заблуждение и лишились своих денег.

Суд, исследуя материалы дела, договоры и выписки, предоставленные свидетелями и потерпевшими, признал З. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 (14 эпизодов) и ч. 3 (6 эпизодов) статьи 159 УК РФ, и назначил наказание в виде лишения свободы на 5 лет.

Анализ приговоров дает основания полагать, что между составами злоупотребления полномочиями и мошенничеством имеется ряд существенных отличий.

Злоупотребление полномочиями подразумевает использование руководителем или иным ответственным лицом своих прав для нарушения интересов управляемой организации. Мошенничество же выразилось в том, что директор ООО осознанно ввел потерпевших в заблуждение относительно реальности исполнения договорных обязательств своей компании.

Кроме того, преступление, предусмотренное статьей 201 УК РФ основано на легальном доступе к ресурсам и возможностям организации, в то время как

мошенничество основывается на предоставлении недостоверной информации или совершении действий, создающих «иллюзию» добросовестности действий.

При анализе второго приговора речь шла о так называемом «корпоративном мошенничестве», которое хотя и не имеет определения в законодательной базе, но часто используется в кругах ученых-правоведов.

Так, в своем исследовании А.Р. Меркулова и С.А. Гребенкина под корпоративным мошенничеством понимают «преднамеренное незаконное действие сотрудников компании, которое обусловлено наличием у них определенных обязанностей и должностного положения, позволяющего им получить личную выгоду и при этом действовать вопреки интересам компании, путем воздействия на её финансово-хозяйственную деятельность, хищение активов, несанкционированное использование преимуществ на рынке» [2, с. 618].

Сформулированное понятие действительно отражают сущность рассмотренного в приговоре преступления. На наш взгляд, для правильного отграничения исследуемых составов необходимо внести дополнения в УК РФ, создав новый состав преступления «Корпоративное мошенничество». Данная необходимость продиктована отсутствием устоявшейся правоприменительной практики разграничения злоупотребления полномочиями от мошенничества. Такое нововведение позволит повысить точность квалификации преступлений, возникающих в корпоративных структурах, избежать смешивания различных уголовно-правовых категорий и обеспечить защиту экономических интересов компании.

Проведенный анализ показал важность точного понимания природы преступлений, предусмотренных статьями 201 и 159 УК РФ, недостаточную регламентацию в законодательных актах и необходимость дальнейшего совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации с целью обеспечения вынесения законного решения.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Меркулова, А.Р., Гребенкина, С.А. Корпоративное мошенничество: сущность и взаимосвязь со стилем руководства // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). С. 616-621.
3. Приговор Петрозаводского городского суда от 19 августа 2025 г. по делу № 1-1601/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/94KbfK9jAxVQ/> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Приговор Симоновского районного суда от 12 августа 2025 г. по делу № 01-0327/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KmJlY0fWCNq/> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ : сайт. URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.03.2026).

Научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№132, Апрель 2026**

(Часть 2)

Подписано в печать 30.04.2026. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.7,59
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»